

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XIII.

П Р О З А.

Венеціянскій Арсеналь.

(Изъ писемъ Морскаго Офицера.)

Проснувшись въ 9 часовъ, я думалъ, что уже не успѣю осмошрѣть до обѣда Венецію. Но что я говорю: развѣ какую-нибудь часпѣ ея? Взглянулъ въ окно; на улицѣ все было тихо, какъ въ глухую полночь. Я опяшь легъ; но не могъ заснуть, звонилъ, кликалъ слугу, сошелъ внизъ и увѣрилъся, что въ домъ даже и рабочники еще спятъ. Наконецъ, въ 10-ть часовъ, пришелъ слуга и взглянулъ на меня такъ, какъ бы хотѣлъ сказать, что я не умѣю жить; ибо всшалъ совершенно не по Венеціански.

Венеціане ужинаютъ въ чепыре или пяшь часовъ ушра, ложатся спать на разсвѣтѣ, вспаютъ въ полдень; въ ушрениемъ нарядѣ приходятъ въ кофейные дома завшракашъ и до шрехъ или чепырехъ часовъ гуляютъ и занимаютъся дѣлами. Пошомъ возвращаются домой; въ пяшомъ и шешшомъ часу обѣдаютъ въ шрактирахъ; ложатся спать и до 8-ми

часовъ городъ пустѣеть, Въ девятомъ уже собираются, въ нарядномъ уборѣ, на площадь Св. Марка. Въ домахъ рѣдко даюся балы и обѣды, исключая весьма немногихъ богачей, копорые имѣють связи съ иностранцами. — Въ половинѣ десяпаго часа ѣдушь въ Театръ, гдѣ посѣщаютъ знакомыхъ; въ полночь идущъ въ Ридопшо. Такова жизнь въ Венеціи! Не знаю, правился ли Вамъ, а для меня кажется самою пріятною и удобною для сохраненія здоровья. — Въ зимнее время нѣсколько опспунають опъ сихъ правилъ. Близъ города нѣшь ни садовъ, ни полей; не куда иппи пользоваться воздухомъ, и шолько Дворяне, имѣющіе дачи на машеромъ берегу, удаляются шуда на лѣто и шамъ живутъ по деревенски. При началѣ оседи всѣ переѣзжаютъ въ городъ.

Въ одиннадцашъ часовъ я пришелъ на площадь. Въ кофейномъ домѣ *Флоріана* нашель *Родостомо*, копорый, по прозьбѣ моей, согласился показашъ мнѣ Арсеналь. На дорогѣ встрѣшилъ насъ посланный опъ Г. Б., приглашавшій меня на обѣдъ къ здѣшнему Морскому Начальнику, Г. *Паулуги*; но я, не желая перяшь золошаго времени, опказался, зашелъ въ книжную лавку и взялъ книгу, подѣ заглавіемъ: *Описаніе Венеціи для иностранцевъ*. Изъ пей выберу нужныя свѣденія, присовокупя мои замѣчанія о шеперешнемъ состояніи Арсенала.

Славный Венеціянскій Арсеналь, опкуда вышли многочисленныя Флопы, копорые были ужасомъ Арабовъ и Сарацинъ и завистію Генуэзцевъ, уже болѣе

не существуетъ; но слѣды минувшаго величія дѣлають его и понынѣ предметомъ, наиболѣе достойнымъ быть видимымъ, и даже теперь онъ можешь почесться наилучшимъ украшеніемъ Венеціи.

Арсеналь занимаетъ нѣсколько острововъ, обнесенъ высокими надежными стѣнами, съ зубцами и разнаго рода башнями; окружность его можешь проспираться до трехъ миль. Посреди Арсенала сооружена спорожевая башня, откуда часовой можешь видѣшь все, что дѣлается внуши и снаружи.

Иностранцы, исключая особъ Княжеской породы, не имѣли права входить въ Арсеналь со шпагою. Благодаря Французамъ, я хопя не изъ числа Князей, но былъ въ немъ съ своимъ коршикомъ. Огромныя вооруженія, вѣдущія въ Арсеналь, какъ въ надписи сказано, построены въ 1475-мъ году Архитекторомъ *Кампане*, украшены прекраснѣйшими мраморными львами, нѣкогда сберегшими Аѳинскій Пирей. Фасадъ оныхъ слишкомъ зашампанѣ колоннами, статуями и арматурою. Черезъ мраморный мостъ входяшь въ обширныя сѣни, гдѣ стоить главная сграда. Внутренняя сторона Арсенала также украшена колоннами и львиною работою.

Начало заведенія Арсенала, *Санзовино* справедливо приписываетъ первымъ вѣкамъ существованія Республики; ибо древніе обитатели сихъ острововъ не только имѣли нужду въ лодкахъ для сообщенія съ матерымъ берегомъ, но должны были строить и большія вооруженныя суда, для защищенія себя

ошъ непріятеля. Въ 1220-мъ году, при Дождь Маркѣ *Николо*, Арсеналь, находившійся прежде въ другомъ мѣстѣ, уже славился своею обширностію; а въ 1312-мъ году, Дожемъ Жіованни *Саранзо*, нарочито былъ украшенъ и распространенъ.

Арсеналь раздѣляется на двѣ части: въ первой, прилегающей къ морю, спроехся и споехнъ корабли. Сія верфь и гавань защищающся двумя четвероугольными башнями, соединенными подъемнымъ мостомъ. Вокругъ бассейна построены магазины, въ коихъ хранящся всѣ принадлежности, къ вооруженію корабля нужныя. Второе отдѣленіе называющся *Кампо д'Арсенале*; оно лежишъ къ Югу ошъ перваго и чрезъ него входяшъ въ Арсеналь съ сухаго пуши.

Первое зданіе, находящееся при входѣ, ешъ канашный заводъ. Далѣе пушечный дворъ, (*) обнесенный рѣшеткою; пушъ лежанъ пушки, а въ пирамидахъ ядра и бомбы. Число ихъ и сошой доли не составишъ шого, что у насъ можно видѣшъ въ Кроншнадшѣ. За рѣшеткою, въ ошкрышой залѣ, работающъ пушечные снажки; ошдѣлка довольно чисша; не знаю, какова будешъ оковка. Повороши въ лѣвую руку, начинающся Присудешвенныя мѣсша; за ними идешъ непрерывный рядъ магазиновъ, экипажныхъ и Провіаншскихъ, кузицы, линейная пушекъ,

(*) Надъ липшемъ пушекъ начальствуешъ *Арберсетти*. Его фамилія издавна предоставлено исключительное право, снабжашъ Флотъ и Армію Артиллеріею.

Оружейный заводъ, собешвенный Арсеналь, парусная и пр. — Здѣсь-шо шешнадцашъ тысячъ машеровыхъ, тысячи женщинъ, шившихъ паруса и придцашъ шешъ тысячъ машросовъ гошовили нѣкогда перуны для пораженія враговъ Республики. Тешерь въ магазинахъ нѣшъ никакихъ запасовъ и двѣ тысячи рабочихъ, разсѣянныхъ на споль необозримомъ пространствѣ, предешавляютъ Арсеналь совершенно пущымъ, осшавленнымъ шолько для прискорбныхъ воспоминаній.

Оружейный и Морской Арсеналь, шакже спашели (*) и Модель-Камера наибольшее заслуживаютъ вниманіе. По мраморной лѣшницѣ привели насъ въ шакъ называемую *старую залу*, гдѣ хранилось оружіе для 20,000 человекъ. Зала сія украшена доспѣхами знаменитѣйшихъ Адмираловъ и Генераловъ Республики. Надъ дверями посшавленъ бюстъ Графа *Кенгсмарка*. За мостомъ находилсѣ другое зданіе, называемое *новой залой*. Въ нижнемъ этажѣ опдѣлываютъ спволы, замки и прочія вещи къ ружьямъ. Верхній этажъ сосшавляетъ одну обширную залу, какихъ доселѣ я нигдѣ невидаль. Оная поддерживается посреди посшавленными колоннами, со вкусомъ украшенными доспѣхами побѣжденных предводителей. Въ красивыхъ шкафахъ за спеклами, посшавленныхъ вдоль поперечныхъ стѣнъ, хранятся драгоценныя оружія. Изъ нихъ Французы

(*) Наклонный къ водѣ помостъ, на которомъ спрошлся корабль.

вынули все то, что спойли больших денег, оставя только одно желзо. Порядокъ, въ какомъ подлѣ длинныхъ стѣнъ залы поставлено было 30,000 ружей (*), по удобству и вмѣстительности, достоинъ замѣчанія. Карнизъ залы состоить изъ сабель, пикъ, панцрей и проч. Изъ древнихъ оружій примѣчательны: Первая въ Венеціи вылишая пушка, окруженная десятью ружейными своломи, кошорые однимъ замкомъ вдругъ стрѣляютъ. *Сосудъ* для сна фиселей, зажигаемыхъ въ одно мгновение. *Латы Генриха IV*; наконецъ, конное изображеніе *Кёнигсмарка* и весьма некспати пушъ же поставленный бюстъ Наполеона.

Въ Морскомъ Арсеналѣ, кошорый еще не оштѣданъ, храняща модели кораблей и всѣхъ крѣпостей, взявшихъ Венеціанами. Въ особой залѣ производится на полу разбивка судовъ; пушъ же преподаются уроки кораблеспроенія. Въ сараяхъ, гдѣ пригошьяются корабельные члены, я замѣпилъ, что оныя, по недоспашку шолстыхъ и длинныхъ деревъ, вырубаются изъ двухъ шшукъ, что очень экономно и не вредитъ прочности корабля.

Спацели покрышы кровлями, что весьма полезно для сохраненія строящихся кораблей и удобно для рабочихъ, защищенныхъ ошъ солнца и непогоды.

На спацеляхъ спроятся шеперь пять 74-хъ-пушечныхъ кораблей, два фрегата, два брига, нѣ-

(*) Въ обоихъ Арсеналахъ оспалось не болѣе 6,000 ружей; прочія взяли Французы.

сколько шкунъ и мѣлкихъ судовъ. Корабли набраны; но, за неимѣніемъ лѣса, остающіяся недоделанными. Фрегаты скоро спускаются; около ихъ прилѣжно работаютъ. Корабли выводятся на камеляхъ до острова Маламоки; тамъ ихъ вооружаютъ, сдѣлывая Артиллерію и погрузя до 15-ти фузовъ, переводятъ за опмѣль и уже въ морѣ кладутъ остальныя тяжесты, погружая корабль линейный не болѣе 20-ти фузовъ. Фрегаты ихъ о 36-ти пушкахъ, прекрасныя бриги о 20, шкуны о 14-ти, въ числѣ коихъ двѣ пушки поставлены на носу и кормѣ. Шкуны велики и, судя по наружности, должны быть очень тяжелы на ходу. Я говорилъ съ нѣкоторыми Морскими Офицерами. Они имѣютъ довольноя Теоретическія познанія; но дурное содержаніе, худое вниманіе къ ихъ службѣ, упражненіе мажорзовъ болѣе фруншовою, чѣмъ Морскою службою, особенно избраніе Начальниковъ безъ малѣйшихъ познаній и опытности, изъ Армейскихъ полковъ, не обѣщаютъ великихъ успѣховъ. (*)

На возвращеніи пуши я вспомнилъ и спросилъ: гдѣ же *Бугенторъ*? Его уже нѣтъ: Французы на днищѣ стараго фрегата поставя пушки, назвали его *своимъ* Бученшоромъ. Ишакъ шоржеспвенное обрученіе Дожа съ его супругою, Адриашическимъ

(*) За сей ново-введенный порядокъ Наполеонъ заплашилъ потерю всѣхъ кораблей, которые онъ осмѣлился выслать въ море. Венеціанская эскадра была взята Англичанами при островѣ Лиссъ, въ 1810-мъ году.

морель, уже не повпоряется, но еще не забыто. Быть может Вам не случилось читать описанія сего Романическаго празднества, для котораго собирались зрители со всего свѣта. Послушайте, что говоришь о сёмъ *Санзовино*.

Названіе Бученшора происходитъ отъ слова *duocentorum*, то есть двухъ-сотное; ибо шоткое число людей на немъ помѣстилось могло. Галерасія имѣла 14 сажень длины и 3 ширины; вся наружность ея была вызолочена и украшена рѣзбою, статуями и проч. Въ нижнемъ ярусѣ сидѣли 52 гребца; верхняя палуба закрывалась бархатнымъ покровомъ; подъ нимъ въ кормѣ спояль проиъ для Дожа, а по бортамъ во всю длину, въ четьре ряда, кресла для Посланниковъ и сна Сенаторовъ. Въ день Вознесенія, Дождь, сопровождаемый Папскимъ Нунціемъ, отправлялся съ площади Св. Марка къ проливу Лидо, (въ 5-ши верст. отъ города). Три великолѣпныя галеры, называемыя *Пеатоны* и шакое множество гондолъ, что оными море совершенно покрывалось, — слѣдовали въ порядкѣ за галерою Правителя Республики. Тушь Папріархъ, слѣдующій за Бученшоромъ на одномъ изъ *Пеатоновъ*, благословлялъ море, низводилъ Дожа съ прона и принимавъ отъ Церемоніймейстера золотое кольцо, подавалъ Дожу, а сей бросалъ оное въ море, говоря: „Обручаюся себѣ морю, въ память побѣды.“ Венеціане, защищая Папу *Александра III-го*, одержали упоминаемую при обрученіи побѣду надъ Императоромъ

Барбероссою. По окончаніи сего спраннаго Церемоніала и ошслушавъ обѣдню въ Церкви Св. Николая на Лидѣ, Дождь возвращался на площадь Св. Марка, при восклицаніяхъ народа и при залпахъ Аршиллеріи, со всѣхъ крѣпостей и судовъ, стоящихъ на якорѣ и ему соудушествующихъ. Послѣ сего, на площади, прошиву Дожева дворца, продолжались 15 дней великолѣпныя маскарады и другія зрѣлища, для народнаго увеселенія.

О Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ Литте- ратурномъ отношеніи. (*)

(Сообщено изъ Москвы.)

Появленіе *Бахчисарайскаго фонтана* достойно вниманія не однихъ любительей Поэзіи, но и наблюдашелей успѣховъ нашихъ въ умственной промышленности, кошорая шакже, — не во гнѣвъ будь сказано, — содѣйствуешъ, какъ и другая, благосостоянію Государства. Рукопись маленькой Поэмы *Пушкина* была заплачена при штысячи рублей: въ ней нѣтъ шести сошъ стиховъ; шпакъ стихъ, — (и еще какой же? замѣшимъ для биржевыхъ оцѣнщиковъ — мѣлкій чешырестопный стихъ —) обошелся въ пять рублей съ излишкомъ. Стихъ *Бейрона*, *Казимира Лавиня*, спрочка *Вальшера Скотта* приношишь проценшъ еще значительнѣйшій: эшо правда! Но вспомнимъ и шо, чшо иноземные капиталышы зыскиваюшь проценшы со всѣхъ образованныхъ потребишелей на земномъ шарѣ, а наши капиталы обращающаюся въ шѣсномъ и домашнемъ кругу. Какъ бы шо ни было: за стихи *Бахчисарайскаго фонтана* заплачено шолько, сколько еще ни за какіе Рускіе стихи заплачено не было. Примѣръ, данный Книгопродавцемъ *Пономаревымъ*, купившимъ манускриптъ Поэмы, заслуживаешъ, чшобы имя его, доселѣ еще негромкое въ спискѣ нашихъ Книгопродавцевъ, сдѣ-

(*) Сочиненіе весьма извѣстнаго и много уважаемаго Писателя, кошорому не нужно подписывать своего имени. Зрѣлыя мысли, благонамѣренность и остроуміе обличають его. *Издатели.*

лалось извѣстнымъ: онъ обратился на себя признательное уваженіе друзей просвѣщенія, оцѣнивъ прудъ ума не на мѣру и не на вѣсь. Къ удовольствію нашему, можемъ также прибавить, что онъ не ошибся въ расчетахъ и уже вознагражденъ прибылью за смѣлое покушеніе торговли. Дай Богъ, съ легкой руки! Пускай опытъ его послужитъ примѣромъ ободрительнымъ и закономъ для прочихъ его шоварищей. Собственная выгода ихъ отъ этого зависить, не говоря уже, что для образованнаго Книгопродавца должно быть пріятно, способствовать пользѣ Писателей и дѣйствовать съ ними за одно, а не про себя исключительно. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ, Писатели отличные перешагнутъ къ нимъ прибѣгать и начнутъ промыслять сами своимъ шоваромъ; а на часъ Книгопродавцевъ останутся одни наемники и книжные поденщики.

Радуемся сей оцѣнкѣ *Бакисарайскаго фонтана* и потому, что она ушверждаетъ насъ во мнѣніи, что никакое истинно-изящное произведеніе Литтературное не осмаетъ у насъ въ небреженіи и что несправедливо жалуемся иные на равнодушіе ко всему опечесшвенному. Еще недавно изданіе *Поллярной звѣзды*, къ изумленію и горести Астрономовъ-Кришниковъ (*), разошло съ быспрымъ и блистательнымъ успѣхомъ. Кажется, напропивъ, просвѣщенное вниманіе ко всѣмъ дарованіямъ, ко всѣмъ уси-

(*) Смощри Хемницерову Басню: *Метафизикъ*. — Изд.

ліямъ, споспѣшествующимъ успѣхамъ Литпературы, возрастаетъ болѣе и болѣе. Если вкусъ спановишся разборчивѣе, требованія взыскашельнѣе и не все шо *хорошо*, что только *Руское*; шо и шупъ найдемъ мы поводъ къ удовольствію. Многіе жалуяшся на употребленіе Французскаго языка и на сихъ жалобахъ основываюшъ сисшему какого-шо мнимага, *подогрѣтаго* Пашріопизма. Приписывая Французскому языку упадокъ Рускаго, напоминаюшъ они фабриканшовъ внутреннихъ, проповѣдующихъ *запретительныя* *мѣры* прошивъ виѣшней торговли, чтобы пуспишъ въ ходъ домашнія издѣлія. Они расчишываюшъ: еслибъ не было Французскихъ книгъ, шо по неволѣ спали бы насъ чишашъ! — Заключение ложное! Чпеніе не еспъ потребностъ необходимая: оно роскошь, оно лакомство! Хотя бы и не было никакихъ книгъ, кромѣ вашей *доморощеной*, шо все не чишали бы васъ, Милоспивые Государи! Пишите по Европейски, и шога соперничество Европейское не будешъ вамъ опасно и Чишашели Европейскіе присвоюшъ васъ себѣ.

Авшоры, жалуящіеся на неблагодарностъ согражданъ; Акшѣры — на своенравіе и холодноспъ Публики; спарики — на скуку настоящаго времени; женщины съ недоспашксомъ въ прелеспяхъ или избышкомъ въ лѣшахъ — на ушрашу вѣжливоспи и любезной привѣспливоспи въ молодежи; все эшо — уловки испершя, все эшо — загадки, давно разгаданныя!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Прощальная пѣснь,

пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ Дѣвиць,
при выпускѣ 1824-го года.

Прости, убѣжище святое,
Гдѣ наше упрое золошое
Такъ мирно радовало насъ! . . .
Въ защишномъ здѣсь уединеньѣ
Мы зрѣли райское видѣнье,
Небесный слышали мы гласъ!
Но райскій призракъ улешасяъ,
Небесный голось умолкаешъ . . .
Спѣшишь, спѣшишь разлуки часъ!

О пы, младенчештва обишель,
Да будешъ Геній швой хранишель
Всегда хранишель вѣрный швой!
Да будешъ все, что здѣсь бывало,
Что насъ лелѣяло, плѣняло —
Невинность, радосшный покой,
И легкій шрудъ, и опдыхъ ясной,
И дѣшескихъ лѣшъ союзъ прекрасной —
Неизмѣняемо съ шобой!

Мы, уводимыя Судьбою,
Съ благословеньемъ и мольбою
Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
Предѣль покоя и свободы,
Вы, древни спѣны, пышны воды,
Забавъ свидѣшель, мирный садъ! . . .

Для насъ прошли безпечны лѣта!

Мы покидаемъ васъ для свѣта!

Мы не придемъ уже назадъ!

Еще мы здѣсь — рука съ рукою;

Но близокъ часъ — и за Судьбою

Пушями разными пойдёмъ!

Здѣсь вмѣстѣ мы вѣрили счастью;

А тамъ, подъ пайной рока власью,

Мы все иное обрѣшемъ!

Гошовишь свѣтъ намъ испытанье!

Да будешь же *Воспоминанье*

Для насъ хранящимъ божествомъ!

Минувшее не миновалось:

Во глубинѣ души осмалось

Оно сокровищемъ святымъ!

И мы, не розно и въ разлукѣ,

Къ жишейской прислушивъ наукѣ,

Надеждой сердце ободримъ!

Здѣсь въ шиниѣ уединенья,

Мы были дѣпи Провидѣнья —

И въ шумѣ свѣта будемъ съ Нимъ!

Его, Его мы призываемъ!

Его храненью повѣряемъ

Здѣсь покидаемыхъ друзей!

Живите, радуйшесь, играйте

И, намъ подобно, разцвѣщайте,

Подруги нашихъ лучшихъ дней!

И нашу Матерь — нашу радость

Да утѣшая ваша младость,

Объ насъ напоминаешь Ей!

О наша Милая Родная,

Твою обитель покидая,

Уносимъ въ сердцѣ образъ Твой!

И чшобъ въ грядущемъ насъ ни ждало,

Повсюду будешь, какъ бывало,

Для насъ любимую мольбой:

„Чшобъ Небо Милую хранило;

Чшобъ долго дней Ея свѣшило

Сіяло радостью земной!“

Жуковский.

Э л е г і я.

Не улешай, не улешай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай,
Минувшихъ дней воспоминанье.

Прощель, прощель ихъ милый сонъ;
Но все душа за нимъ спремился
И ждешъ: бышь можешъ, снова онъ
Хошя однажды ей приснился.

Такъ пупникъ въ ранніе часы,
Заспигнушъ ужасами бури,
Съ надеждой смошришъ на красы
Гдѣ-гдѣ ясныющей лазури!

Н. Языковъ.

Дерпшъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XIV.

П Р О З А .

Неизъяснимое происшествіе.

(Истинный анекдотъ.)

Священникъ одной деревни въ окрестностяхъ Абердина взошелъ на кафедру, въ первое воскресенье Марша, дабы заключить Богослуженіе чтеніемъ Священнаго Писанія и молишвою. Раскрывъ Библию, увидѣлъ онъ въ оной записку, кошую немедленно развернулъ и началъ читать. Онъ думалъ, что это было обыкновенное объявленіе о предстоящихъ бракахъ, провозглашаемое въ церквахъ по окончаніи Божественной службы.

Но какъ изумились всѣ его прихожане, когда Священникъ прекратилъ чтеніе записки при самомъ началѣ, измѣнился въ лицѣ и произнесъ Библейскій шексть и молишву шомнымъ и дрожащимъ голосомъ! При выходѣ изъ церкви, почтеннѣйшіе изъ поселянъ окружили своего духовнаго Пастыря; всѣ желали знать, что было причиною внезапнаго его смущенія; но онъ не разсудилъ за благо, удовлетворить ихъ любопытство и послѣдно возвратился домой.

Содержаніе записки было дѣйствительно таково, что могло привести его въ изумленіе и ужасъ. Она сочинена была въ слѣдующихъ выраженіяхъ .

„Вчера въ субботу, въ 10-ше часовъ вечера, возвращаясь въ Абердинъ, былъ я ошановленъ, въ небольшомъ разстояніи отъ сей деревни, Вашимъ церковникомъ и школьнымъ Учишелемъ. Они меня убили и ограбили, а шѣло мое бросили въ рѣку Ди. Молишесь за несчастнаго

Дж. Брюса.“

Сей *Брюсъ* былъ млочный порговецъ изъ Абердина, часто приходившій въ деревню съ своими поварами и очень знакомый Паспору. Онъ обыкновенно ошанавливался у церковника, который содержалъ нѣкоторый родъ постоялаго двора.

Священникъ долго размышлялъ: какъ надлежало ему поступить въ семъ странномъ случаѣ? Наконецъ, послѣ обѣда, рѣшился онъ ийти къ Судѣ и повѣрить ему свою шайну. Сей послѣдній послѣшно развернулъ записку, которую подалъ ему Священникъ, но, къ величайшему своему удивленію, нашель одну шолько бѣлую бумагу! Онъ не могъ воздержашься отъ смѣха и спарался увѣрить Паспора, что все это видѣлъ онъ во снѣ. Тогда изумленіе и ужасъ Священника достигли еще высочайшей степени; но онъ швердо былъ увѣренъ, что читалъ обвинительную записку и ссылался на свидѣтельство всѣхъ своихъ прихожанъ, видѣвшихъ его смущеніе. Пришедъ нѣсколько въ себя, сказалъ онъ Судѣ, что

Правосудіе небесное избираетъ нерѣдко чудеснѣйшіе способы для открытія тайныхъ преступленій и что блюстители правосудія земнаго нарушили бы обязанности своего званія, если бы не внимали таинственному его гласу. Слова сіи, произнесенныя имъ съ чувствомъ и твердостью, не остались безъ дѣйствія: Судья оправивъ довѣреннаго человека въ Абердинъ, дабы узнать, что дѣлалось съ *Брюсомъ*. Вскорѣ посланный прибылъ съ оповѣщеніемъ, что его ожидали въ городъ въ субботу вечеромъ, но что онъ до сихъ поръ не возвращался. Тогда Судья, сопровождаемый Полицейскими служителями, дѣлалъ обыскъ въ домахъ церковника и Учителья; но не нашелъ ничего, что могло бы служить доказательствомъ ихъ преступленія. Впрочемъ, они изъявили при семъ случаѣ великое смущеніе и хотя при допросѣ, дѣланномъ каждому изъ нихъ въ особенностяхи, оба они постоянно заирались, но нерѣдко прошиворѣчили другъ другу въ своихъ показаніяхъ. Сіе заставило Начальство, взявъ ихъ подъ стражу. Допросы повторялись ежедневно; но они все еще не хотѣли признаваться въ своемъ злодѣяніи.

Между тѣмъ рыбаки нашли въ рѣкѣ шло несчастнаго Брюса, во многихъ мѣстахъ израненное. Въ лѣвой рукѣ его, сжатою судорожнымъ движеніемъ, находилась мѣталлическая пуговица, вѣроятно опорванная имъ ошъ кафшана одного изъ убійць своихъ. По дѣланномъ сличеніи удостовѣрились, что она не только сходствовала съ пуговицами

школьнаго Учишеля, но чшо на кафшанъ сего послѣдняго дѣйсвившешельно недоспавало одной. Спольш очевидное доказашельство засшавило его признашься въ своемъ прешупленіи. Соощникъ его, церковникъ, вскорѣ послѣдовалъ сему примѣру. Оба они преданы были Суду и приговорены къ смершной казни, кошорую и воспріяли въ Абердинѣ, при изъявленіяхъ живѣйшаго раскаянія.

Происшешевіе сіе долго оспавалось неизъяснимымъ для Священника, Судьи и для всѣхъ, кшо шолько имѣль объ ономъ свѣденіе. Чрезъ нѣсколько уже мѣсяцовъ, слуга Пасшора, человекъ примѣрнаго поведенія, но слабаго и боязливаго характера, рассказалъ ему сію непоняшную Ишторію. Въ тошъ самый вечеръ, когда совершилось убійство, ходиль онъ, безъ вѣдома своего Господина, въ одну опдаленную опъ большой дороги ферму, для свиданія съ своею невѣсною. Возвращаясь уже домой, услышалъ онъ жалобные споны. Любопышество привлекло его на дорогу, но спрахъ засшавиль спряшашься въ кусты. Здѣсь былъ онъ свидѣшелемъ послѣднихъ ударовъ, кошорые злодѣи нанесли несчастному *Брюсу*; но не имѣль духа, подашь ему помощи. Съ ужасомъ въ сердцѣ возвращилъ онъ къ Священнику и провель всю ночь въ безпокойствѣ и волненіи. Совѣшь запрещала ему сохраняшь въ шайнѣ злодѣяніе, коего былъ онъ очевидцемъ; а спрахъ и слабосшь характера не позволяли ему, здѣлашь явный доносъ. Послѣ долгой внушренной боръбы, рѣшилъ онъ написашъ записку,

кошорую мы чипали выше и положишь оную въ Библию. Но едва успѣлъ онъ сіе здѣлать, какъ уже началъ раскаяваться. Онъ боялся, чшобъ не узнали его руку и чшобы церковникъ и Учитель не опмштили ему жесточайшимъ образомъ. Сей новый спрахъ засшавилъ его воспользоваться шюю минушою, когда господинъ его находился за обѣдомъ и на мѣсто записки своей положишь въ Библию бѣлую бумагу, шаконъ же величины и шакимъ же образомъ свернушую.

Вошь развязка происшесшвія, кошорое долго казалось неизъяснимымъ! Какъ бы по ни было, оное служишь новымъ доказательствомъ, чшо шайныя пресшупленія всегда опкрывающся — рано или поздо, шѣмъ или другимъ образомъ и чшо виновники оныхъ никогда не избѣгающъ досшойной казни.

Съ Англійскаго.

О Мнемозинѣ:

Первая книжка *Мнемозины*, издаваемой *Ки. В. Одоевскимъ* и *Вильгельмомъ Кюхельбеккеромъ*, явилась въ свѣсъ — въ лиловой обершкѣ, съ двумя весьма худо липографированными каршинками и премножесшвомъ опечашокъ.

Мы не знаемъ, къ какому разряду книгъ причислишь *Мнемозину*. Если къ *Календарикамъ Музъ*; шо формашь, лубочныя каршинки и плохія лишперы совсѣмъ не соошвѣспивуюшь сему названію — и спаршая сестра ея, *Полярная звѣзда*, передъ нею красавица! По внушреннему достоинству, она еще менѣе принадлежишь къ нимъ. Если назвашь *Журналомъ*; шо она не содержишь въ себѣ ничего *современнаго, свѣжаго*; ничего шакого, почему бь можно было догадаться, что она издана въ 1824-мъ году. Elle ne palpate pas de l'interêt du moment.

Но что за нужда до названья?

Положимъ что

Въ сей перворожденной книжкѣ помѣщены Спихошворенія:

Святополкъ, въ чешырехъ Пѣсняхъ, соч. самага *Вильгельма Кюхельбеккера*, былъ уже напечашанъ одинъ разъ — и шо лишній. Здѣсь онъ не исправлень, а умножень.

Богъ, его же *Вильгельма Кюхельбеккера*, недостойно високаго своего предмета. Ходъ запушанъ; чувсшва поддѣльныя; мысли, одна изъ другой не развивающіяся.

Къ Графу Чернышеву, Кн. Вяземскаго, блеспишь остроуміемъ и замысловапоспiю, шакже какъ всѣ его сочиненія.

Русей Улзушь, соч. С. Н.; *Конналь и Гальвина*, *Вердеревскаго*; *Стихи при посвященіи Трагедіи: Марія Стуратъ* и *Элегія, Павлова* — показывають рѣшишельный Пiiпическій шаланпъ молодыхъ Поэшовъ. Желашельно, чшобы Г. *Вердеревскій* бралъ предметы для своихъ поэмъ изъ опечешвенной Ишоріи.

О доспоинспвѣ другихъ Спихопвореній, предоспавляемъ судишь по образчикамъ :

Въ *Давидъ* Г-на *А. Г.* находящяся еспихи :

. чшо сіи
Велики брагiя мои?
Далече спрахъ я опженя,
Во срѣшенъе изшелъ; меня
Онъ проклялъ *идолми* своими.

Въ опсривкѣ изъ Комедіи: *Аристофанъ*, много жизни, веселоспни и дѣйшвiя. Спихи вообще легки, чисшо опдѣланы и опспры; но нельзя не погоревашъ о шомъ, чшо одно дѣйшвующее лице говоришь *Ямбомъ*, другое опвѣчаешъ ему *Амфибрахиємъ*, третье поешъ *Хореемъ* или воеклицаешъ *Анапесто-Ямбомъ*. Сіе неблагозвучное смѣшеніе мепшровъ шѣмъ хуже, чшо Акшѣру невозможно скрышь *Дактилъ*, выливающагося на Рускомъ языкѣ чище, нежели *Ямбъ*, кошорый разнообразишь *Пиррихiємъ*. Между шестишопными спихами, вдругъ, совсѣмъ нечаянно проскакиваешъ двушопный или одношопный. Попа-

даются и такіе, кошорыхъ нельзя смѣришь никакимъ Пимпическимъ аршиномъ, на пр.

И вымолвишь больно, что за правду бывало мнѣ
плашой. —

Кто смѣешь среди ночи священной . . . —

Кровью Аѣинской шучилъ злыхъ пѣвиць.

Кто? я? Ну, признавайся жъ, ты видишь
его; и пр.

Есть періоды Гошической Архитектуры; на
примѣръ:

Но я скажу, какъ другъ

Честныхъ людей, *это вы*, опасность всю *измѣря*,

Премудро все должны сообразить,

Чтобъ пошчасъ замыслы Никійцевъ опшврашишь.

А родшвенникъ *его*, и, кажешся, недалный,

Ты, Иперболь многшпрадальный,

Что брани за него и *отъ* него сносишь,

За то, что такъ его любилъ и пр.

Прочитавъ два ошривка, дерзко было бы судить о характерахъ, о расположеніи, завязкѣ и развязкѣ цѣлой Комедіи.

Поэма: *Искусство любить*, по самому названію предполагающая уже опряпность въ слогѣ, щеголеватость, нѣжность и пріятность въ языкѣ и напоминающая Анакреона и Овидія, такъ начинаешся:

Бернардъ! Любимецъ Музъ! Дерзну ли безъ *искусства*
И я шебъ во слѣдъ пѣшь *нѣжно, пылко гувство*,
Межъ смершныхъ — на землѣ, въ Олимпъ — у *Боговъ*,
Равно всесильное, священное — *любовь*?

Въ прозѣ — *Записки Д. В. Давыдова о Филландскомъ походѣ* очень любопытны; слогъ ихъ чистъ и ясенъ. Въ сужденіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ видѣнь умъ наблюдательный и глазъ зоркій. Надѣмся, что

Сочинишель ихъ сдержишь слово и подаришь насъ не шолько продолженіемъ, но и окончаніемъ.

Писмо изъ Плотбища занимашельно: жаль, что оно коропко.

Лиспки, вырванные изъ Парнасскихъ вѣдомостей, не завлекають; пошому что мы не знаемъ, кого разумѣль Авшоръ подь именемъ *Геніевъ*, *подгеніевъ* и *Геніальныхъ писарей*: баловней ли Поэшовъ или безшаланныхъ горемыкъ Поэзіи? Апшическая соль его просыпалась безъ пользы!

Старикки или *островъ Панхеи*, Саширическое сочиненіе Издашеля, Кн. *Одоевскаго*, посредшвенно оспро и вшоловину замысловапо.

Въ отрывкѣ изъ *путешествія по Германіи*, Издашеля Вильгельма *Кюхельбеккера* и въ *Повѣсши: Адо*, его же сочиненія, много шемнаго, запушаннаго, опношительно къ языку и слогу. Въ нихъ ешь погрѣшноши шроякаго рода:

1) Сшранность словъ и выраженій:

„*Рубенсъ* здѣсь изобразилъ не Геркулеса, а *плотника* или другаго *мощнаго сына земли, обезсиленнаго упоеніемъ*. — *Сатиръ* съ гроздіемъ въ рукѣ *есть одушевленное лакомшво*. — Въ Сшхошворцахъ много словъ, *воды* и сшаранія. — Его *мутное* воображеніе ошщавляло по себѣ одно *туманное* воспоминаніе. Его *восторгъ мутенъ*. — Краски *мутны*. — Послѣднія минушы *разставанія*. — *Идеаль въ искаженномъ видѣ*. — *Лакома дьвушка*. — Праведникъ *весь погрузился въ самаго себя*. — Его сѣдая *борода богата*. — *Жесткал*

школа. — Корреджіо сославиль себѣ новый родъ, не лишенный теплоты. — Онъ впаль въ Театральное разслабленіе. — Кроніонъ пугины. — Скрижалъ держипъ восторженно. — Рѣдкій владѣль силою и смѣлостью. — Тужащая душа. — Душа его не устоялась. — Алмазы Электоровъ. — Полуденные глазки. — Явная война колкостей. — Безподобильшій снѣгъ.“ — и пр. и пр.

2) Несоблюденіе правилъ Граммашики и Синшаксиса.
 „Какъ избѣжаешь скуку и единообразіе? — Онъ имѣлъ въ виду въ своей каршинѣ. — Она, по мнѣ, одна изъ лучшихъ Рубенсовой кисти. — Сонъ смерти осягчаешь еще вѣжды нѣкошорыхъ; они преодѣвающъ его съ усиліемъ; другіе, вспавая опъ одра могилы, дивяшся Божіей славъ; третіе уже предчувешвуюющъ судъ Его. — Недосшашки его славнаго ученика Ванъ-Дейкъ. — Наконецъ шамъ сшарикъ, на гьемъ лицѣ написаны. — Предлагаешь ей пѣшуха по крайней цѣль. — Дочь нѣкотораго тамошняго Живописца. — Желаетъ убѣдить его къ гему-то. — Не подалеко дочь его. — Въ одномъ полько изображеніи Гольбейнъ принесь жершву своему вѣку: въ длинной, богашой, бѣлой одеждѣ. — Одна изъ дочерей Мейера обезображиваешь только цѣлое. — За то только и имъ такъ къ лицу горесшь. — Здѣсь сражался два раза Гусшавъ Адольфъ за свободу мыслей. — По другой сторонѣ спереди спощъ. — Указываетъ на шого, гымъ былъ предшечею и кому угошовиль пушь. —

Зеленая занавѣсь. — Спарецъ, сложившій *предъ нею* шіару.“ — и пр. и пр.

3) Смѣсь всѣхъ поновъ и всѣхъ родовъ слога.

Сіе въ особенності замѣшию на каждой страницѣ Повѣсти: *Адо.* Поспараемся доказать примѣрами:

Слогъ *высокій*: „*Воскресните съ моеѣ памяти, лѣса дикіе, угрюмые! Вы, ели, до небесъ восходящія, сосны темнозеленныя, вѣковыя дщери Эстоніи; шундры, блаша непроходимыя — нынѣ вспоминаю васъ! Тебя, мрачное Ульви; шебя, холмъ Авиноромскій, препоясанный извивистымъ ручьемъ; шебя, несчастный Непель; шебя, Чудское бурное озеро! — Съ береговъ Невы, изъ пышныхъ сѣньхъ Пешпрополя, пренесенный младенцемъ на брега Пейпуса, во стѣки не забуду швоего первороднаго племени, обычаевъ, нравовъ, преданій швоихъ.*“

Слогъ *низкій*: „*Окликались караулы. — Луна прорсалася* сквозь осеннія шучи.“

Слогъ *напыщенный*: „*Во вѣкъ не забуду градищъ швоихъ. — Луна освѣшила обиталища. — Вдругъ позади по хрупкимъ листьямъ развѣганнаго бора. — Серебряный щитецъ.*“

Слогъ *низкій*: „*Какъ уцѣльляла шы опъ руки враговъ? — Возвращился онъ изъ Новагорода великаго, куда, какъ знаемъ, былъ посланъ опцемъ. — Псы замиллись лаемъ. — Тогда обвершывали они шуйцу вешнимъ рубищемъ и лыкомъ.*“

Слогъ *напыщенный*: „*Напрасно косматый властитель дубравъ подьмелется; на прасно, двуногий, идешъ*

имъ въ срѣшенъе.“ (По проспу сказашь: медвѣдь спалъ на заднія лапы.)—Обращающъ желѣзо въ его *растерзанныхъ персяхъ*. — *Адо погрузился въ молчаніе.*“

Слогъ *низкій*: „На него прядешъ и ткешъ. — *Расположился на житье.* — *Земляки всѣ его знали.* — *Сѣрый армякъ Латышскій.*“

Слогъ *напыщенный*: „*Да взыскуеть помощь Князя!*“

Слогъ *низкій*: „*Онъ входилъ во всѣ причины.*“—

Довольно! Еслибъ выписывашъ всѣ несообразности слога, темныя выраженія, запушанные обороты, прошиворѣчія; шо надобно бы переписашъ всю Повѣсь.

Заклучимъ: *Письмо Виланда къ молодому Поэту*, въ Сынѣ Опечесства напечатанное и превосходно переведенное Г. *Вильгельмомъ Кюхельбеккеромъ*, совершенно удосповѣряешъ насъ, что ему весьма знакома не только Руская Граммашика и Синтаксисъ; но Риторика и Логика. Ошъ чего же онъ не держался ихъ правилъ въ собственномъ сочиненіи? Авшору хошѣлось бышь *оригинальнымъ*. Онъ дѣлаешъ усилія и, вмѣстѣ со многими нынѣшними Прозайками, забываетъ, что *оригинальность* не всегда похвальна; что въ иныхъ случаяхъ надобно щцашельно избѣгать ее; что она не ешъ вѣрный признакъ ума и дарованія и что иногда, показывая дурной вкусъ, близка къ уродливости или, по крайней мѣрѣ, къ спракности.

В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж е р т в а л ю б в и.

Э л е г і я.

Протяжный колокола звонъ
Зовешъ къ молишвѣ православныхъ,
Вечерній гаснешъ небосклонъ
И въ сумракъ сѣней дубравныхъ
Зашихъ пѣвцевъ крылашихъ хоръ.
Вступаешъ въ молчаливый боръ
Эльвина тихими споами
И сморишь шусклыми очами
Денницы на прощальный лучъ.
Журчишь, вблизи дубравы, ключъ,
Зовешъ на брегъ волной привѣшной.
Эльвина даль въ боръ идешъ,
Кого-то именемъ зовешъ, —

И ночь нисходишь непримѣшно.

И ропошь волнъ у береговъ
Тревожилъ дремлющи дубравы;
Въ струяхъ бѣгущихъ облаковъ
Плыль тихо мѣсяцъ величавый;
То въ нихъ найдя густую сѣнь,
Бросаль шрепещущую пѣнь;
То появись сребрилъ поляны,
И лѣсъ и дальніе курганы.
Красавица, на мшистый пенъ
Возсѣвъ, съ улыбкою вѣчала
Тому, съ кѣмъ видѣшья мечтала:

„Ты здѣсь, спокойства въ часъ злапой,
Ты здѣсь, о другъ мой неизмѣнный,
Повсюду вѣрный спутникъ мой!
Внемли объшь мой сокровенный:
Для сердца швоего принесшь
Всѣ блага жизни я гошова;
Тобою жизнь приѣмлю снова,
Познавъ, что милаго въ ней есть.
И я, жестокая, шамла
То чувство сердца опъ себя:
Угрюмой скромностью себя
Опъ ласки друга оградила
Но что я вижу? предо мной
Споишь въ безмолвіи глубокомъ
И смощришь равнодушнымъ окомъ
На горещь дѣвы молодой!“ —

Умолкла — и пропой прибрежной
Идещь; — и мнишся безнадежной:
Другъ сердца взоръ опшврашилъ
И въ сѣнь лѣсную поспѣшилъ.
Она за нимъ — и шожъ признанье;
И шакже другъ хранишь молчанье!
Лѣса, какъ бы внимаю гласъ
Любви опчаянной, нескромной,
Сгустилися вершиной шѣмной,
Гдѣ лучъ луны, скользю, угасъ.
Но снова другъ на свѣшь выходишь
И спавъ, очей съ нея не сводишь.

Эльвина, углубясь въ мечсахъ,
Въщаетъ снова шакъ въ слезахъ :

„Проси ты сердца изсшупленье
И недовѣрчивость любви.

Твой вздохъ мнѣ говоришь : *жиси* —

И возвратилось наслажденье!

Краснорѣчивъ языкъ нѣмой

Испоргнувшейся пылкой спрасши.

Забудь прошекшее : душой

Теперь швоей покорна власши

И близокъ благъ желанный часъ!

Идемъ; къ селенью пущь не дальный;

Уже гошовъ обрядъ вѣнчальный

Соединишь на вѣки насъ.

Идемъ — мнѣ спрашно замедленье!

Я поспѣшаю; ты за мной!

Всходи скорѣе, день злашой!

Чшо длишь ревнивое печенье ?

Зашеплился денницы лучъ;

Проснулись влажны поляны

И всыхнулъ солнца ликъ румяный

На зеркаль прозрачныхъ шучь.

Пернашыхъ хоръ разнообразный

Дубравы сонны разбудиль

И рой красавиць оживиль

Поля пустынные и празды.

Трудолюбивая коса

Блещишь съ серпомъ неушодимымъ

По рубежамъ необозримымъ.

Все ждешь отраднaго часа
Торжественнаго пробужденья,
Когда сокровища шворенья
Освѣщаютъ ярко небеса.
И восхищенная невѣста
Союза брачнаго до мѣста
Съ мечшой нешерпѣливой шла;
Надежда крылья ей дала.
Но другъ не слѣдовалъ за нею,
Любови жаркою пропой
И сладкой нѣжностью своею
Не заплашилъ красѣ молодой!
Она въ молчаніи глубокомъ
Пришла не въ храмъ — въ домашнюю сѣнь!
Давно сіялъ коварный день,
Когда на ложѣ одинокомъ
Забылась благошворнымъ сномъ!
И такъ проходишь день за днѣмъ!
Гдѣ жъ эгошь другъ, какъ призракъ хладный,
Несчастной спутникомъ въ мечтахъ?
Кшо жъ та, въ надеждѣ и слезахъ,
Въ комъ плѣшетъ пламень безошрадный?
Она безумная; — ошь прахъ!

Г.

Печашашъ позволяешся: Апрѣля 17-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Вируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XV.

П Р О З А .

*Отрывки изъ путешествія Доктора Эверсмanna
въ Бухарию, въ 1820 и 1821-мъ годахъ.*

Городъ Бухара.

Длина его немного превосходитъ ширину: въ самомъ большомъ поперечникѣ имѣетъ она вершны чешыре. Городъ сей обнесенъ глиняною стѣною, вышиною около чешырехъ сажень, на кошорой находящяся бойницы въ весьма близкомъ одна опъ другой разспоянii. Улицы чрезвычайно узки, а особливо для Европейца: въ иныхъ два челоувѣка съ шрудомъ расходящяся, а въ другихъ навьюченный верблюдь съ обѣихъ споронъ задѣваетъ за дома. Сii послѣднiе обыкновенно спроящяся изъ глины и нѣкошорые шолько дома богашыхъ людей изъ кирпича, въ одинъ или два эшажа, но не выше. Входъ состоишъ изъ маленькой, едва примѣшной двери, шакъ чшо на улицахъ видны съ обѣихъ споронъ одиъ шолько глиняныя стѣны. Всѣ дома, безъ изключенiя, не имѣюшъ кровель, ниже оконъ; свѣшъ входишъ въ комнашы сквозъ двери,

находящіяся со стороны двора. — Дворецъ Ханскій (Аркъ) воздвигнутъ на колоссальномъ произведеніи рукъ человѣческихъ: на искусственномъ холмѣ 60-ти фушовъ вышиною. Въ полчаса съ прудомъ можно обойти его. Нижняя часть сего холма, по крайней мѣрѣ судя по наружности, состоитъ изъ кирпича, а верхняя изъ глины. Оный весьма крутъ; только съ одной стороны пропика ведетъ къ жилищу Ханскому, построенному изъ песстрыхъ черепицъ съ надписями. Остальное пространство глинянаго холма повсюду обстроено хижинами, стоящими близко одна къ другой. Здѣсь живутъ Ханскіе невольники и жены. — Предъ входомъ дворца находится двѣ высокія башни (*Менаръ*), построенныя на Азіятскій манеръ, то есть вверху шире, нежели внизу. Въ Бухарѣ есть много такихъ башенъ, кои суть вообще признаки городовъ и почишающіяся украшеніемъ оныхъ. Отсюда возвѣщаютъ жителямъ о времени молитвы. Высочайшая изъ сихъ башенъ служила для того, чтобы низвергать съ нее уличенныхъ въ пьянствѣ или другихъ постыдныхъ порокахъ. Прочимъ преступникамъ, осужденнымъ къ смерти, рѣжутъ сперва горло, а потомъ вышавляютъ ихъ на висѣлицѣ передъ Ханскимъ дворцомъ, на площади, называемой Реджисханъ, гдѣ они висятъ три дни сряду. Сей Реджисханъ есть единственная площадь въ Бухарѣ. Она довольно тѣсна и обстроена мѣлочными лавками и мясными рядами. Посреди сихъ лавокъ находится помянутая висѣлица, которая рѣдко бываетъ

не занята; ибо на ней не только въшають Бухарскихъ пресшупниковъ, но, по Воспощному обычаю, выспавляють и головы неприятелей. Предспавъше себѣ сіе зрѣлице, соединенное съ опшрашишельнымъ запахомъ, въ палатѣй зной и посреди мясныхъ рядовъ!

Городъ пересѣкается многими каналами, называемыми *Рудъ*; но шѣ, кошорыя находящяся внѣ онаго и наполяютъ поля, называющяся *Арикъ*. Сіи каналы снабжаютъ водою множесшво прудовъ, вымощенныхъ каменными плитами. Каждый мѣсяць по два раза, пруды сіи наполняютъ свѣжею водою, кошорая служишь жишелямъ для пишья и другихъ пошребностей.

Говорятъ, что въ Бухарѣ находишся 360 мечешей и 285 училищъ или *Медрессовъ*, а при сихъ послѣднихъ 360 Учишелей (*Муль*). Мечешы весьма сходшвуютъ съ Медрессами: это огромныя, высокія, изъ кирпича выспроенныя зданія, имѣющія внушри, на подобіе нашихъ монастырей, большой дворъ. Красивыя съ высокими сводами ворота сосшавляютъ входъ съ улицы. Сіи мечешы и Медрессы имѣють свои помѣшья, управляемыя Ханскими Чиновниками; изъ доходовъ оныхъ платятъ Учишелямъ жалованье. Собшвенность сихъ заведеній сосшавляютъ земли и Караванъ-сарай, кошорыхъ находишся здѣсь въ городѣ великое множесшво. Караванъ-сарай сосшоятъ изъ многихъ каменныхъ лавокъ, посшроенныхъ чешвероугольникомъ и заключающихъ внушри чешверо-

угольную же площадь, гдѣ навьючиваются верблюды. Изъ такихъ Караванъ-сараевъ, базаровъ и лавокъ состоишь почти шреть города. Впрочемъ здѣсь базаръ не ешь, какъ у насъ, большая площадь, но — узкая улица, съ обѣихъ сторонъ обспроенная лавками. Здѣсь непрерывная шѣсноша, шумъ и брань. У каждой лавки слышишь: „Эй! если ты Музульманинь, шо уступи мнѣ шоваръ за эшу цѣну!“ А продавецъ опвѣчаетъ: „Эй! если ты Музульманинь, шо какъ ты можешь сего шребовать?“ — Многіе Бухарцы проводяшь всю жизнь свою въ такихъ лавкахъ, не имѣя другаго жилища.

Нѣкоторыя изъ сихъ базаровъ ежедневно опкрыты; другіе напрошивъ шого шолько два раза въ недѣлю, какъ на примѣмъ, *базары Каменный и невольничій*. На первомъ продаюшя какъ необработанные, такъ и шлифованные и оправленные каменя.

На *невольничьемъ* базарѣ продаюшя — люди всѣхъ націй и обоого пола, исключая испинныхъ Музульманъ! Персіянь, копорые почишаюшя здѣсь величайшими ерешиками, приводяшь на продажу многими штысячами. Ихъ продаюшь въ Бухарію Трухменцы, копорые дѣлаюшь часшыя набѣги въ Персидскія провинціи. Землепашество въ Бухаріи производишя исключительно Персидскими невольниками.

Пріѣзжій купецъ опшанавливается въ какомъ-нибудь Караванъ-сараѣ и нанимаетъ одну или двѣ лавки, смотря по состоянію. Тамъ выспавляетъ онъ свои шовары, шамъ шоргуешъ, шамъ онъ и

спишь, варишь себѣ пищу и часто живешь 20 или 30 лѣтъ въ сей мрачной и сырой норѣ. Впрочемъ сіе зависишь ошъ обстоятельствъ: онъ или самъ ѣздишь каждый годъ за новыми шоварами, или остаешься жишь на нѣсколько лѣтъ; а земляки или шоварищи его ошправляются вмѣсто его за шоварами. Такъ на примѣръ ешь въ Индейскомъ Караванъ-сараѣ много Индейцевъ, кошорые провели въ немъ болѣе шридцати лѣтъ. Впрочемъ сіи различные народы по большей часши ошдѣляются другъ ошъ друга: въ шакъ называемомъ Индейскомъ сараѣ живущъ одни шолько Индейцы; въ Ташарскомъ — одни Ташары; въ Кишайскомъ — купцы изъ Коканша и Кашкара и проч.

Многіе Караванъ-сарай имѣющъ два яруса, шо ешь: надъ каждую лавкою ешь еще маленькая комнаша, служащая кухнею и жилищемъ. Въ шакой комнашкѣ живу шеперь и я; ибо сырыя и шемныя лавки несшерпимы для иношранца.

Караваны приходящъ сюда изо всѣхъ шранъ свѣша, имянно:

1) Изъ пограничныхъ мѣстъ Россіи, какъ шо изъ Троицка, Орска, Оренбурга, Ашрахани, чрезъ Хиву. Оные привозящъ Англійскіе и Россійскіе шовары: сукна, калинкоръ, шелковые и бумажные плашки, мѣдь, желъзо, чугунь и проч. Торгующіе ими купцы сушь по большой часши Бухарцы, Ташары и Армяне. Они же вывозящъ въ Россію Бухарскіе шовары, особли-

во шелкъ и бумагу, также Кашемирскія и Персидскія шали, Индиго, Китайскую посуду и проч.

2) Изъ Персіи ежегодно приходиль известное число (около 500) верблюдовъ въ Бухарію. Они доставляють по большой части Персидскія шелковыя и бумажныя матеріи, какъ то шали, плашки и проч. Отсюда увозять отчасти Россійскіе товары; но въ гораздо большемъ количествѣ Бухарскія шелковыя и бумажныя матеріи. Торгующіе ими суть Бухарцы и Персіане.

3) Изъ Кашкара, Коканша и Ташкенша. Изъ Кашкара наиболѣе привозятся сюда Китайская посуда и чай. Возвращающіеся караваны берутъ съ собою почти всѣ вышеупомянутыя товары. Изъ Коканша привозятся бѣлыя бумажныя матеріи, которыя здѣсь набиваются; также шелковыя матеріи, сырой шелкъ и хлопчатая бумага. Вывозъ въ Коканшъ и Ташкеншъ состоитъ въ крашеныхъ, бумажныхъ и (въ маломъ количествѣ) шелковыхъ матеріяхъ. Торгующіе этими товарами суть Коканшцы, Ташкеншцы, Бухарцы, Ташары и Армяне. Караванъ ходиль отсюда въ Коканшъ черезъ Оршибе (последній Бухарскій) и Хопсаншъ (первый Коканшскій городъ); въ 15 или 18 дней; а отсюда, въ 20 или 22 дни, въ Кашкаръ.

4) Изъ Кашемира и Кабула привозять Кашемирскія шали; Индейскія бумажныя матеріи, которыя гораздо лучше здѣшнихъ; Индейскія шелковыя матеріи (вышитыя золотомъ и превосходной доброты)

и Индиго, здѣсь называемое *Нил*. Изъ Кашемира, какъ говорятъ, ежегодно привозится 40,000 шалей, изъ коихъ только 3,000 доставляется въ Бухару. Возвращающіеся купцы, кои суть Авганцы, Индейцы и (немногіе) Бухарцы, берутъ съ собою Голландскіе червонцы, привозимые изъ Россіи.

Авганцы всё безъ исключенія Магомешане, но головы не бръютъ. Они народъ пылкій, воинственнѣйшій и одушевленный любовію къ отечеству. Индейцы по большой части принадлежатъ къ сектѣ Браминновъ. Они не могутъ представить себѣ ужаснѣйшаго преступленія, какъ убитіе коровы и когда увидятъ кусокъ говядины, то часто начинаютъ плакать. Они всё раскрашиваютъ себѣ лицо, особливо лобъ и уши. Впрочемъ сіи Индейцы, не смотря на странное ихъ вѣроисповѣданіе, суть народъ смирный и учивый, честный и добродушный. — Авганцы хотя и почищаютъ себя гораздо выше ихъ, относительно къ Религіи, но уважаютъ ихъ за добродушіе и честность. Кромѣ того, что Индейцы совершаютъ молитвы свои передъ коровою, они молятся еще по утруамъ восходящему солнцу.

Ханъ Бухарскій.

Прежде, нежели буду говорить о нынѣшнемъ Ханѣ, представлю я краткое начертаніе Исторіи его преемниковъ. — Время, когда именно и сколь долго они царствовали, не можетъ быть опредѣлено въ точности. Я сообщаю Чишпателямъ

родословіе Бухарскихъ Хановъ такъ, какъ я слышала оное отъ одного Муллы Бухарскаго.

Шайбани-Ханъ оставилъ наследникомъ престола сына своего *Абайдулу-Хана*; ему наследовалъ сынъ его, *Искандръ-Ханъ*; сей оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: *Абдулу-Хана* и *Джайни-Мугаметъ-Хана*, изъ коихъ первый наследовалъ престоль. Опышю, какъ говорашь, около ста лѣтъ шому назадъ, построилъ первые правильные Караванъ-сарай. У него было пять сыновъ: *Динъ-Мугамедъ-Ханъ*, *Баки-Мугамедъ-Ханъ*, *Уали-Мугамедъ-Ханъ*, *Имамкули-Канъ* и *Надиръ-Мугамедъ-Ханъ*. *Динъ-Мугамедъ-Ханъ* наследовалъ престоль; послѣ него сынъ его *Абдуль-Азисъ-Ханъ*. Сей имѣлъ двухъ сыновъ: *Субканкули-Хана* и *Абайдулу-Хана*. Первый изъ нихъ наследовалъ престоль, а потомъ сынъ его *Абулфансъ-Ханъ*. Сей послѣдній былъ убишь Узбекомъ *Рахимомъ-Би*, а сынъ его, *Абдуль-Муминъ-Ханъ*, осмилѣшій опрокъ, былъ возведенъ на престоль, но пользовался шимломъ *Хана* шолько два или три мѣсяца. Однажды, въ присушствіи мащери, разсѣкъ онъ саблею арбузь на двѣ части и когда сія спросила его о причинѣ сего спраннаго поступка, шо онъ отвѣчалъ: „Я опсѣкаю голову *Рахиму-Би*.“ Сему не понравились слова опрока *Хана*: *Рахимъ-Би* умершвилъ и его. Очисшивъ себя шакимъ образомъ дорогу къ престолу, женился онъ на сеспрѣ убишаго *Абдуль-Муминъ-Хана*. Онъ и Узбекъ *Даниль-Аталикъ* по волѣ управляли Го-

сударствомъ, но для виду возвели на пресполь
человѣка слабоумнаго изъ Царской фамиліи, *Абдуль-*
Гази-Хана. *Рахимъ-Би* умеръ черезъ 2½ года послѣ
убіенія *Абдуль-Мумина*. Нѣсколько времени спуспя
умеръ и *Даниль-Аталикъ*, кошорый оставилъ послѣ
себя преемникомъ храбраго сына своего *Шамерадъ-*
Уэльнами. Сей женился на вдовѣ *Рахима-Би*, се-
снрѣ *Абдуль-Муминъ-Хана* и такимъ образомъ взо-
шелъ въ Ханскую фамилію. Скоро послѣ шого
умеръ слабоумный *Абдуль-Гази-Ханъ* и *Шамерадъ-*
Уэльнами занялъ пресполь. Онъ прижилъ съ вдовою
Рахима-Би сына, нынѣ царствующаго *Эмира-Гай-*
деръ-Хана, кошорый за 22 года предъ симъ, послѣ
смерти отца своего, всступилъ на пресполь. *Эмиръ-*
Гайдеръ-Ханъ имѣеть опъ роду съ небольшимъ
40 лѣтъ. Ежедневно насматриваетъ онъ въ Алкоранъ
до тысячи учениковъ.

У него чешыре сына: старшій называется *Сайд-*
миръ-Абулгассанъ-Ханъ; второй *Багадиръ-Ханъ*;
третій *Умеръ-Ханъ*; имя четвертаго мнѣ неизвѣстно.
Сайдмиръ-Абулгассанъ-Ханъ, наследникъ престола,
имѣеть жену изъ фамиліи *Джудатъ*. Родоначальникъ
сей послѣдней жилъ около 130-ти лѣтъ шому назадъ
и былъ современникомъ *Абдула-Хана*.

Царская фамилія, исключая Хана и сыновей его,
обыкновенно живеть на дачахъ близъ Вафканда. —
Если Ханъ скончается, не оставивъ дѣшей мужеска
пола; шо преемникомъ избирается одинъ изъ Прин-

цовъ шой же фамиліи, какъ на прим. было съ *Абул-гази-Ханомъ*.

Ханская Казна наполняется опчасни подашями, соспоящими въ хлббъ и ежегодно доставляемыми опъ разныхъ городовъ Бухаріи; опчасни пошлиною, плашимою Караванами, а наиболье подашью со многихъ деревень, принадлежащихъ Хану. Городъ Бухара, какъ столица, ничего не плашишь въ Казну. Одни только Еврей, шамъ живуціе, дблajúшь исключеніе изъ сего правила.

Жители Бухары.

Обишатели сего города сушь Таджики, Узбеки и Еврей. Таджики сушь коренные жишели сей спрані; въ послѣдствіи времени завладѣли оною Узбеки, кошорые, какъ воины и Чиновники, соснавляютъ, шакъ сказанъ, здѣшнее Дворянство. Таджики, всѣ безъ исключенія, купцы. Слово *Узбекъ* буквально значишь *самъ Господишь*, (*самовластитель*); ибо *Узъ* означаешъ *самъ*, а *Бекъ* господишь или Дворянишь. Узбеки ушверждаюшь, что *Магометь* далъ имъ сіе прозвание за шу помощь, кошорую они оказали ему нѣкогда, на войнѣ съ его непришелями. Къ сему прибавляюшь, что вспомошательныя ихъ войска опоздали, но что за одну ихъ добрую волю Пророкъ всѣхъ ихъ наименовалъ *Узбеками*. Какъ бы шо ни было, но совершенно несправедливо мнѣніе, будшо сначала *сто* Узбековъ приняли Магомешанскую вѣру и опъ шого получили сіе название; ибо *сто* назы-

ваешся юзъ и въ шакомъ случаѣ надлежало бы писать Юзбекъ.

Число Узбековъ къ Таджикамъ содержится здѣсь въ городѣ, какъ 1 къ 4, ш. е. одну четверть составляютъ Узбеки, а остальные три Таджики. Въ окрестныхъ деревняхъ и на дачахъ число ихъ находится въ обратномъ отношеніи. Языкъ Узбековъ есть измененіе Ташарскаго нарѣчія, называемое *Турки*, такъ что Ташары совершенно понимаютъ Узбековъ. Впрочемъ, языкъ сей чрезвычайно смѣшанъ съ Персидскими словами. Таджики говорятъ языкомъ Персидскимъ, который здѣсь господствующій; ибо Узбеки и Таджики говорятъ между собою всегда по Персидски.

Син Магомешане, безъ сомнѣнія, суть одинъ изъ самыхъ низкихъ народовъ, обитающихъ на землѣ: корыслоубіе и суевѣріе погасили въ нихъ послѣднюю искру чести и справедливости. Когда они, по заповѣди Корана, совершили молитвы свои пять разъ въ день; но думаютъ, что имъ все позволено. Бухарець, за сущую бездѣлицу, готовъ выдать опца или брата своего. — Евреи есть прешій народъ, поселившійся въ Бухарь. Имъ позволено жить въ одной шолько, извѣстной часши города. Здѣшніе Магомешане ихъ вообще презираютъ. Всѣ они говорятъ по Персидски; немногіе шолько понимаютъ нарѣчіе Узбековъ.

Узбеки и Таджики, какъ скоро минуло имъ 16-ть лѣтъ, не влашаютъ Хану никакихъ подашей; но

Евреи, за позволеніе здѣсь жишь, вносящъ каждыи мѣсяць въ Казну одну или двѣ *тянги*, смотря по ихъ соспоянію. (Тянга ешь почти 16-я доля Голландскаго червонца.) Число Евреевъ, плащящихъ подащи, просшираешся до 1200 человекъ. — И здѣшніе Евреи имѣють опличительную фшзшогномію. Впрочемъ они весьма спашны и вообще пршяшней наружности. У нихъ нѣшь никакихъ Историческихъ книгъ. По однимъ шолько преданіямъ извѣсно имъ, что они, около 1000 лѣшь шому назадъ, пршшли сюда изъ Персіи. Священныя книги свои получають они изъ Констаншинополя, а иногда, при удобномъ случаѣ, изъ Россіи. — Промышленность ихъ соспощъ въ крашеніи шелка и бумаги. Богашые Евреи производящъ довольно значительную шорговлю. Далѣ къ Восшоку, какъ-шо въ Коканшѣ, Ташкеншѣ, Бадакшаншѣ и Кашкарѣ, совсѣмъ нѣшь Евреевъ; шолько въ Самаркандѣ находишь нѣсколько, опсюда переселившихся семейшь. Они живущъ здѣсь подъ шяжкимъ игомъ и шерпящъ припѣсненія всякаго рода. Для опличія опъ Магомешанъ принуждають ихъ носшь особеннаго покроя черныя шапки и вмѣшо шелковаго кушака, опоясывашься веревкою. Они даже не смѣють ѣздьш верхомъ. Евреи брѣють себѣ головы, шакже какъ и Магомешане, но съ обѣихъ споронъ осшавляють два длинныхъ локона.

Многоженство здѣсь господствуетъ: жены покупаются и почиаются невольницами. Извѣсныя мнѣ примѣры здѣшняго развращенія нравовъ показались бы

Чишашелямъ невѣрояшными, если бы спыдъ не заграждалъ уста мои. Персіянинъ богашъ прекрасными любовными пѣснями; но Бухарець не имѣешь ни малѣйшаго поняшя о нѣжныхъ чувспвованіяхъ. Находящіяся здѣсь произведенія Персидскихъ Поэшовъ чишающся шолько Учеными. — „Куда шы идешь?“ — спросилъ я однажды своего здѣшняго знакомца, котораго встрѣшилъ на улицѣ. „Я иду на базарь,“ ошвѣчалъ онъ, „купишь жену для моего невольника.“ — Европейцу покажешся сіе спраннымъ; но Магомешанинъ ни мало ни удивишся шакому ошвѣшу. Напросивъ шого, знакомецъ мой былъ увѣренъ, что дѣлаешъ доброе дѣло.

Въ Бухарѣ находяшся около шысячи Полицейскихъ служиселей. Какъ скоро начинаешъ смеркашся, шо съ башенъ пробьюшъ въ барабанъ. Народъ ошавляешъ улицы и базары и удаляешся въ свои дома. Во всю ночь Полицейскіе служисели ходяшъ по улицамъ, бьюшъ въ барабаны и захвашывающъ, какъ подозрительнаго чловѣка, всякаго, кшо имъ шолько попадешся на встрѣчу. Они ошводяшъ его въ Полицію и, побивъ порядочно палками, на другое ушро возвращающъ ему свободу.

(Продолженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петръ Великій въ Острогожскъ.

Д у м а.

Въ пышномъ, Гелманскомъ уборѣ,
Кто сей мужь, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ Монарха Сердюки, (*)
Судьи, Сошники полною
И шолнами Козаки. . . .

*

„Видѣнь промысла Свяшова
Надъ шобою дивный щипъ!“
Покоришелю Азова
Сшарець бодрый говоришь.
„Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, Монархъ Державной,
Непокорнаго врага.“

*

„Спращный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ Владыкъ;
Ты не блещущей порфирой,
Но душой своей великъ.
Чпу я славою и честью,
Бышь врагомъ швоимъ врагамъ
И губишельною мещью
Пролешъшь по ихъ полкамъ.“

*

„Уснѣжился черный волосъ
И булашь дрожишь въ рукѣ;
Но зажжешъ еще мой голось
Пыль отваги въ Козакъ.

(*) Сердюки — Гвардія Гетмана.

Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не ошлыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ — бой кровавый;
Мнѣ Музыка — спукъ мечей!

*

Кончилъ — и къ спопамъ Петровымъ
Щипъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ зашайлъ . . .
Въ пышномъ, Гешманскомъ уборѣ,
Кто сей мужь, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упаль передъ Петромъ? —

*

Сей пришлецъ въ спранѣ пусынной
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можешъ бышь, еще невинной,
Можешъ бышь, еще Герой.
Гдѣ жь свиданіе съ Мазепою
Дивный свѣшу Царь имѣлъ?
Гдѣ Герою вождь свирѣпой
Клящся въ искренности смѣлъ? —

*

Тамъ, гдѣ волны Острогоди
Въ Сосну шихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнисныхъ роци
Надъ помокомъ разраслись;
Гдѣ съ опвагой молодецкой
Руской Крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмуцалъ;

*

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ биввахъ дѣдъ,
Завѣцалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;

Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій шрудъ,
Плодь орашаю споричной
Нивы шучныя даюшь;

*

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукрошимыхъ
Гордо бродяшь шабуны;
Гдѣ, въ спранѣ благословенной,
Попонуль въ глуши садовъ
Городокъ уединенной
Острогожскихъ Козаковъ.

Рылъевъ.

Примѣчаніе. Пешръ Великій, по взятіи Азова, въ Августъ 1696-го года, прибылъ въ Острогожскъ. Тогда же прѣхалъ въ сей городъ и *Мазепа*, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ *Шереметевымъ*, предѣлы Россіи отъ Татаръ. Онъ поднесъ въ даръ Царю богашую Турецкую саблю, оправленную въ золошо и осыпанную драгоцѣнными каменьями и на золошой цѣпи щипъ съ подобными же украшеніями. *Мазепа* въ то время былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было; но уклончивый, хитрый Гешманъ умѣлъ вкрасься въ милость Пешра. Монархъ почтилъ его своимъ посѣщеніемъ, обласкалъ, пзъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну.

Печашашъ позволяешся: Апрѣля 22-го дня, 1824 года.
Цензоръ А. *Бируковъ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XVI.

П Р О З А .

*Отрывки из путешествія Доктора Эверманна
въ Бухарію, въ 1820 и 1821-мъ годахъ.*

(Продолженіе.)

Окрестности Бухары.

Подобно всей Киргизской степи, окрестности сего города весьма безплодны и богаты солью. Почва воздѣлываемой земли тверда и глиниста; вездѣ обнаруживаются слѣды горькой соли, покрывающей землю бѣлою корою, которая съ блескомъ отражаетъ солнечные лучи. Окрестности Бухары со всѣхъ сторонъ окружены сыпучимъ пескомъ, который каждый годъ наносится съ Сѣвера сильными бурями. Оный безпрестанно болѣе засыпаетъ здѣшнія мѣста и никакая человѣческая сила не въ состояніи поставитъ ему преграду. — Во многихъ мѣстахъ, гдѣ песокъ снова разнесенъ вѣтромъ, показывается вышеупомянутая глинистая почва, свойственная Бухаріи. Впрочемъ, хотя земля сія, на которой итъ почва ни одного дикаго растенія, чрезвы-

чайно бесплодна, но при всемъ шомъ Бухарія представляеть обширный и прекрасный садъ, гдѣ созрѣвають всѣ полевые и древесные плоды Франціи и Испаніи. Чрезвычайные жары и превосходные каналы, орошающіе поля, производящъ сіе искусственное плодоносіе. Пашни и сады, въ продолженіи почти цѣлаго года, находящся подъ водою, выпускаемою изъ нѣсколькихъ тысячъ большихъ или малыхъ каналовъ. Вода сія приводится сюда, посредствомъ шаковыхъ каналовъ, отъ Нурашаускихъ горъ, изъ вытекающихъ изъ оныхъ рѣкъ *Вафкана*, *Куана* и проч. Поля ошдѣляются одно отъ другаго низкими насыпями, подобными шѣмъ, копорыя видѣлъ я у *Сиръ-Дарьи*, но въ гораздо бѣльшемъ Машшабѣ; шакъ что земледѣльцы, каждое поле въ особенноти и во всякое время, могутъ наводнить, а пошомъ, смотря по обстоятельствамъ, осушаютъ каналами. Сімъ способомъ отчасти удобряются поля, отчасти же выпаривается соль, копорая выходитъ изъ глубины и садится на поверхности. Сіи поля и сады, съ принадлежащими къ нимъ жилищами, называются *аулы* или *сахры*. Такимъ же образомъ окрестности Бухары населены въ далекомъ между собою разстояніи, особливо съ шой стороны, откуда мы пріѣхали. Далѣе къ Югу, около горы *Каракуму* и озера того же имени (копорое есть ни что иное, какъ расширение рѣки Вафкана и въ древнія времена находилось въ соединеніи съ *Аму-Дарьєю*), а отшуда къ *Оршубе*, последнему Восточному городу Бу-

харіи и къ Самарканду, населеніе сіе увеличивается, шакъ что безпрерывно почти проходишь города и аулы. Одна часть селеній, въ окрестностяхъ Самарканда, обитаема Аравишянами, которые, съ Полководцемъ своимъ *Котагибою*, въ 699-мъ году послѣ Р. Х., отправлены были сюда Калифомъ *Валидомъ*, для распространенія Магомешанской Религіи.

Когда въ рѣкахъ Вафканъ и Куанъ, въ продолженіи цѣлаго года, не бываетъ недоспашка въ водѣ; то въ Бухаріи бываетъ плодородный годъ. Но велику глубина и ширина сихъ рѣчекъ весьма посредственны; по онѣ льпомъ нерѣдко высыхаютъ и отъ того дѣлается неурожай. Большее или меньшее количество воды зависитъ отъ снѣгу на Нараускихъ горахъ. Отъ того-то происходитъ древній обычай, что топь, кто первый ввезетъ въ Бухару извѣстіе о выпавшемъ снѣгѣ въ помнущихъ горахъ, получаетъ отъ Хана въ подарокъ шелковый халатъ.

Флоды и произрастѣнія.

Полевые и садовые плоды, произрастающіе въ Бухаріи, суть, сколько мнѣ извѣстно, слѣдующіе: Сарацинское пшено, ячмень, пшеница, просо, особенный родъ крупнаго гороха и родъ коропшкой, толстой и шупоконечной моркови; яблоки, груши, сливы, вишни, априкосы, персики, миндаль, смоквы, финики, гранаты, фисташки и Грецкіе орѣхи; разные роды винограда, между которыми отличаетъ одинъ, не имѣющій зеренъ; разные роды дынь, изъ коихъ

опличается одна съ бѣлою мякотью и опмѣннымъ вкусомъ; арбузы и проч. Здѣсь съюшь также всякаго рода цвѣшны, пряныя и лѣкарственныя растѣнія. Но сихъ послѣднихъ не могу означить съ точностію; пошому что не надолго и въ зимнее время прїѣхали мы въ Бухарію. Помянушыя плоды бываюшь по большой части еще свѣжи въ Февралѣ и Маршѣ и продаюшся за дешевую цѣну. Въ продолженіи цѣлаго года, все базары наполнены дынями и арбузами.

Гранатовыя деревья и различные роды винограда обязываюшь осенью и покрываюшь землю, для предохраненія ошъ мороза. Между Кабуломъ и Пашкуромъ обитаешъ народъ Афганскаго поколѣнія, называемой *Нинграгары*. Оный состоишъ подѣ владычешвомъ Кабула; главный городъ называется *Джеталь-Абадь*. Тамъ, сказываюшь, расшешъ родъ гранатовъ, называемыхъ *Анари-бедаля*, ш. е. гранаты безъ зернь: они весьма сладки и бываюшь величиною съ дѣтскую голову. Плоды сіи вывозяшся, въ большемъ количествѣ, черезъ Кабуль въ Индію, гдѣ за каждый плашашъ по одному или по 2 рупія.

Животныя.

Главнѣйшія и почти единственныя домашнія животныя Бухарцевъ сушь: верблюды, лошади, ослы и мулы; гораздо рѣже встрѣчаюшся коровы и бараны Киргизской и Арабской породы.

Верблюдовъ находишся здѣсь при рода: 1) верблюдъ съ двумя горбами и длинною шерстью (Сам.

Васгіанус), здѣсь называемый *Аиръ*; 2) верблюды съ однимъ горбомъ и такою же шерстью, какъ у выше-помянущаго (Сам. Дромедаріус), здѣсь называемый *Наръ* и 3) верблюдъ съ однимъ же горбомъ (*Лукъ*). Сей гораздо больше двухъ прежнихъ породъ и имѣеть корощкую и кудрявую шемнобурую шерсть. Если дромедаръ и верблюдъ о двухъ горбахъ составляютъ двѣ различныя породы; но и сей послѣдній составляетъ особенную, ибо устройство и шерсть столько же отличаютъ его отъ прочихъ, какъ и сіи различаются между собою. Верблюдъ сей имѣеть еще слѣдующее свойство: когда онъ уснаеть или подымлетъ крикъ, то выпускаетъ изъ пасши огромный, воздухомъ наполненный пузырь. Отъ чего сіе происходитъ, не имѣлъ я случая изслѣдовать, хотя и часто былъ свидѣтелемъ сего явленія. (*)

Первыя двѣ породы верблюдовъ, *Аиръ* и *Наръ*, довольно извѣстныя во всей Европѣ, принадлежатъ въ особенности Киргизской степи; но шрешья, *Лукъ*, свойственна одной только Бухаріи. Сей верблюдъ несравненно сильнѣе другихъ; но и гораздо нѣжнѣе и пошому неспособенъ къ продолжительнымъ Караваннымъ путешествіямъ. На маломъ разстояніи носить онъ до 30-ти пудовъ, между тѣмъ какъ шяжеситъ на обыкновенномъ верблюдѣ составляетъ обыкновенно 16-ть пудовъ.

(*) Сей феноменъ въ первый разъ описанъ путешественникомъ *Тавернье* (Том. I, р. 161), а послѣ него и многими другими. Впрочемъ никто еще не занимался точнымъ изслѣдованіемъ оного.

Бухарская лошадь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ красивѣйшимъ породамъ въ свѣтѣ. Она велика, статна и рѣзва; непрерывно спановишся на дыбы, прыгаетъ и пляшетъ подь своимъ всадникомъ. Бѣгъ ея также отличенъ; оный составляетъ средину между иноходью и рысью. Шерсть на ней короткая и лоснящаяся.

Опечесство ослонъ есть, какъ кажется, Бухарія; ибо количество ихъ превышаетъ здѣсь всякое изчисленіе. Не только селенія, но и узкія улицы городовъ такъ наполнены сими живошными, что никому нѣтъ проходу. Смѣшно смотрѣть, когда встрѣпишь множество навьюченныхъ ослонъ и какъ они корчашся и сгибающся, чптобы пройти мимо. Ослы бывающъ здѣсь почти всѣхъ шерстей: бѣлые, черные, бурые, сѣрые и ш. д. Это, кажется, доказываетъ, что домашнее употребленіе сихъ живошныхъ здѣсь гораздо древнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Мулонъ также великое множество. Овцы почти совсѣмъ не водятся въ Бухаріи, по причинѣ дорогаго корма; за что Киргизцы пригоняющъ ихъ сюда многочисленными стадами. Коровъ также въ Бухаріи весьма мало; ибо здѣшніе жители не любящъ молочной пищи, а чай пьющъ всегда безъ сливокъ.

Единственнѣмъ кормомъ для скота, вмѣсто травы или сѣна, служишъ нѣкоторое растѣніе, которое разводяшъ здѣсь съ большимъ стараніемъ, какъ въ

Германіи и другихъ странахъ прилиственникъ. Лошади, вмѣсто сѣна, ѣдятъ рубленую солому.

Аисшы (по Перс. *Лаклакъ*) гнѣздящся на городскихъ башняхъ. Они улешаютъ отсюда въ концѣ осени и возвращаются въ половинѣ Февраля. У здѣшнихъ Магомешанъ находящся они въ большомъ уваженіи и никто ихъ не прогаешъ.

Ласпочекъ (по Перс. *Фараштрукъ*, по Ташар. *Карлагачъ*) находящся два рода: *hirundo rustica* и еще другой, коего имя мнѣ неизвѣстно. Въ первыхъ числахъ Марша появляются и первыя ласпочки. Афганцы увѣряли меня, что аисшы и ласпочки прилешаютъ сюда изъ Кабула въ недѣлю съ небольшимъ и что пшницы сіи зимуютъ въ Индоспанѣ. Аисшы, по словамъ сихъ же Афганцевъ, зимою никогда не обипаютъ въ селеніяхъ и городахъ, но всегда въ полѣ.

Удодъ (Урира *Erops*) прилешаетъ сюда въ Февраль, а иные, какъ я думаю, осипаютъ здѣсь на всю зиму. Афганцы увѣряютъ, что они зимуютъ въ окрестностяхъ Кабула, скрываясь въ ущеліяхъ горъ.

Ушки (по Перс. *Муръ-аби*, по Ташар. *Урдеркъ*) находящся здѣсь зимою въ маломъ количествѣ; но въ концѣ Февраля прилешаютъ многочисленными стаями.

Тараншуль почти совсѣмъ нѣтъ въ окрестностяхъ Бухары; но далѣе къ Востоку, близъ Самарканды, ихъ много, особенно на холмахъ. Лдъ ихъ

смертоносень. Единственное средство, здѣсь употребляемое, соспоишь въ шомъ, что безъ ошановки чишають передъ больнымъ извѣстные спихи, коимъ приписываютъ цѣлительную силу; больного же заснавляютъ непрерывно выпускашь дыханіе, сколько ешь силы. Когда онъ чрезъ сіе напряженіе ушомишь до такой степени, что упадешь въ обморокъ; шо позволяють ему опдохнуть нѣсколько времени, а пошомъ начинаютъ снова. Ушверждаютъ, что больной такимъ образомъ выпускаешь весь ядъ изъ шѣла. Если сіе средство не поможетъ, шо смерть неизбѣжна.

Скорпіоны находяшся, въ значительномъ количествѣ, въ окрестностяхъ Бухары и въ Киргизской степи, къ Югу ошь *Янъ-* и *Сиръ-Дары*. Но они рѣдко наносятъ смертельные раны. Одному Бухарцу, уязвленному симъ насѣкомымъ, приказаль я шерешъ большое мѣшо деревяннымъ масломъ. На другой же день опухоль совсѣмъ прошла. У здѣшнихъ жителей ешь заповѣдныя слова, копорыми они, по суевѣрному мнѣнію, выживають скорпіоновъ. Вообще насѣкомыхъ въ Бухаріи очень мало. Причина шому очевидная: воздѣлываемыя поля, въ продолженіи почши цѣлаго года, пошопляются, а въ необработанныхъ ничего не прозябаешь.

К л и м а т ъ.

Климашъ Бухаріи ешь собственно жаркой. Здѣшнее лѣшо чрезвычайно знойно. Бѣлый песокъ и глина, ошражая солнечные лучи, увеличивають сей жаръ.

Въ продолженіе цѣлаго лѣша нѣтъ дождя; изрѣдка выпадаешъ онъ немногими каплями. Но зима довольно сурова; ибо Бухара лежишь подѣ 39-мъ градусомъ широты. (*) Морозы начинающя съ исхода Декабря и продолжающя до послѣднихъ чиселъ Февраля. Часпо выпадаешъ снѣгъ, кошорый однакожь въ шопъ же самый день шаетъ. Въ зимніе мѣсяцы бываешъ иногда шакъ шенло, шпо пѣшеходцы, въ самой легкой одеждѣ, чувствуюшъ испареніе. Съ Февраля до конца Марша часпо бываюшъ дожди; но послѣ шого до глубокой осени не выпадаешъ обыкновенно ни одной капли. Гроза бываешъ изрѣдка, а лѣшомъ никогда.

Въ Бухарѣ, шакже какъ и въ городахъ, лежащихъ далѣ къ Воспоку, какъ шо въ Ташкеншѣ, Кашкарѣ, Коканшѣ и проч., бываешъ каждый годъ нѣсколько легкихъ землетрясеній. Одно случилось въ мою бышность, въ полночь съ 19-го на 20 Января, а другое двѣ недѣли спущя.

(Окончаніе впредь.)

(*) Широта Бухары, по *Иассирю-Эддину* 39°, 0', по *Бакуи* 39° 10', по *Абульфедрѣ* 39° 20', а по *Улугъ-Бсю* 39° 50'.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Четыре возраста человѣческихъ.(Опрывокъ изъ Деллалевой Поэмы: *Воображеніе.*)

Вчерашнее забывъ, о завтрашъ безъ заботъ,
 Диня съ игрушкою ложился и всшаёшь.
 Но миновавшее и будущее время
 Для сердца дѣтскаго естъ шягоспное бремя;
 Для нихъ пошребныхъ силъ и мѣста въ ономъ нѣшь.
 Мигъ насшоящій все — и уголь цѣлый свѣшь;
 Въ рукахъ гремушка кладъ, сажень естъ безконеч-
 ность

И вечеръ будущность и день единый вѣчность.
 Но цѣлый человекъ въ младенцѣ заключень,
 Какъ въ шѣсномъ жолудѣ огромный дубъ вмѣщень.

Чувствъ пылкость юношу слѣпаго увлекаешь:
 Онъ насшоящее, несышый, пожираешь.
 Восшорговъ пламенныхъ и думъ мянежныхъ полнь,
 Не въ силахъ удержишь порывъ сердечныхъ воли,
 Онъ изливаешь ихъ, какъ бурная спшихя
 Кидаешь съ яростью на брегъ валы сѣдыя.
 Предупреждаешь онъ грядущаго полешъ,
 Внимаешь славы гласъ, побѣдъ блестящихъ ждешь,
 Зовешь веселости, Искусства, игры, смѣхи
 И вѣруя любви, надежный на усѣхи,
 Изъ золоша прядешь нить жизни своей.
 О возрастъ счастливый! О возрастъ милый! Я
 Желалъ бы не любви, не славы, не Геройства,
 Не красоты швоей, но лучшаго ихъ свойства:

Надежда въ спущеницы шебъ судьбой дана —
И замѣняетъ всѣ сокровища одна!

Теперь на зрѣлаго мы взглянемъ челоуѣка:

Осшановляется доспигнувъ полувѣка,
Бросаешь долгій взоръ вокругъ, назадъ, впередъ;
Безъ страха — далѣе, безъ горя — вспяшь идешь.
Ужь здѣсь онъ не въ веснѣ: хопимъ те упованій,
И не цвѣшовъ — плодовъ, богашствъ — не обѣщаній.
Ужь осшываетъ въ немъ пылающая кровь,
Дѣлнѣй шруды, скромнѣй восшорги и любовь;
Его разсудокъ шихъ, спасительны совѣшпы;
Полжизни есть урокъ на осшальные лѣшы.
Прошедшимъ будущность умѣя измѣрашь,
Предвидѣшь для него есть шолько вспоминашь.

Увы! Совсѣмъ не шо со старосшю грозной:

Уже намъ онъ нея плодовъ ждашь новыхъ поздно!

Чишаешь ли она въ грядущихъ временахъ?

Ужь не надежды лучъ во взоръ видѣшь, шпрахъ.

Взгляни на старый дубъ: онъ въ лѣша молодя

Широко осшняшь любишь поля родня;

Смѣлѣ каждый день, высокъ, пригожь, могучъ,

Шпоами внушь земли, вершиной выше шучъ;

Но корень очершвѣль, глава его завяла

И мачиха-земля пишашъ его прешала.

Вошь старосшь! Сердце ей не согрѣваетъ вновь

Ни честолобие, ни жаркая любовь.

Нѣшь обожашелей у солнца на закашъ!

Шпарикъ скорбишь душой о юныхъ дней ушрашь

И зря, что лишній онъ на сценѣ, сходящъ съ ней
И ничего не ждетъ онъ время и людей.

Лишь настоящаго цѣлительны минушы

Что говорю? Оно — его мучитель люшый

И ни малѣйшей въ немъ оспрады онъ не зришь.

Тогда къ прошедшему — любимому спѣшишь,

Въ воспоминаньяхъ благъ шамъ ищешь упѣшеній

Ошь настоящихъ бѣдъ и будущихъ мученій.

И даже, какъ лешишь къ нему послѣдній день,

Одрахшій, онъ еще вкушаетъ счастья шѣнь.

У жизни на пиру, богами приглашенный,

Гость запоздалый, брашнѣ вкуснѣйшихъ пресыщенный,

И не завидуя, и не груся, онъ шущъ

Хопъ самъ и не живешь, по видишь, какъ живущъ.

Въ чемъ самъ участвоваль, шѣмъ вчужѣ веселишя

И настоящее ему прошедшимъ зришя.

Бродилъ ли шы когда вдоль Темзы береговъ

И видѣлъ ли черногъ, для воиновъ-пловцовъ,

Въ приюшь опечесствомъ созданный благодарнымъ?

Предъ взоромъ ихъ, морямъ вѣряся коварнымъ,

Спремися молодость по пѣниснымъ валамъ

И возвращаешя къ опеческимъ брегамъ.

Чтожь спарые пловцы? Въ мечшахъ бывалымъ
дышашъ,

Зряшъ дальныя спраны, сраженій громы слышашъ;

Вспоминающъ все: свой пущъ, возвратъ, опѣздъ

И просяшъ у морей, у вѣтровъ и у звѣздъ

Неопышнымъ пловцамъ могущаго покровя

И мысленно въ судахъ вкрутъ свѣша мчашя снова.

Такъ любишь человѣкъ въ преклонности своей
Воспоминашь и грустишь и радости прежнихъ дней
И образъ обновляешь сей жизни коловращной.

Такъ сердце создано: ему мечтаетъ приипно.

Во всякомъ возрастѣ ушѣхи лѣзя найши:

Пусть руководствуешь насъ разумъ въ семь пуши!

Пусть скажешь дѣшству онъ: „Блаженствуй,
наслаждайся;

„Съ безопасностью своей живи, не разлучайся.

Сонъ жизни молодой бываетъ часно лживъ;

Но счастья призракомъ обмануемый счастливъ.

Хочу не прогоняешь мечты воображенья

И не будишь себя, но выбираешь сновидѣнья.“

Онъ скажешь юношѣ, гошовому участь:

„Разсудка призови спасительную власшь;

Умѣрь желанія; въ припадкахъ сладоспращья,

Жизнь опрѣшаешь пы, безумецъ, ошь участья

Въ наслѣдствѣ будущихъ, ей присужденныхъ благъ.

Ты поздно призовешь раскаянье въ слезахъ.

Упошребляешь — всегда и все ко счастью можно;

Во зло упошребляешь — намъ ничего не должно.“—

Случается, дикарь о завпретъ безъ заботъ,

Съ безопасной жадностью сорванъ желая плодъ,

И дерево и съ нимъ надежду подрубаешь.

„Вошь своеволие!“ намъ Моисеескѣ вѣщаешь;

А я скажу о семь безумствѣ: „Вошь порокъ!

Онъ счастья нашего исчерпываешь токъ —

И будущаго цвѣтъ не распусившись вянешъ.“

Жизнь — пушь; бѣда, коль намъ принасовъ не до-
спанелъ!

За наслажденьемъ въ слѣдъ безъ памяти глупецъ;
 Медь бережно берешь съ цвѣтка сего мудрецъ.
 Сорви, коль пышная плѣнаешь роза взглядомъ;
 Но пощади шипокъ, висящій съ нею рядомъ.

Мы въ зрѣломъ возрастѣ къ забавамъ холоднѣй;
 Но честолюбіе въ насъ дѣйствуетъ сильнѣй.
 Оно является въ сіяніи предъ нами;
 А разумъ говоришь: „Укрась себя звѣздами,
 „Чинами, леншами — и ихъ укрась собой,
 Да сердце чистое сіяешь подъ звѣздой.“

Иное старикъ и правило и слово

„Бышь можешь, не выдашь тебѣ ужъ жашвы новой;
 Уходишь день за днемъ, всему своя пора;
 Спишижь, не оплагай дѣль добрыхъ до утра.“

Когда охотникъ лѣсъ обшавишь шенешами,
 Пространство видимо смѣняется предъ нами:
 Такъ годы гоняшь прочь желанія ошь насъ
 И удовольствій кругъ смѣняютъ каждый часъ.
 Не чувствую ль уже, какъ шарость, врагъ откры-
 шый,

Терзаетъ жизни шкань и обрываетъ ниши?
 Какъ! Развѣ дружбы нѣтъ, досуги усладишь
 И всѣ веселости съ избыткомъ замѣнишь?
 Какъ! Развѣ нѣтъ сыновъ? Храни, лелѣй ихъ дѣш-
 ство;

Имъ добродѣтели и замыслы въ наслѣдство!
 Труды, начашые любовью нашей къ нимъ,
 Не конча, довершишь мы предоставимъ имъ.

Такъ къ смерти близко бывъ, есть средство воз-
раждашься

И въ жизни милыхъ намъ вновь жизнью наслаж-
дашься,

Такъ свѣшь соединень, шакъ день съ грядущимъ
днёмъ;

Такъ крѣпко Богъ связалъ союзъ дѣшей съ опцомъ!

Пріятны здраваго разсудка поученья:

Жизнь — поле дикое и шребуешь раченья.

Шлодь счастья на немъ случайно не расшешь

И, сынъ Природы, онъ искушва въ помощь ждешь.

Воейковъ.

Царское Село,

27-го Маія, 1823.

Анакреонова могила.

(Изъ Гёте.)

Здѣсь, гдѣ кузничикъ поешъ, гдѣ горлица нѣжно
воркуешъ,

Рдѣшъ злашой виноградъ, съ миршами лавры
сплелись,

Чья здѣсь могила, кошую боги украсили щедро
Жизнью и пышной красой? — Анакреоновъ по
прахъ!

Вешнею, лѣшней, осенней порой насладился сча-
спливецъ;

Ошъ ненаспной зимы холмикъ его защишилъ.
В. Тилло.

Печашать позволяешся: Апрѣля 29-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. *Бируковъ.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XVII.

П Р О З А .

*Отрывки изъ путешествія Доктора Эверсмана
въ Бухарію, въ 1820 и 1821-мъ годахъ.*

(Окончаніе.)

В р а ч и .

Врачей въ Бухарѣ очень много, а лѣкарствъ еще болѣе. Почти каждый изъ Ученыхъ есть Врачъ; ибо каждый читаетъ Медицинскія книги. Практическая система, по которой лѣчатъ, есть безъ сомнѣнія чистая *Бруснская*. Они раздѣляютъ всѣ болѣзни на горячія и холодныя, также какъ и самыя лѣкарства. Когда приходишь къ нимъ больной; то сперва опредѣляютъ, горячая ли у него болѣзнь или холодная. Въ первомъ случаѣ предписываютъ прохладительныя, а въ послѣднемъ горячительныя лѣкарства. Такимъ же образомъ опредѣляютъ діету, которая у нихъ много значить. Въ Бухарскихъ книгахъ всѣ лѣкарства раздѣлены на два помянутые разряда: сіе просиравается до такой степени, что напр. мяготъ винограда почищается прохладительнымъ, а зерна горячительнымъ средствомъ. Одинъ только хлѣбъ

не принадлежишь ни къ одному изъ сихъ разрядовъ. Сверхъ того Врачъ не самъ назначаетъ средство къ излеченію болѣзни; но когда пришелъ къ нему больной и болѣзнь его признана на прим. горячею, то пишешь онъ на бумажкѣ нѣсколько прохладительныхъ лѣкарствъ. Больной плашитъ за сей рецептъ одну шангу, идетъ съ нимъ на базаръ и покупаетъ одно изъ предписанныхъ лѣкарствъ. Если оно не помогаетъ, то онъ пробуетъ другое и ш. д.

Щупаніе пульса у Бухарскихъ Врачей въ большомъ уваженіи и хошя ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ объ ономъ точнаго понятія, но утверждають, что искусный Врачъ всякую болѣзнь узнаетъ по пульсу. Каждый день приходяшь ко мнѣ люди, подають мнѣ руку и перебують, чшобы я по пульсу узнавалъ, чѣмъ они спрадають, напр. рана ли у нихъ на ногѣ или что нибудь другое? Киргизцы того же самаго мнѣнія, равно какъ и вообще Азіяшскіе народы. Въ такомъ случаѣ Врачъ долженъ прибѣгнути къ хитрости. Въ прошедшемъ году, когда изъ Оренбурга пріѣхалъ я къ больному Киргизскому Султану *Арунгази*; то прежде всего подаль онъ мнѣ руку, чшобы пощупать у него пульсъ. Такъ какъ мнѣ извѣстно было несправедливое ихъ о семъ мнѣніе; то принявъ ученый и важный видъ, старался я вывѣдать, гдѣ онъ чувствуетъ боль. Но первый вопросъ мой: „Не болишь ли у себя голова?“ былъ уже не въ попадь. Султанъ,

обращаясь къ сидящему подлѣ него Киргизцу, сказала съ усмѣшкою: „Онъ щупаль у меня пульсъ; а все еще не знаешь, что у меня болюшь горло!“

По увѣренію нѣкопорохъ Врачей, считается въ Бухаріи болѣе 1000 разныхъ родовъ лѣкарствъ, и это кажется справедливымъ. Я былъ однажды въ рядахъ, гдѣ продаются медикаменты и удивился великому множеству оныхъ. Здѣшніе жишели получаютъ лѣкарства изъ Индостана, исключая травъ и цвѣтшвъ, кошорыя опчасши собираются на Самаркандскихъ горахъ, опчасши же съюшся въ самой Бухаріи.

Падежъ на скошъ бываетъ здѣсь довольно часто: чрезъ каждые чешыре года, а иногда чрезъ семь лѣтъ. Зараза сія распространяется съ невѣроятною скоростію: нерѣдко въ одну ночь умираетъ въ хлѣву весь скошъ, кошорый наканунѣ казался еще здоровымъ.

Н и щ і е.

Нищихъ находишся въ Бухаріи безчисленное множество. Они такъ дерзки, что съ ними надобно весь день ссориться. Смѣшные воили ихъ, состоящіе въ спихахъ Корана и благословеніяхъ, сначала забавляютъ иностранца, но скоро наскучають. Тунеядцы сіи ешоль ужасно кричають, что нельзя не подивиться сему необыкновенному напряженію голоса. Для Анашома было бы весьма любопышно, рассмотреть мускулы горла у здѣшняго нищаго. Они по большей части споятъ на перекресткѣ и ревушь

изо всей силы. Увидѣвъ сіе въ первый разъ, подумалъ я, что случилось убійство или другое несчастіе. Нищій, осыпая проходящаго благословеніями, схватываетъ руку его съ такою силою, что, кажется, хочешь ее вывихнуть; попомъ хватаетъ его за грудь и удерживаетъ, испуская дикіе крики. Магомешанина это прогаешь. Я видѣлъ одного Бухарца, который пришелъ опъ сего въ такое умиленіе, что залился слезами. Все сіе происходитъ на улицѣ или на базарѣ, гдѣ толпятся тысячи народа и все сіе дѣлается за одну мѣдную монету.

Ни у себя въ комнатахъ, ни въ Каравансараяхъ, нѣтъ ни на минушу покою опъ нищихъ: многіе изъ нихъ, получивъ отказъ, врывающа насильно и съ крикомъ и заклинаніями пребуоушъ милосшыни.

На улицахъ хватаюшъ они проходящихъ за плашье и кричащъ: „Дай мнѣ денегъ!“

Ханъ, какъ ревностный Магомешанинъ, благопріиншствуешъ распространенію нищенства частую раздачею милосшыни, вмѣсто того, чшобы даващъ имъ работу, какъ то бываешъ въ другихъ спранахъ. Сія раздача милосшыни бываешъ при раза въ году. Тогда всѣ нищіе собираюшся; а Ханъ, имѣя подлѣ себя мѣшки съ деньгами, даешъ каждому по три или чешыре пянги. Весьма естественно, что такая щедрость еще болте умножаешъ число ихъ. Здѣсь есть нищіе, которые имѣюшъ дома нѣсколько тысячъ рублей, а на улицахъ довольствуюшся подаваніемъ одной пули (мѣдной монеты). Сіе принад-

лежишь также къ опличительнымъ чертамъ народа Бухарскаго. Здѣсь находится заведеніе, называемое *Фатагабатъ*, въ коцоромъ, на иждивеніи Хана, призирають слѣпыхъ въ значительномъ количествѣ; но при всемъ томъ, великое множество ихъ шагаетъ по улицамъ.

Другой и такъ сказать благороднѣйшій родъ нищенства, состоятъ въ томъ, что ученый грамотей выписываетъ изъ какой-нибудь книги молитвы въ стихахъ или изреченія и выучиваетъ ихъ назубокъ. Съ сими шестрадами приходитъ онъ въ Каравансарай или на улицу, чищаетъ ихъ во все горло и повсюду охотники, за одну пуль, покупають экземпляры сихъ стиховъ.

Нищія, коцорые уже не въ состояніи ходить, садятся на улицѣ и просятъ милосердію. Они употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы выманить деньги: пришиваются больными, изувѣченными и умирающими, между тѣмъ какъ другіе, болѣе достойные состраданія, дѣйствительно умирають съ голода.

М о н е т ы.

Ханъ Бухарскій чеканитъ три различныя монеты: золотую, серебряную и мѣдную. Первая называется *тела*; 75 шаковыхъ монетъ составляютъ сто Голландскихъ червонцевъ, здѣсь называемыхъ *базакъ*. Серебряная монета именуется *тянга*. *Тела* имѣетъ 21 или 23 *тянги*, смотря по Курсу. Мѣдная монета называется *пуль*; 55 штукъ оной составляютъ

шянгу. Сверхъ того *путь* значишь вообще: *деньги*.
Первыя двѣ монеты, то есть золотая и серебряная, чеканяшея, а мѣдная выливаетея. На одной сторонѣ оныхъ находишея поршреть Хана съ означеніемъ года, а на другой подпись: „*Благословенная Бухарія*.“

Крѣпкіе напитки.

Для земли Магомешанской, продажа вина и водки довольно здѣсь значительна. Оную производящъ Еврей и одинъ Армянинъ, кошорый все вино имѣетъ на опкupu. Они могутъ приготавливать для себя столько крѣпкихъ напитковъ, сколько имъ угодно и напиватьея до пьяна въ домахъ своихъ; но имъ строго запрещено, выходить въ семь видѣ со двора или явно продавать вино. Лѣтъ пять тому назадъ, первый здѣшній Врачъ, Еврей, кошорый не жалѣлъ вина на свадьбѣ своего сына, учинился жертвою сего строгаго закона: Ханъ велѣлъ его повѣсиль. Впрочемъ повелитель Бухарскій часто опешупаетъ опъ собственныихъ своихъ узаконеній: недавно приказалъ онъ обыскать дома Евреевъ, не имѣють ли они запаснаго вина и гдѣ нашли оное, тамъ хозяевъ избилъ спрашнымъ образомъ. Богатѣйшаго изъ нихъ посадили въ шюрму, морили голодомъ, каждый день били палками и наконецъ объявили ему, что получишь свободу, когда подарить Хану домъ свой, цѣною въ 300 Бухарскихъ червонцовъ. Но поелику Еврей въ Бухарѣ, какъ и вездѣ, весьма привязаны къ своему богатству;

то онъ до сихъ поръ не согласился на сіе требованіе. При всемъ томъ, знатнѣйшіе Узбеки, въ домъ которыхъ Полицейскіе служители не смѣютъ дѣлать обысковъ, наиболее подвержены пьянству. Весь сіи Господа получаютъ вино отъ вышепомянушаго Армянина, который хотя и пользуется ихъ покровительствомъ, однакожь часто находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда вѣрно было обыскивать Жидовъ, то предписано и Армянину, въ продолженіи трехъ дней оставить Бухарію. Сіе повелѣніе хотя вскорѣ пономъ и было опмѣнено; но Армянинъ, опасаясь, что жизнь его и впредь можетъ быть въ подобной опасности, рѣшился оставить Бухарію, когда Посольство отправится въ обратную путь. Но *Кузбеки*, первый Ханскій Министръ, увѣрилъ его, что ему ничего опасаться — и Армянинъ согласился на его убѣжденія. Кешаши здѣсь замѣчу, что Армяне, хотя и Хрисціане, болѣе другихъ народовъ уважаются Магометанами. Сверхъ того знатные Бухарцы желаютъ, чтобы помянутый Армянинъ жилъ здѣсь; ибо какъ для Хана, такъ и для нихъ самихъ кажется слишкомъ униженно, покупать вино у Евреевъ.

Другіе же бѣдняки, которые вздумаютъ повеселиться виномъ, нерѣдко принуждены бывать платить за то дорого: Полицейскіе служители, кои ходятъ повсюду, каждый день ловятъ такихъ охотниковъ, которые, выходя отъ Армянина или отъ

Жидовъ, крадушя домой, съ бушылками подь рукою. Виновныхъ опшводяшь въ Полицію, съкушь нещадно, не рѣдко наказываюшь даже смершію, если они нѣсколько разъ уже обличены въ пьянствѣ. Вино, пригошвляемое здѣсь изъ самыхъ зрѣлыхъ и сухихъ ягодъ, крѣпче всякаго Европейскаго. Вообще нигдѣ не находиль я споль сладкаго винограда, какъ въ Бухаріи.

Водка пригошвляется также изъ сушеныхъ виноградныхъ ягодъ (изюму) и крѣпостію не ушпнаеть рому. Она цвѣшомъ бѣла и, по крайней мѣрѣ для меня, пьетьш неприятный вкусъ и запахъ. Упошребленіе сей водки производило во мнѣ сильную головную боль и чрезвычайное волненіе въ крови.

Геошгостигескій взглядъ на Киргизскую степь.

Если обращаю взоръ на все обширное, пущынное пространство, нами пройденное; то не могу не признашь большей части Киргизской степи за произведеніе недавнихъ временъ. Бесплодная почва земли; голые и песчаные берега рѣкъ; множество соленныхъ озеръ, разсѣянныхъ въ степи; прежніе берега Аральскаго озера, опъ иныхъ называемаго моремъ; берега, замѣшныя во 100 версшахъ опъ помянушаго озера, — все подшверждаетъ мое мнѣіе. Развалины города Яшкенша, находящіяся по старымъ Каршамъ у самаго устья рѣки Сира, впадающей въ Аральское озеро, лежатъ шеперь опъ онаго въ разшолнии чешырехдневнаго пущи. Судя по шому, съ какою бышстрошю и понынѣ еще каждый годъ убываетъ

Аральское озеро, вѣрно прошло не болѣе тысячи лѣтъ, какъ оно находилось въ соединеніи съ Каспійскимъ моремъ; ибо онѣ опдѣляются другъ ошь друга плоскою спешью, подобною шой, по кошорой мы вѣхали. Сверхъ того извѣстно, что Каспійское море также убываетъ, какъ Аральское. Мѣста, гдѣ впадаетъ Уралъ въ Каспійское море, кошорыя прежде были совсѣмъ непроходимы, или по крайней мѣрѣ въ продолженіи большой части года, — шеперь высохли и проч. Я могъ бы догадки свои просширать еще далѣе и сказашъ, что соединеніе Каспійскаго моря съ Бальшійскимъ нѣкогда дѣйствительнo существовало. Что Каспійское море, во времена *Плинія*, далеко просширалось на Сѣверъ, слѣдуешь изъ словъ сего Естественншпателя, кошорый довольно утвердительно говоритъ о вышепомянутомъ соединеніи. Ученый путешественникъ, видѣвшій все пространство ошь моря Бальшійскаго до Каспійскаго, найдешъ шакое предположеніе не столь невѣроятнымъ, каковымъ оно сначала кажется. Напр. какіе хребты горъ находяшся между Оренбургомъ, Астраханью и Москвою, на великомъ пространствѣ? Почти вездѣ почва состоишъ изъ молодой извести съ окаменѣlostями всякаго рода и песчаника, кои, какъ первая, шакъ и другой, представляюща горизонтальными слоями. За Москвою, далѣе къ Сѣверу, встрѣчаемъ шо же самое, до самыхъ Валдайскихъ горъ, кошорыя прежде вѣроятно составляли мысъ и ничшо иное супъ, какъ незначительная слоистая

известковая возвышенность. Что находится между Валдайскими горами и Пешербургом? Вездѣ почва песчаная и глинистая, коюрой хрящъ состоитъ изъ сланцево-известковаго камня, также горизонтальными слоями расположеннаго. Такаго же свойства хрящъ простирается отъ Пешербурга къ Западу въ Эстляндію и Лифляндію, а къ Сѣверу до самаго Финскаго граница. Помянутыя земли состоятъ также изъ обширныхъ болотъ, гдѣ неопытный путешественникъ и по сіе время подвергается опасности погибнуть. Что скажемъ мы наконецъ о Пруссіи? Это песчаная степь, коюрую прудолубіе жищелей сдѣлало плодородною. Не только моря Каспійское и Аральское, какъ мы видѣли, опешупили отъ прежнихъ береговъ своихъ, но также и Финскій заливъ и Бальскійское море. Сіе доказываютъ окрестности С. Пешербурга; но болѣе всего слѣдующее обстоятельство: Въ городкѣ, называемомъ *Прейсш-Голландъ*, (*) при взрытіи земли, нашли каменную верфшъ, у коюрой уцѣляли еще желѣзныя кольца для причаливанія судовъ. Сіе открытіе извѣстно жищелямъ помянутаго городка и внесено въ лѣтписи онаго.

Всѣ хребты горъ видѣнной нами Киргизской степи сушь ничто иное, какъ незначищельныя, голыя воз-

(*) По увѣренію Г. Надворнаго Совѣтника *Паисера*, подобное открытіе послѣдовало въ Лифляндіи. Что глубина Финскаго залива у Кроншадта, со времени Цесаря Великаго, уменьшилась, что видно изъ Морскихъ Картъ, издаваемыхъ по повелѣнію сего Государя.

вышенности, коихъ нельзя называть горами. Онѣ между собою весьма сходны, какъ по наружности, такъ и по внутренности. Мугозарскія горы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣють одинаковое образованіе съ Сѣвернымъ Уральскимъ хребтомъ, который уравнивается при Верхнемъ-Уральскѣ. Онѣ почти прямолинейно проспираются отъ Сѣвера къ Югу и примѣнно исчезають у береговъ Аральскаго озера.

Илдертаускія, Капкаташскія, Пютплюдюкскія и Суссекарскія горы находящіяся всѣ между собою въ связи и, вѣроятно, принадлежатъ къ высокому Нурашаускому хребту. Помянутыя горы составляютъ, такъ сказать, скелеть Киргизской степи. Онѣ вообще низки, утесисты, голы и всѣ имѣють слоистое образованіе. Находящаяся между ними плоская и какъ бы волнообразная степь, покрывая наносною землею, есть вѣроятно произведеніе недавнихъ временъ.

Весьма важнымъ феноменомъ почишаю то, что рѣка *Сиръ-Дарья* перемѣнила свое теченіе: она раздѣляется, въ значительномъ разстояніи до впаденія своего въ Аральское озеро, на два рукава. Сѣверный, который есть теперь главная рѣка, справедливо почищается продолженіемъ *Сиръ-Дарьи*; другой рукавъ, называемый *Кубанъ-Дарья*, теперь весьма скуденъ водою и вѣроятно никогда не имѣлъ значительной величины. Сіе по крайней мѣрѣ доказываютъ низкіе берега онаго. Изъ сего послѣдняго рукава, въ 50-ти верстахъ ниже перваго, выходятъ

препій истокъ, *Янъ-Дарья*. Оный былъ прежде главною рѣкою, что досель видно по прежнимъ берегамъ, но шеперь совершенно высохъ. Сіе явленіе подтверждаетъ догадку, что рѣка *Аму-Дарья*, кошорая прежде безъ сомнѣнія впадала въ Каспійское море, (гдѣ прежнее русло ея и понынѣ примѣтно), перемѣнила свое шеченіе и впадаетъ шеперь въ Аральское озеро.

Съ Нѣм. В. Тилло.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Хромой журавль.

Б а с н я,

(Изъ Клейста.)

Зима съ морозами грозила издалеча;
Дубравы обнажилъ Борей
И, снѣга скорого предшеча,
Ужь иней застлалъ увядшій злакъ полей.
Всѣ пшцы пряпались; лишь снадо журавлей
Сидѣло у моря, погоды поджидало
И крикомъ воздухъ оглашало.
Ошъ прочихъ вдалькъ одинъ журавль хромой,
Задумчивый, нѣмой,
Сидѣль поджавъ больную ногу
И на шоварищей, сбравшихся въ дорогу,
На песпрый, говорливый рой,
Глядѣль въ уныніи, съ поникшей головой.
Не оживлялъ его учасшьемъ
Ихъ радостный, призывный крикъ —
И чпожь еще? насмѣшниковъ языкъ
Шушилъ надъ нимъ и надъ его несчастшьемъ.
„Не я виной, чшо хромъ!“ — шакъ думалъ онъ
въ себѣ.
„Вольно вамъ, о друзья, смѣяться надо мною;
Угодно было шакъ судьбѣ:
Подспрѣленъ я охошника рукою.
Ахъ, лучше бы меня, жестокій, онъ убилъ,
Чѣмъ живъ калекою пушилъ!“

Ну, как шеперь, калекой,
Я хворый, раненый, пушуся въ-пушь далекой?
Ахъ! видно не бывашь въ желанной споронѣ,
И море, бѣдному, могилой будешь мнѣ.“

Съ смѣть словомъ море колыхнулось,
Попушный дунуль въшрь, все снадо вспрепенулось,
Въ мигъ выпроясь, какъ шуча поднялось,

По поднебесью пошянулось

И дружно вверхъ взвилось.

Не безъ шруда, не безъ успля,

Едва, едва приподнимая крылья,

Тихонько пронулся за снадомъ и больной.

И ногу поволокъ надъ самою водой.

Но гдѣ ему за нимъ? Ошешаль бѣдняжка съ горемъ!

То на доскѣ,

То на лошосовомъ листкѣ,

То на щепяхъ, носимыхъ моремъ,

Изъ силы выбившись присядешь ошдохнуть;

Не много ошдохнулъ — и далъ, далъ въ пушь.

Такъ помаленьку дошашился

И обрѣшя счастливый край,

Гдѣ шицамъ-спранницамъ цвѣшешь всегдашній рай,

Онъ излѣчился.

Полмершвый, Промысломъ хранимъ,

Безъ помощи и силъ перелешль пучину;

А многіе изъ злыхъ, смѣявшихся надъ нимъ,

Нашли въ волнахъ кончину.

Спрадалецъ-праведникъ! Не унывай душой,
Хошябъ постигнушь былъ злосчасія спрѣлой;
Но съ бодростью впередъ, чрезъ бури и волненье,
Какихъ земная жизнь полна!
Есть брегъ счасливѣйшій; есть лучшая спрана,
Гдѣ уготовано спрадалцамъ исцѣленье!

И. Игнатовскій.

Къ Д

Ты много разъ являлась мнѣ,
Моя безцѣнная подруга,
Въ минушы мирнаго досуга,
Въ прекрасной дней моихъ весѣ.
Въ порывахъ бурь, спрасшей безумныхъ,
Въ бесѣдахъ юношества шумныхъ,
Напрасно я тебя искалъ.

Но часто я тебя встрѣчалъ
Въ моихъ прогулкахъ одинокихъ;
Въ помленияхъ души жестокыхъ
Тебя я не напрасно звалъ.
И ты, какъ Геній благодашный,
Слѣдила ласкою меня,
И въ темный садъ и въ дугъ пріятный,
Какъ бы свиданіемъ маня!

Такъ, эти очи голубыя,
Такъ, эпошь нѣжный, крошкѣй взглядъ,
Власы, кольцами завившыя,
Весь швой плѣнительный нарядъ,
Теперь я вижу не въ первые!....

Тебя я зналъ, другъ милой, прежде
Чѣмъ встрѣшилъ въ жизни на пуши
И вѣривъ сны мои надеждъ,
Я мнилъ всегда себя найши...
Меня мечты не обманули:
Сбылися юношества сны —
И спрасши грозныя уснуди
На лонѣ сладкой пишины!

Карльсофъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XVIII.

П Р О З А.

Брачные обряды Турецких Султановъ.

(Изъ соч. знаменитаго Ориенпалиста, *Г. ф. Гаммера.*)

Исторія первыхъ Опшоманскихъ Государей представляетъ многочисленныя примѣры браковъ, въ кои вступали они съ Греческими и другими Христіанскими Принцессами. Въ Константинополѣ донинѣ показывается гробница, въ кошорой, по преданію, покоится прахъ Француженки, бывшей супругою *Магомета II*. Извѣстно, въ какомъ уваженіи находится сей памятникъ между Турками.

Гробъ Принцессы Болгарской, супруги *Мурата I*, пользуется шаковымъ же почтеніемъ въ городѣ Бруссѣ. Сія Принцесса, отданная на жертву въ Гаремъ Султана, не опрелась однакожь опъ Вѣры предковъ своихъ и умерла Христіанкою. Не смошря на сіе, она погребена подлѣ своего супруга, своихъ дѣшей и соперницъ, на великолѣпномъ кладбищѣ Брусскомъ. — Кромѣ Принцессы Греческой *Жаргиссары*, похищенной у жениха ея, *Орханъ* былъ еще женашъ на дочери Императора *Кантакузена* и наконецъ

(по увѣренію *Франзеса*) на есспрѣ Императора *Іоанна Палеолога*. Слѣдственно онъ имѣлъ въ супружествѣ двѣ и даже при Греческихъ Принцессахъ. *Муратъ I* сочелся бракомъ, сперва съ Принцессою Керміанскою, а потомъ съ Болгарскою; онъ праздновалъ въ одинъ день при свадьбѣ, двухъ сыновей своихъ и свою собственную, съ тремя Греческими Принцессами. *Муратъ II* имѣлъ въ супружествѣ, кромѣ дочери *Исфендіара*, еще Принцессу Сербскую, а *Могаметъ II* раздѣлялъ *Чардакъ* (*Tschardak*), по естѣ балдахинъ своего Гарема, между четырьмя Принцессами, изъ коихъ двѣ были Музулманки (Принцессы Сулькадрская и Керміанская), а двѣ Христіянки (Гречанка и Француженка). Сія послѣдняя не должна бытъ смѣшиваема съ супругою *Солimana Великаго*, споль извѣсною въ Европѣ подѣ именемъ *Рокселаны*. Ее вообще признають за Француженку или Россіянку, отъ имени *Росса*; но вѣроятнѣе, что была Италіянка и извѣсна между Турками подѣ именемъ *Гуремъ-Султанши*. Тѣло ея покоишея въ Констанцинополѣ, въ гробницѣ *Солimana* (1). Дочь ея *Камерили* была за мужемъ за Великимъ Визиремъ *Рустемъ-Пашею*; происками ея и содѣйствіемъ сего послѣдняго успѣла она, возбудивъ гражданскую войну, опрѣшнншъ отъ прона другихъ сыновей *Солimana* и ушверднншъ оный за сыномъ своимъ *Селимомъ II*. Турецкія Лѣтописи ничего не

(1) Mouradjea d'Ohsson, II, p. 512.

говоряшъ о брачномъ поржествѣ дочери Солимана, между шѣмъ, какъ въ подробносши описывающъ великолѣпныя свадебныя пиршества могущесшвеннаго Визиря *Ибрагима*, вступившаго въ супружество не съ Принцессою, но съ благородною дѣвицею, копорой имя неизвѣсно. Свадьба сія празднована въ 930-мъ г. Эгиры, (по еспъ въ 1523-мъ нашего лѣтосчисленія), съ чрезвычайнымъ великолѣпїемъ, въ Гипподромѣ, гдѣ былъ дворець *Ибрагима-Паши*. Сулшанъ и всѣ Вельможи удостоили оную своимъ присушсшвїемъ. Для нихъ поставлены были вдоль Гипподрома *Кюски* (родъ бесѣдокъ), софы и палашки, украшенныя драгоценными шелковыми машерїями и шипыми коврами, взяшыми у Египшянъ и Персовъ въ войнахъ предъидущихъ царешвованїй. Въ первые 8 дней угощали Янычаровъ, Членовъ Дивана и Улемовъ. Праздники сіи продолжались при недѣли и оканчивались учеными спорами, кои Профессоры производили въ присушсшвїи Сулшана; ихъ потщивали также конфекшами и сорбешомъ, изъ серебряныхъ вазъ и фарфора. Сулшанъ пилъ при семъ случаѣ изъ чаши, сдѣланной изъ цѣльной бирюзы и копорая, какъ говоряшъ, перешла изъ наслѣдія *Нуширвана* въ сокровищницу Сулшановъ Опшоманскихъ (2).

Супруга сына Рокселаны, по еспъ *Селима II*, копорая была также машерью *Мурата III*, его преешника, называлась *Нуръ-Бану-Султана* или

(2) См. главнѣйшихъ Историковъ Царствованїя Сулеймана: *Джелем-вада*, *Солаксада* и *Али*, въ 930-мъ г. Эгирм, (1528)

Женщина великаго ума. Изъ всѣхъ Валидъ или маперей Сулшанскихъ, о коихъ Опшоманская Исторія упоминаеть, была она первая, кошорая дала имя свое мечети, построеной ею въ городъ Скушари (3). Извѣстно однакожь, что *Аалимъ-Султана*, Валида или мать *Магомета II*, гораздо прежде выстроила въ Константинополѣ небольшую мечеть (4), прозванную *Темною*. Но какъ мать Магомета IV приказала построить на томъ же мѣстѣ мечеть, несравненно обширнѣе и прекраснѣе; по имя первой Валиды изгладилось изъ памяти, а мать *Мурата III* прозвана была *Аатика-Валиде*, то есть *Старая Валида*, чтобы тѣмъ опличить ее отъ всѣхъ Сулшанскихъ маперей, построившихъ мечети. Въ Царствованіе сего послѣдняго, 14-го Маія 1586, празднована съ великою пышностію свадьба старшей его дочери *Гюмы* (Августины) съ Визиремъ *Ибрагимомъ-Пашею*. Историкъ Гансъ *Лесенклау д'Амельбейернъ*, сопутествовавшій Римско-Императорскому Посланнику *Лихтенштейну* въ Константинополѣ, оставилъ намъ описаніе сихъ брачныхъ обрядовъ, коихъ былъ онъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

(3) См. Constantinople et le Bosphore II, p. 315.

(4) Тамъ же, стр. 423. Свидѣтельство Турецкихъ Историковъ, что мать Магомета II построила мечеть, совершенно противорѣчитъ свидѣтельству Историковъ Европейскихъ, утверждающихъ, что сія Государыня оставалась Христіанкою до самой своей кончины. Посему событіе сіе, какъ равно и преданіе города Бруссъ, должно относиться къ другой Принцессѣ Христіанской, находившейся въ замужествѣ за какиа-либо Опшоманскимъ Султаномъ давнѣйшей эпохи.

Капишанъ Паша *Улудшъ-Али*, славный въ Лѣшопи-
 сяхъ Турецкаго Флота (Ишалиянский Ренегатъ *Окіали*),
 исправлялъ должность Церемоніймейстера. Процессія
 брачныхъ подарковъ открывалась 5-ю мулами, кои
 везли румяна (*Ал-Неппа*) для крашенія, по Восточ-
 ному обычаю, ногшей на рукахъ и ногахъ; при
 мула навьючены были деньгами; 12 конфектами и 10
 огромными позолоченными блюдами, на коихъ лежали
 вѣнцы, украшенные жемчугомъ и драгоценными кам-
 нями, ожерелья, браслеты, кольца, серги, кушаки
 и проч. Всѣ сіи вещи покрыты были красною
 шафшою, вышиною золопомъ. Капишанъ-Паша по-
 дарилъ невѣстѣ замокъ, здѣланный изъ сахару и
 столь необычайной тяжести, что двѣсти Христіян-
 скихъ невольниковъ съ трудомъ могли нести оный;
 сверхъ того полный звѣринецъ, также сахарный,
 съ дикими и домашними животноными, коихъ числомъ
 было 525 и кошорья, по непомѣрной ихъ тяжести,
 несли каждое по три и чешыре челоуѣка. Одна
 знашная Турецкая Дама (*Факрикадунъ*), подарила
 жениху 2,000 червонцевъ, а невѣстѣ прозрачную
 свѣчу, вышиною ошъ 20 до 30 фушовъ. Оная укра-
 шена была кованымъ и сученымъ золопомъ, также
 крупными бирюзами и жемчужинами, цѣною ошъ 40
 до 50,000 червонцевъ. Свѣча сія сопровождалась 66-ю
 другими, также изъ воску, по меньшаго разбору и
 различнаго цвѣща. Всѣ оныя были украшены золо-
 помъ. Въ приданое невѣстѣ данъ былъ *Коранъ*, въ
 золопомъ переплетѣ съ дорогными камнями, и при-

шомъ споль необыкновенной величины, чшо книгу сію надобно было нести чешыремъ челоуѣкамъ. Такое же число людей несли нагой, для возложенія сего Корана. Сверхъ того принадлежали къ приданому: 10 позолоченныхъ канделябровъ, съ крупною бирюзюю и блѣдно-краснымъ яхонтомъ; 14 восковыхъ свѣчь, внутри пустыхъ, разнаго цвѣша и осыпанныхъ дорогими камнями; 4 золотыя рукомойника, украшенные яхонтами; золотой ящикъ съ драгоценными каменьями; 6 шелковыхъ занавѣсовъ для кровати, съ золотою бахромою и жемчужными киспями; оправленная золотомъ скамейка, для входа въ колесницу; 8 цвѣшной шафшы фонарей, въ золотыхъ и серебряныхъ рамахъ; 18 подвижныхъ кресель, изъ коихъ однѣ, назначенныя для невѣсты, обшты были золотою парчею, а прочія, на коихъ сидѣли невольницы, танцовщицы и проч., кармазиною маперією; 30 муловъ, каждый съ двумя ящиками, покрытыми золотою парчею; приборы для поспели, на 15-ти мулахъ; 78 ящиковъ и 100 чемодановъ душистой кожи; 200 чемодановъ изъ обыкновенной кожи, всѣ на мулахъ; 58 муловъ, нагруженныхъ коврами и чепраками; 25 муловъ, съ разною домашнею ушварью; 30 Евнуховъ, 100 молодыхъ невольницъ и 14 старухъ, назначенныхъ для надзора за сими послѣдними. Восковая свѣча, копорую подарилъ Кашишанъ-Паша, имѣла девять колѣнъ и болѣе 30 аршинъ въ длину; другая свѣча, поднесенная другою знашною же Турчанкою (*Шагъ-Кадунъ*), убрана была цвѣшами, пло-

дами, пшпцами и живошными. Обѣ сіи свѣчи превышали высокія двѣри стараго Серала и пошому должны были оспашься на ошкрыномъ воздухѣ. Къ сему должно присоединить брачныя знамена, ошанные Г. *Левенклау*, шакже и свѣчи, называемыя *Rachl* или *пальмы*, о коихъ будемъ мы говорить ниже; оныя дѣйствительно имѣли видъ пальмовыхъ деревьевъ и носились впереди всей процессіи, означая шѣмъ постоянное благоденствіе новозаключеннаго союза. Подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ евшухами, ѣхала помолвленная Сулшанша на бѣломъ когѣ, у котораго хвостъ и грива переплешены были золошыми нпшями; два евшуха вели за узду ея лошадь, а за нею слѣдовало верхомъ 50 невольницъ, въ покрывалахъ и въ одеждѣ изъ золошой парчи.

Супруга *Мурата III* и мать *Могамета III*, называлась *Сафи* (Цѣломудренная). Это была уже другая Валида, выспроившая мечешь въ Скушари (5). Трешья Валида, прославившаяся поспроеніемъ двухъ мечешей (въ Коншаншпнополь и Скушари), ешть знаменишая *Маглейкеръ-Косемъ-Султана*, супруга *Ахмета I* (6) и мать шрехъ Государей (*Османа II*, *Мурата IV* и *Ибрагима*). Она лишилась жизни во время мяшежа, случившагося въ царешованіе ея внука.

(5) См. Constantinople et le Bosphore II, p. 315.

(6) Тамъ же, 1, p. 429. Несправедливо сказано, будто Валида, *Хаданъ-Султана*, мать *Ахмета I*-го (супруга *Могамета III*), поспроила мечешю въ Галатъ и Скушаръ. Оныя обязаны сооруженіемъ своимъ супругу *Могамету IV*, о коий будешь говорено ниже.

Райна, Исторіографъ Опшманской Имперіи (7), сообщаетъ только поверхностное описаніе торжественныхъ обрядовъ, бывшихъ въ 1612-мъ г., по случаю свадьбы семи Султаншъ спараго Серая, шестокъ Султана *Ахмета*, кои выданы имъ за мужъ за семь Вольможъ, занимавшихъ важнѣйшія Государственные должности. За то описаніе свадьбы дочери *Ахмета* съ Капитанъ-Пашею, празднованной 30 Іюня тогожь года, сохранено въ Опшманской *Исторіи* Г. Кюллеса, которую Англичане не безъ причины почитаютъ за сочиненіе классическое, но которая, къ сожалѣнію, мало извѣстна на швердой землѣ (8).

Наканунъ брака, драгоценности и прочее приданое невесты опсланы съ пышною свипою въ домъ жениха. Пять сошь Янычаръ, предводимые Агою, открывали шествіе; за ними ѣхали верхомъ 200 Придворныхъ Чиновниковъ; пошомъ Ученые и родственники Пророка *Магомета*, шо ешь, Улемы и Эмиры, Иманы и *Данишменды* (9).

Министръ Финансовъ (*Дефтердаръ*), котораго Султанъ назначилъ Церемоніймейстеромъ праздника, предшествуемый 20-ю богато одѣшыми служителями

(7) Автопись его напечатана въ Константинополь въ 1639 г.; см. стр. 292-ю.

(8) *The Turkisch History*, 6 édition. Londres 1687, p. 907.

(9) Имя *Danischmende*, собственно означающее челоѣка ученаго и конечно извѣстное многимъ Читателямъ изъ сочиненій *Виланда*, измѣнено весьма страннымъ образомъ въ имя *Tanisman* и даже въ *Talisman* Гг. Кюллесомъ, *Левенклау* и *Мезере*, кои, послѣдую *Халкондилю*, повсюду называли сихъ Сейпнаристовъ *Талисманами*!

съ Турецкою Музыкою, открывалъ шествіе съ подарками, коихъ было 27. Оныя сосшояли изъ небольшой золошой чалмы и золошыхъ шуфлей, украшенныхъ бирюзю и рубинами; изъ Корана, переплешеннаго въ золошья доски съ бриліаншовыми застежками; изъ шкашулки горнаго хрустала, въ аршинъ длиною и въ поларшина ширины, украшенной алмазами и крупнымъ жемчугомъ, цѣною на 80,000 фуншовъ сшерлинговъ; наконецъ изъ діадемъ, браслетовъ, золошой одежды и пр... Всѣ сіи вещи несли 27 человекъ. За шѣмъ ѣхали одинадцать закрытыхъ карешъ съ опущенными рѣшешками: въ оныхъ находились Придворныя Дамы Сулшанши, въ парчевыхъ одеждахъ. Каждую изъ сихъ карешъ провожали два черныхъ евиуха пѣшихъ и два верхомъ. Двѣсти сорокъ муловъ везли палашки и ковры, софы и подушки, парчевыя и бархашныя платья, какъ равно и другія вещи, принадлежація къ комнашнымъ уборамъ.

Свиша новобрачныхъ была столь же великолѣпна и на другой день. Эмиры, Данишменды, Кади и другіе Улемы открывали шествіе; за ними слѣдовали важнѣйшіе Государственныя Чиновники, Члены Совѣша и Дивана, Визири и Трехъ-бунчужные Паши; Муфши и Великій Визирь; потомъ Музыканшы верхомъ, п. е. 30 флейшчиковъ и барабанчиковъ, 40 человекъ съ гитарамы и свирѣлями и множество Египетскихъ шушовъ съ бубнами; 50 главныхъ Флошскихъ Чиновниковъ, за коими слѣдовало 30 мапросовъ съ молодцами и клещами, какъ бы для того, что срышь

лавки и углы улицъ, кои могли бы оспановить шествіе брачныхъ пальмъ, копорыя несли непосредственно за ними. Высокія сіи пальмы (Rachl) суть искусвенныя знамена необычайной вышины: оныя составлены изъ гершковъ съ цвѣтами, изъ вѣнковъ, гирляндъ, восковыхъ свѣчь, покрываль и флаговъ и болѣе похожи на колокольни, нежели на деревья. Устроеніе ихъ сходствуетъ съ минарешами и утверждаетъ давно распросранившееся мнѣніе, что пальмовое дерево служило образцемъ для столбовъ и минарешовъ Архитектуры Арабской. Изъ извѣстнаго изрѣченія Спихотворца *Саади* видно, что на Востокѣ пальма почитается эмблемою плодоносія и обилія:

„Будь плодоносеиъ, какъ пальма или по крайней мѣрѣ свободенъ и высокъ, какъ кипарисъ.“

Вслѣдъ за пальмами вѣхаль верхомъ Министръ Финансовъ или Церемоніймейстеръ, послѣдуемый 20-ю Чиновниками своей свиты; великолѣпная его одежда и прекрасный конь ошличали его оиъ прочихъ. Невольники несли два огромные факела въ шакомъ же порядкѣ, какъ и пальмы; попомъ несли шреши, огромнѣ первыхъ, обложенный кованымъ золошомъ, копорый еще болѣе сіялъ блескомъ брилліанповъ, нежели собшвеннымъ своимъ свѣпомъ. За ними Кизляръ-Ага (10) съ 50-ми Чиновниками Двора Сулшанши; попомъ несли большой балдахинъ кармазиннаго бархану, а за

(10) А не *Рейссеръ-Ага*, какъ-то ошибкою напечатано у *Кюллера*.

нимъ другой гораздо болѣе, весь обитый золошомъ и коего занавѣсы влчились по землѣ. Подъ симъ балдахиномъ ѣхала на конѣ Сулшанша, окруженная черными, какъ ночь, евнухами. Вслѣдъ за Принцессою везли парадныя ея карешы, покрышыя золошомъ и запряженныя чешвернями большихъ бѣлыхъ лошадей; шакже 8 другихъ карешъ съ ея Фрейлинами, окруженныя толпами Арабовъ; — наконецъ 25 прелестнѣйшихъ невольницъ, верхомъ и съ распущенными волосами.

Ошь *Ахмета* I до восшествія на престоль *Ахмета* III, ш. е. въ продолженіе цѣлаго столѣтія, Лѣтописи Ошшоманскія многократно упоминають о бракахъ, заключенныхъ между Сулшаншами и Визирями; но упоминають объ оныхъ весьма кратко, безъ подробнаго описанія сопровождавшихъ оныя праздниковъ. — Такимъ образомъ Турецкій Историографъ *Рашидъ* повѣствуетъ о супружествѣ Сулшанши *Фатимы*, дочери *Ахмета* I, съ *Юсуфъ-Пашею*, Градоначальникомъ Силистріи, кошорая празднована въ 1078-мъ г. Эгиры (1677), и во время коей Каймаканъ *Шейкъ-оль-Исламъ* и другой Чиновникъ, ошправлявшій должность Кизляръ-Аги, получили въ подарокъ почешныя шубы (11).

Сей же Историикъ повѣствуетъ о брачномъ союзѣ Сулшанши *Умкульсумы*, дочери Магомеша IV, съ Каймаканомъ *Османъ-Пашею* въ Андрианополь (12), въ

(11) Raschid I, p. 36.

(12) Тамъ же II, p. 194.

1105-мъ г. Эгирь (1693). Онъ говоришь также объ обрученіи Султанши *Эмины*, дочери царствовавшего тогда *Мустафы II*, съ Селигдаромъ *Али Чорльскимъ*, въ 1103 (1701), который въ послѣдствіи облечень былъ власнію, равносильною власи Великаго Визира (13); также *Аише*, старшей сестры *Эмины*, съ *Кепрулизадъ-Романъ-Пашею*, празднованномъ двумя годами позже (14). Но сей двойной бракъ воспослѣдовалъ не прежде, какъ по низверженіи *Мустафы II* въ 1120-мъ г. Эгирь (1708). Великій Визиръ угощал по сему случаю Улемовъ всѣхъ степеней, включая въ сіе число и опшавныхъ Констанцинопольскихъ Судей; также знаиѣйшихъ Членовъ Дивана, Государшвенныхъ Вельможъ и Генераловъ конницы и пѣхоты. Въ назначенный день, Капипанъ-Паша, уполномоченный отъ Султана и Секретарь Султана, уполномоченный отъ *Романъ-Паши*, прибыли въ Сераль, въ такъ называемую залу *собесѣдниковъ* (*Musafir-Oda*), гдѣ находились Кизляръ-Ага и Муфши. Сей послѣдній написалъ брачный Акшъ, назначивъ въ приданое 20,000 червонцевъ; а Шейкъ *Алсофи* произнесъ *Чутбе* или молитву за Султана, читаемую въ мечешяхъ каждую пятницу. Оба уполномоченные, также Муфши и Кіая, были потомъ облечены въ собольи шубы, Шейкъ *Алсофи* въ горношпаевую, знаиѣйшіе же изъ ихъ свипы въ кафтаны.

(Окончаніе впрѣдъ.)

(13) Raschid, p. 261.

(14) Тамъ же, p. 276.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ воспоминанію.

Прошедшаго привѣтъ, воспоминанье !

Оспрадой сердце постыши !

Ты замѣни остылое желанье ;

Будь мнѣ опорой на пущи !

*

Таинственно, въ пиши краснорѣчивой

Бесѣдуй съ жадною душой.

Грядущаго умолкнулъ голосъ льспивой ;

Надежды нѣтъ передо мной.

*

Я опжилъ вѣкъ волшебныхъ упоеній,

Загадку жизни разгадалъ

И осушилъ источникъ наслажденій —

Завѣсу шайны разодралъ !

*

Я даль проникъ и пущь уединенный

Глазами опыша прозрѣлъ, —

И свѣшлый міръ, мечтами населенный,

Въ глазахъ померкъ и опустьлъ.

*

Но ты приходи! Бесѣдою швою
Воскреснушь дней протекшихъ сны :
Я при тебѣ душой помолодѣю,
Привѣшь услыша снарины.
Князь Вяземскій.

Л а н д ы ш ь .

Апологическая Эпиграмма.

Росъ ландышь — не доросъ; зачахъ, упалъ и
сгниль:
Его опъ солнышка репейникъ заслонилъ!
Не по ли жь самое съ шалангами мы видимъ,
Когда но замолчимъ: кого нибудь обидимъ!

— но —

Ранняя любовь.

Ребенкомъ часто я съ моей козою въ полѣ
Играя мѣрился: коза была поболь.
Анюшу я любилъ уже съ шѣхъ самыхъ дней;
Не дѣву, Ангела тогда я видѣлъ въ пей!
„Люблю!“ уста мои однажды ей сказали:
Я сердцемъ говорилъ, уста про то не знали!
Она же, поцѣлуй мнѣ жаркой подаривъ.
„Малюшка! Ты любви не знаешь; ты счастливъ!“
Помомъ пѣвнясь другимъ, другой пѣвнися ею;
Межь шѣмъ, я выросалъ съ любовію моею!
Напрасно я ловлю шеперь Анюшинъ взоръ; —
Анюша не глядишь, а я люблю съ шѣхъ поръ!
Она забыла шѣ счастливыя минушы;
Но ахъ! забуду ли я поцѣлуй Анюшы? ...

Норовъ.

Къ сѣтерку.

Сонешъ.

Куда, куда, о юный братель Зефира,
Оносишь ты шептаніе листвова,
И плескъ рѣки, и аромашь цвѣшовъ,
И пѣсней звукъ, когда поешъ Эльвира?

*

Въ какой предѣлъ невѣдомаго міра
Несешь ты ошь Невскихъ береговъ,
За быспрыми грядами облаковъ,
Теряся въ безмѣрности ээира?

*

„Лечу, несусь,“ ты шепчешь мнѣ въ опвѣшь,
„Куда? зачѣмъ? и самъ шого не знаю
И съ звуками я вмѣстѣ исчезаю.
Но я счастливъ: Эльвира запоешь
И пѣснь ея, какъ радостный привѣшь,
Наперерывъ я съ эхомъ повшорю!“

К.

21-го Апрѣля, 1824.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XIX.

П Р О З А .

Брачные обряды Турецкихъ Султановъ.

(Окончаніе.)

Кизляръ-Ага и Начальникъ вѣншихъ карауловъ Сераля (Baltadschilar Kiajassi) получили отъ новобрачныхъ соболю шубы, а Полковники Балшадчей — кафпаны. Свадебные подарки, называемые Турками *Nischan*, заключались, со стороны Великаго Визиря, въ слѣдующихъ вещахъ: брилліаншовая повязка, брилліаншове браслешы и яхоншове серги; зеркало, украшенное драгоценными камнями; покрывало съ брилліаншами; пара башмаковъ, унизанныхъ жемчугомъ; шупли и башмаки съ каблуками (первыя называются у Турокъ *Mest*, вторые *Papousch*, а послѣдніе *Naaliu*); 2,000 червонцевъ и 40 чашекъ съ вареньемъ. *Романъ-Паша* прислалъ въ подарокъ: Діадиму и браслешы алмазные; изумрудныя серги; шипые золопомъ башмаки; шупли съ дорогими камнями; 2000 червонцевъ и 40 шарелокъ съ вареньемъ. Ага Великаго Визиря несли сіи подарки на головѣ,

изъ его дому въ Сераль; а потомъ, сложивъ приданое обрученной Сулманши на муловъ и въ закрытые экипажи, отвезли изъ Серала въ чертоги Великаго Визиря. Спустия три дни, отправились они за Принцессами съ великолѣпною свитскою и проводили ихъ въ дома Визирей, ихъ супруговъ (15).

Свадьба Шпальмейстера Сулманова, празднованная въ слѣдующемъ году, была несравненно блистательнѣе всѣхъ упомянутыхъ. Чиновникъ, отправленный съ подарками жениха, принималъ и осматривалъ приданое невесты; онъ назывался, какъ мы выше замѣтили, *Сагдидшъ*, что соотвѣтствуетъ нынѣшнему названію Шафера. Силигдаръ или Шпальмейстеръ избралъ, для исполненія сихъ торжественныхъ обязанностей, Капитанъ-Пашу, который отправился изъ своего дома съ подарками жениха поутру, въ день, назначенный для сей церемоніи. Онъ надѣлъ соболью шубу и большую праздничную чалму, называемую *калеви*, по причинѣ множества на оной золотыхъ полосъ. (Только три главные Чиновника Имперіи и Гарема: Великій Визирь, Капитанъ-Паша и Кизляръ-Агаси могутъ носить такую чалму.) Свитскою его составляли: его Кіая и Кіая Великаго Визиря, въ богатыхъ чалмахъ съ опушками (*Selimi*) и въ шерстяныхъ праздничныхъ епанчахъ безъ мѣху (*Sof Erkian Téradsché*). За ними шествовали Аги Капитанъ-Паши, въ высокихъ круглыхъ

чалмахъ (Mudschewwese) и въ полупарадныхъ шубахъ (Etkiankurki). Прошедъ чрезъ желѣзныя ворота Серала, прибыли они на мѣсто, называемое *Собфа*, прилежащее къ внутренней залѣ собранія (Chassoda). Великій Визирь принялъ шамъ Капипанъ-Пашу и пощивалъ его кофе, сорбетомъ и благосвѣнными водами; потомъ Пажы той же залы опнесли въ покои Дивана свадебные подарки, состоявшіе изъ корзины, осыпанныхъ драгоценными каменьями, изъ кошельковъ съ золотомъ, изъ богато вышитыхъ подушекъ, изъ деревъ и цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ сахару и конфетовъ, наконецъ изъ двухъ брачныхъ нальмъ, изъ числѣннѣйшаго серебра. Аги Капипанъ-Паши, числомъ свыше 90, въ бѣлой одеждѣ и съ высокими бѣлыми чалмами, несли на головахъ корзины, кошельки, подушки и чашки; они шли попарно впереди своего господина. Свита сія опсправилась потомъ обратнo изъ *Собфы*, прошла чрезъ желѣзныя ворота, что вѣтъ Серальскихъ стѣнъ, потомъ чрезъ первыя ворота и остановилась у впорыхъ, гдѣ Капипанъ-Паша сошелъ съ лошади и былъ привѣтствованъ Оберъ-Шпальмейстеромъ и Оберъ-Камергеромъ. Они соупшествовали ему до вшораго двора, гдѣ расставлены были шапры. Балшадчи, въ краеныхъ и зеленыхъ долиманахъ, стояли у шрешнихъ воротъ, для принятія корзины, кошельковъ, подушекъ и проч. изъ рукъ Аги Капипанъ-Паши.

Обоимъ Кіанъ поданъ былъ кофе въ спавкѣ Кизляръ-Агасси; потомъ, по предварительному дозволенію, по-

ложено приданое предъ Султаномъ, принесшими оное Балпадчами. Кизляръ-Агасси и Начальникъ евнуховъ первой Султанши (Baschkadun), одѣтые въ праздничныя шерстяныя епанчи безъ мѣха (Sof Féradshé) и съ обыкновенными чалмами, прибыли въ спавку Капишанъ-Паши, который и встрѣшилъ ихъ у порога. Начальникъ евнуховъ подалъ такъ называемый *снгалный платокъ* (Nischan makramassi), т. е. связку съ маперіями и шалями, кои невѣста посылаетъ жениху въ благодарность за сдѣланные ей подарки. Обычай, подавшій поводъ къ вымышлению басни о плашкѣ, который будно бы бросаетъ Султанъ при прогулкѣ въ своемъ Сералѣ; басни, основанной на разказахъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. Капишанъ-Паша, поцѣловавъ сію связку, отдаетъ оную Кіаѣ жениха; потомъ раздають шубы и кафшаны. Кизляръ-Ага и Капишанъ-Паша садятся на софу, а сей послѣдній, по данному знаку отъ Кизляръ-Аги, перебѣняетъ свою чалму на другую полегче, а праздничную шубу на камзолъ. Кизляръ-Ага вынимаетъ тогда изъ кармана три кошелька съ золотомъ, изъ коихъ одинъ вручаетъ Капишанъ-Пашѣ, а два другіе обонмъ Кіаямъ. Потомъ Кіая Великаго Визиря уходитъ къ жениху съ вѣнчальнымъ плашкомъ; Кизляръ-Ага возвращается въ Гаремъ, а Капишанъ-Паша въ комнаты Султанова Секретаря. — Сіи обряды, производившіе при доставленіи приданого Султаншѣ *Фатимѣ*, вышедшей за мужъ за Шшальмейстера, повторены, въ подобномъ

случаѣ при бракѣ сестры ея, Султанши *Чадидши*, вступившей въ бракъ съ *Абдурагманъ-Пашею*. Государственные Вельможи соединились попомъ, дабы смотрѣть процессію, сопровождавшую приданое новобрачной. Визири, имѣя при себѣ по два Военныхъ Чиновника, заняли мѣста на возвышеніи, по лѣвую сторону шрешнихъ ворошъ *Серая*; мѣста, кои, во время засѣданія въ *Диванъ*, назначаются для Генераловъ конницы. За ними прибыли Великій Визирь, Муфши и другіе главнѣйшіе Улемы и заняли мѣста передъ дверьми *Гарема*, гдѣ, при засѣданіи въ *Диванъ*, становятся Знаменосецъ *Магомешова* шшандарна и Придворные Чиновники. Муфши, Визири, Начальникъ *Эмировъ*, Ага *Янычаровъ*, *Дефшердаръ* и Секретарь докладовъ (*Telchissdschi*), одни только вошли, чрезъ шрешьи вороша, въ *Кіоски* со стороны моря, гдѣ расположились видѣть приданое, съ особливаго, устроенаго для сего возвышенія. Приданое сіе помещено было на другой шеррасть, прикосновенной къ залѣ *мантіи Пророка Магомета* (*Chikai Scherife odassi*), въ корзинахъ и великолѣпныхъ вазахъ. Собраніе, оставивъ галерею, отправилось къ самой шеррасть, гдѣ находилось приданое. Подошедъ къ шкапулкѣ съ драгоценностями, каждый бросилъ шуда по брилліаншу, сообразуясь съ своимъ достаткомъ и званіемъ. Другой день назначенъ былъ для торжественнаго вывоза приданаго изъ *Серая*. Всѣ Государственные Вельможи и Шейки приглашены были видѣть сію церемонію. При семъ случаѣ,

одинъ почти столярный Шейкъ, изъ уваженія къ масшишой его сшаросши, получилъ позволеніе, приближисья верхомъ къ лицу самаго Султана. На вшпоромъ дворъ Сералья угашивали Шенковъ завштракомъ изъ Султанской поварни. Всѣ Вельможи, собравшіеся для сопровожденія *Симидаръ-Паши* изъ внушренныхъ покоевъ Сералья, шакже Кіая Великаго Визиря и Гофъ-Маршалъ Двора, въ парадной одеждѣ, т. е. въ шубахъ и огромныхъ чалмахъ (*Selimi*), отправились въ *Соффу*, гдѣ зашдають, во время присушствія въ Диванѣ, Члены Совѣша, подлѣ комнашь Казначейшва. Великій же Визирь отправился съ блестящею свшшою въ большую залу своего Сералья (*Вижукода*); онъ опирался на Кіаю-Бега или Министра Внушренныхъ дѣль и на Чаушъ-Баши, Гофмаршала Двора Султанова. Сшашсь - Секретари или Рейссь-Эффенди, оба Докладчика и Секретарь Великаго Визиря ожидали его въ пріемной комнашь, дабы встрѣшшь съ обыкновенными привѣшствіями. Когда женихъ прибыль къ ворошамъ своего дома; шо Великій Визирь вышелъ къ нему на встрѣчу до половины дороги, а женихъ почшшительно поцѣловаль края его епанчи, хошя онъ и не хошѣль до сего допусшшь. Великій Визирь, оставивъ пошомъ церемоніальную чалму (*Kalawa*) и шубу (*Oust-kurki*), надѣль другія, менѣе богашыя и опкланявшись, одѣль жениха въ льшній кафшанъ и въ двѣ шубы, обложенныя мѣхомъ снаружи. Пошомъ Великій Визирь и Муфши отправились въ Сераль, для совершенія сва-

дебнаго обряда. По прибытіи Кизляръ-Аги въ ставку Великаго Визира съ Казначеемъ (Chasnedar) и его Помощникомъ (Chasnedar-wekili), Государешвеннымъ Секретаремъ (Jasidschi Effendi) и Начальникомъ Балладчей, все собраніе встало и Великій Визирь уступилъ Кизляръ-Агѣ почешное мѣсто, преимущественно предъ всѣми другими Визирями. Свадебный актъ сочинень и подписанъ былъ Кизляръ-Агою и Капитанъ-Пашею, Полномочными снѣ невѣсты и жениха и двумя приведенными ими свидѣтелями. Въ силу сего акта, Султанша *Фатима* получила въ приданое 40,000 червонцевъ. — Визири были попомъ облечены въ шубы, покрытыя златою парчєю; Улемы въ шубы, покрытыя сукномъ, а другіе Вельможи въ кафшаны. Засимъ торжественно препроводили приданое въ чершюги невобрачной Султанши, что въ Эжубѣ. По причинѣ чрезвычайной пощины брачныхъ палымъ, повелѣно было срышь, на пути процессіи, многія лавки и дома; но хозяева оныхъ получили удовольствореніе изъ общеспвенной Казны. Визири и Эмиры, Шенки и Улемы, Генералы пѣхоты и кавалеріи, Вельможи Двора и Совѣта и другія знашныя особы сопровождали, въ праздничныхъ платьяхъ, пышную сію процессію до самаго дворца Принцессы, гдѣ торжештво сіе заключилось новою раздачею шубъ, епанчей и кафшановъ.

Перев. П. Бутовскій.

Нѣчто о перчаткахъ.

(Изъ соч. Г-жи Сартори.)

Употребленіе перчатокъ шерлеся въ глубокой древности и мало по малу распространилось между всѣми народами. Должно полагать, что необходимость, предохранять себя отъ холода или уязвленія наѣкомыхъ, подала поводъ къ сему обыкновенію: почти всѣ вещи, относящіяся нынѣ къ нарядамъ, имѣли сначала цѣль полезную. Разумѣется, что первыя перчатки, какъ и всякая новоизобрѣтенная вещь, были безобразны: ихъ дѣлали изъ грубой кожи и безъ пальцевъ. Въ среднихъ вѣкахъ *рукавицы* (*gantetelets*) Рыцарей накладывались желѣзомъ и составляли часть ихъ вооруженія во время турнировъ. Потомъ носили перчатки суконныя, съ выспроченными швами; наконецъ, начали для сего употреблять кожу разныхъ звѣрей. Нѣкоторыя вышивали перчатки въ пальцахъ, шелкомъ, нитками и бумагою. Въ сіи же почти времена, Католическое Духовенство ввело въ обычай, носить перчатки при отправленіи Богослуженія; Папа, Кардиналы и Епископы сохранили сіе право и донныѣ.

Теперь, когда употребленіе перчатокъ здѣлалось всеобщимъ, заготовленіе и шорть оными составляютъ важную отрасль промышленности. Наши Французскія Дамы можеть быть не знаютъ, до какой степени иностранки завидуютъ имъ въ сей часши убора. Въ Англій, гдѣ Механическія Искусства

доведены до высокой степени совершенства, никакое еще усилие не могло доставить Бриггандам даже и посредственных перчаток; кожа оныхъ грубая, опѣлка небрежная, а цвѣтъ не имѣеть надлежащей бѣлизны и чистоты. Французскія перчатки въ большемъ уваженіи въ Англіи; а посему-то ввозъ оныхъ и запрещенъ спрожайшимъ образомъ. Нельзя здѣлашь пріятнѣйшаго подарка прекрасной Лондонской Дамѣ, какъ доставивъ ей дюжину бѣлыхъ Парижскихъ перчатокъ.

Должно согласишься, что обычай, носить всегда перчатки, украшаетъ руки и болѣе содѣйствуетъ къ ихъ бѣлизнѣ и мягкости, нежели всякое мыло и другіе Косметическіе составы. Въ первыя времена Французской Монархіи красавицы наши, какъ видно изъ погдашнихъ Лѣтописей, снимали бѣлыя свои перчатки только напурнирахъ, для увѣнчанія побѣдителей и поражали ихъ удивительною бѣлизною рукъ. Извѣстно, что Дамы новѣйшихъ временъ, находясь при Дворѣ, никогда не снимають перчатокъ; на балахъ и въ большихъ обществвахъ прекрасныя руки ихъ обнажающа также весьма рѣдко.

Съ Франц. П. Бутовскій.

О коврахъ.

(Оттудажъ.)

Востокъ славился коврами еще во времена глубокой древности. На коврахъ Персидскихъ и Мидійскихъ изображалась самая страшная смѣсь людей,

живописныхъ и расшивій; оныя были рисованныя, тканные или шитыя. Греція, уже съ весьма давнихъ временъ, снабжалась ими изъ сихъ странъ; Аѳиняне скоро къ нимъ пристрастились. Изображенія многихъ баснословныхъ живописныхъ, какъ-то *Грифовъ*, *Центавровъ* и проч., кажутся, заняты Греками опъ дѣлашелей сихъ ковровъ. — Они украшали оными внутренность священныхъ вершесовъ, гдѣ жрецы наставляли въ шашисвахъ своего богослуженія. Здѣсь ковры употреблялись вмѣсто дверей.

Во новѣйшія времена, во всѣхъ почши странахъ начинали выдѣлывать ковры по образцу Персидскихъ. Европейцы конечно доказали свое превосходство въ Искусствахъ полезныхъ, равно какъ и въ Искусствахъ пріятныхъ; должно однакожъ сознаваться, что мы никогда не могли превзойти, ни даже сравниться съ изящностію нѣкоторыхъ отраслей Азіатской промышленности. Я ссылаюсь на весь женскій полъ: не скажешь ли онѣ единогласно, что никакая ткань не можетъ сравниться съ Кашемирскими шальми и Индейскою кисеєю? Да и наши любители шарфы не безпрестанно ли повторають, что ни одинъ фарфоровый сосавъ не равняется шонкосію и близною съ шарымъ Японскимъ? Не смотря на неуспѣшную нашу заботливостъ, касательно всего, что касается до внутренняго украшенія домовъ, мы должны однакожъ сказать, что никакой Европейскій коверъ не можетъ спорить о преимуществѣ съ коврами Турецкими, Смирнскими и Персидскими. Доброша

оныхъ оправдываетъ исполщее свое происхожденіе, а цвѣтъ никогда не линяетъ. Ткань Восточныхъ ковровъ ни съ какой стороны не замѣтна и оныя всегда кажутся здѣланными изъ цѣльнаго куска. Правда, что въ сочиненіи и рисункѣ имѣемъ мы большое преимущество; но съ шѣхъ поръ, какъ привыкли мы къ Восточнымъ шаламъ, рисунки Турецкихъ ковровъ кажутся намъ менѣе неправильными. Многіе даже находятъ ихъ пріятными, потому именно, что они необыкновенны. Наконецъ, рисунки сіи никогда не подвержены перемѣнамъ Моды. Англичане и Голландцы, кои во всемъ любятъ прочность, употребляютъ одни Турецкіе ковры; а здѣланные въ Европѣ служатъ имъ только для дѣспницъ, корридоровъ и уборныхъ комнатъ.

Но щакъ какъ мы не обладаемъ шайною дѣланія Персидскихъ ковровъ и не имѣемъ ни шого солнца, ни шой воды, кои дають краскамъ оныхъ всегдашнюю свѣжесть; шо удовольствиюемъ по крайней мѣрѣ шѣмъ, что у насъ есть и стараемся, что бы въ издѣліяхъ нашихъ болѣе думали о прочности. Надобно изобрѣсти шакон способъ, конорый бы не допускалъ, въ печеніе одного года, видѣть уже, со всѣхъ сторонъ, бѣлыя нитки, въ мѣснахъ, гдѣ соединяются рисунки.

Въ древнемъ Римѣ снимали башмаки, садясь за столъ, что бы не попортишь лавокъ или дивановъ, на коихъ возлежали во время шрапезы. Также и Азіяшцы, что бы не портишь ковровъ, снимають шуфлы, въ конорыхъ ходяшь по улицамъ. За шо въ Европѣ

мало думаютъ о сей предосторожности, при входѣ въ комнату. Сіе-то заставляетъ чистить ковры ежедневно, что истребляетъ ихъ весьма скоро. Оныя должно вымывать каждый день щеткою и только одинъ разъ въ недѣлю, вынеся изъ комнаты всѣ мебели и бросивъ потомъ на коверъ нѣсколько горстей сыраго песчанаго камня, чистить обыкновенною мешлою изъ древесныхъ вѣтвей.

Съ Франц. И. Бутовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Завѣтная книга.

Въ пустынь далекой былъ спарець съдой,
Пещера въ ушесѣ — жилище его
И дубъ усарѣлый и клень молодой
Укронную келью, шумя, осѣняли.
И шеплилась шихо на сумрачномъ сводѣ
Лампада; съ срединѣ *налой*, и на немъ
Лежала, какъ шайна, *завѣтная книга*;
И къ ней шолько спарець одинъ прикасался. . . .
Три гаси вмѣщала ша книга въ себѣ;
Три разныя *ленты* шѣ часши дѣлили.
Какъ свѣжая роза *алма* одна;
Другая, какъ небо, была *голубая*;
Но *гернал* прешья, какъ врана крыло.
И съ каждымъ разсвѣшомъ пустынникъ-мудрець
Съ почшеніемъ къ книгѣ завѣшной подходить
И лисшѣ, но не боль, чисашеть одинъ. —
И онъ ужъ за черной прочисывалъ лешой;
Немного ему оставалось чисашь! —
Чисашеть — и книгу, со вздохомъ закрывъ,
Идешъ онъ, склоненный въ глубокую думу,
Какъ будшо прощашья съ Природой. — Такъ мирно
И шихо въ немъ жизнь погасала, какъ день
На ясномъ, безоблачномъ небѣ. — И вошь
Пришелъ къ нему гощь изъ мяшежнаго свѣша:
То юноша свѣжій, какъ цвѣшъ молодой;
Румянецъ пылалъ на лилейныхъ щекахъ,

И свѣтлая искры сіяли въ очахъ,
И кудри играли вокругъ шеи прямой.
„Опець! Благоданью свяшой осѣни
Пришельца изъ бурнаго свѣна. Опскрой
Высокую шайну; скажи мнѣ, мудрець:
Какъ въ мѣрѣ мятежномъ безъ бури прожить?
И гдѣ обитаешь блаженство? Скажи:
Гдѣ съ пылкой душой я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрѣлый совѣтъ
Кипящую жажду въ груди ушолитъ!
Наной меня свѣтомъ вѣщаній свярыхъ:
Опскрой, благоданный, мнѣ шайны Судьбы
И жизни Науку!“ — И спарець въ отвѣтъ:
„О посланный сердцу наслѣдникъ молодой!
Приди, мой желанный! и шайну прими,
Высокую шайну Въ сей книгѣ она:
Вся жизни премудрость въ сей книгѣ свяшой,
Завѣтной: — ты каждый чишай ее день,
И листъ, но не боль, для каждаго дня!
Не болѣе, помни!“ Съ симъ словомъ почилъ,
Какъ тихій младенецъ, столѣтній мудрець.
И было преданье, что Ангель пустынь
Восхищилъ земные ошашки его! . . .

Вошь ночь пропекаешь, какъ вѣчность! . . .

Съ зарей

Къ завѣтной подходишь пылающій чпецъ
И къ розовой лепшѣ душою лепишь.
Чишаешь, и сердце весельемъ зажглось:
Все розовымъ свѣтомъ сіяетъ въ очахъ;

Всѣ жилы, какъ струны, дрожатъ — и ключемъ
Кипитъ молодая, румяная кровь.
Улыбка играетъ на свѣжемъ лицѣ;
Онь, кажется, слышишь надежды привѣтъ
И голосъ знакомыхъ мечтаній: онь всеъ
Воспоргъ и желанье Ужь листъ пробѣжалъ
И даль, все даль, какъ вспыхнувшій огнь
При вѣяньи вѣтра на полѣ сухомъ;
И вошь въ упоеньи, всю первую часъ
Прочель, поглотилъ онь — и розовый свѣтъ
Угасъ и поблекла улыбка Онь спихъ;
Но слышишь онь новый заманчивый гласъ.
„Все дальѣ, даль!“ Эфиръ голубой
Сіяетъ, какъ небо, въ завѣсныхъ листвахъ.
И все посполнѣй и все шамъ вѣрий,
И счастья обѣщанья слышишь — и цѣль
Вдали, за шуманомъ, ясное горитъ
Спокойнѣе взоръ чтеца; — но ушлъ
И пасмурень спалъ онь, когда перешель
За черную леншу Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ
Прочель — и со вздохомъ вспомнилъ завѣтъ,
И тихо побрель онь къ родной створцѣ.
Но шамъ не надолго онь гостъ у друзей!
Онь сохнетъ, онь вянетъ опцвѣвшей душой;
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ
И жизнь догораетъ во взорахъ — и вошь,
Унылый, онь рано въ могилу сошелъ. —
Поспигнули тайну кончины его

И брашья и други, по лѣшамъ забавь,
Вздыхал, жалѣли о пылкомъ чшепцѣ,
Что книгу онъ жизни шакъ рано прочель!

Ө. Глинка.

Эпиграмма.

Ты правъ! Сожжемъ, сожжемъ его шворенья!
Онъ не по насъ! Галимашья въ немъ нѣшь!
Въ немъ слѣдый умъ, пошомокъ просвѣщенья;
Есть жаръ, есть вкусъ, сей вѣчноюный цвѣшь!
Но что намъ въ нихъ? Онъ Граціи улыбкой
Былъ вдохновець, когда шушя писалъ
И слогу его, усшупчивый и гибкой,
Живой Прошей, всѣ измѣненья бралъ.
Но что намъ въ шомъ? Пусшь яркій пламень казни
Вѣнецъ шворца и нашъ позоръ сожжеть!
Но шы, дружокъ, шы чуждъ такой болзни!
Какъ сжечь шебя? Не загорится ледь!

К. В — йй.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

№. XX.

П Р О З А .

О нововышедшей книгѣ: *Путешествіе по Тавриду, соч. И. М. Муравьева-Апостола.*

„Ни одинъ еще годъ (*) не былъ бѣднѣе оригинальными произведеніями прошедшаго 1823-го,“ сказалъ А. А. Бестужевъ въ *Полярной звѣздѣ*, на 1824-й годъ изданной. Эшаго, къ радости любителей изящнаго, нельзя будетъ повторить о текущемъ годѣ. Десятый и одиннадцатый томы *Исторіи Государства Россійскаго*, Н. М. Карамзина; исправленныя шворенія И. И. Дмитріева, съ ученымъ предисловіемъ Князя *Вяземскаго*; шрешіе изданіе Спихошвореній *Жуковскаго*, весьма многими превосходными пьесами обогащенное; новое изданіе сочиненій *Озерова* и *Бахчисарайскій фонтанъ*, Поэма А. С. *Пушкина*, вышедшія, одно за другимъ, въ началѣ сего года, обогатили бы *Литтературу* просвѣщеннѣй-

(*) Любопытно знать, откуда *Авшоръ Обзорнїя Литтературы* мачинаетъ свое льшосчеленіе? В.

шихъ Государшвъ и вездѣ были бы встрѣчены съ воспоргомъ.

Вошъ и еще одна Европейская книга, въ истинномъ, обширномъ смыслѣ сего слова! — *Путешествіе по Тавриды Н. М. Муравьева-Апостола*, хотя окончано печатаніемъ въ 1823-мъ году, однако по всей справедливости принадлежишь благодашному 1824-му. Сочинитель ея, прибывъ въ Санктпешербургъ и найдя въ книгѣ своей многія нестерпимыя опечатки, остановилъ ходъ ея; перепечаталъ страницы, на которыхъ нашель важнѣйшія, смыслъ зашемняющія погрѣшности и исправилъ ихъ на чертежахъ и ландкаршахъ. Его путешесствіе писано не для одной Россіи, но для Европы; это не лепучіе листки, но книга. Она уже переведена на Нѣмецкій языкъ и, безъ сомнѣнія, не замедлишь явиться на Французскомъ и Англійскомъ.

Издатели иностранныхъ Журналовъ конечно будутъ признашеть къ глубокимъ, ученымъ изысканіямъ нашего почтеннаго соотечественника, нежели *Рускій Библиографъ*, который мимоходомъ и коротко упомянулъ о выходѣ въ свѣтъ сей важной книги; замѣтилъ ничтожныя погрѣшности въ слогѣ и ни слова не сказалъ о ея внутреннемъ достоинствѣ (*valeur intrinseque*). Можно подумашъ, что дѣло шло о переводѣ какого нибудь мѣлочнаго Французскаго Романа.

Слогъ нашего Крымскаго путешественника ясенъ и почень; естъ страницы краснорѣчивыя. Онъ,

желая оживить и разнообразить для некоторых Читайшелей сухія, скучныя изысканія и подробности, — рассказываешь иногда анекдоты пріяшныя, рисуешь картины веселыя. Но какъ большой мастеръ, принаровляешь сіи анекдоты, сіи описанія къ главной своей цѣли и дѣлаешь опущенія, не нарушая единства. У него все служило или къ поясненію Исторіи Крыма, или къ точнѣйшему опредѣленію мѣстъ, описанію климата, произведеній Тавриды и нравовъ ея обитателей. Встрѣчаются спранныя выраженія, неупотребительныя слова, Лапшинизмы, Галлицизмы: у кого нѣтъ ихъ? Оцѣнише же сокровища, разсыпанныя нашимъ путешественникомъ въ его книгѣ, и вы забудете о погрѣшностяхъ! На каждой страницѣ найдете вы классическія познанія Древности, удивительное терпѣніе въ изысканіяхъ, быстрыя соображенія, вѣрныя догадки, плодъ чтенія Древнихъ и наблюденій въ многочисленныхъ путешествіяхъ по Европѣ. Еслибъ и вся книга была наполнена Грамматическими ошибками, написана дурнымъ языкомъ; то за одну *Исторію Царей Восторскихъ* Липператоры просили бы ему сіи недоспапки. Можешь бышь я ошибаюсь; но, мнѣ кажется, что ни на Французскомъ, ни на Нѣмецкомъ нѣтъ равной ей въ достоинствѣ Исторіи Государства Мишридашова. При всей ея краткости, она самая полная, изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ почерпнушая и

безъ шемныхъ промежущковъ, которые всѣ озарены свѣспильникомъ здравой Кришкики.

„Россія, отечество мое!“, — восклицаетъ воспор-
 женный нашъ пушешественикъ въ концѣ своей
 книги. — „На поприщѣ славы оружія ны уже
 достигла до мещы; но сколько еще опкрывается
 тебѣ иныхъ пушей къ славъ!“, — Дарите насъ
 чаще такими книгами! скажемъ мы ему въ опвѣспъ
 на сіе восклицаніе, и Вы опчасти исполнише свое
 наптріюшическое желаніе! Въ общеспвенныхъ би-
 бліошекахъ просвѣщенныхъ Государствъ и въ ча-
 спныхъ Евронеискихъ Лишператоровъ, Ваше пуше-
 шествіе займешъ почетное мѣсто, подлѣ швореній
Домоносова, Карамзина, Муравьева (М. Н.), и рядомъ
 съ пушешествіями *Палласа, Крузенштерна, Голов-
 нина, Муравьева (А. Н., въ Хиву), Броневскихъ,
 Мейендорфа* и другихъ нашихъ соотечеспвенниковъ.

Послѣдуемъ золотому правилу одного извѣспнаго
 нашего Поэша:

„Примѣръ и опышность полезнѣй наспавлений!“

И для удоспвѣренія почшенныхъ любиселей
 Испоріи и Словѣспности, что сія книга написана
 не варварскимъ языкомъ, предложимъ здѣсь нѣсколько
 образчиковъ.

Описаніе Ханскаго дворца въ Бахчисараѣ.

Вчера ввечеру подѣхавъ къ Бахчисараю и спу-
 шившись въ ущелину, въ кошорой онъ лежишь, я
 засвѣшло успѣлъ только проѣхавъ длинную улицу,
 ведущую къ Ханъ-Сараю, (ш. е. къ Ханскому дворцу),

на Воспочномъ концѣ города находящемуся. Солнце давно уже не видно было за горами и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *Сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по перемамъ и дворамъ Таврической *Альгамбры*; и чѣмъ менѣе видимы становилися предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами Воспочной Поэзіи. Я не знаю, что бы я далъ вчера за то, чтобы имѣть *Тысягу и одну ногу*; конечно на пролетѣ всю вчерашнюю прослушалъ бы *Шехаразату*.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно, ошъ вѣншихъ воротъ, въ кошорья проѣздъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую грязную рѣчку *Сурукъ-су*. Прощедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ; на пространнымъ паралеллограммѣ, коего прошивуположный входъ, малый бокъ граничишь въ садовыми террасами; оба же большіе зацѣпы на лѣвой сторонѣ Мечетью и службами; а съ правой, дворцемъ, состоящимъ изъ смежныхъ необыкновенной вышины зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ шопчасъ на лѣвой рукѣ, представляюща шебъ желѣзныя двери, песпро въ Арабскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Опшоманской луны. Это входъ на большое крыльцо. (*)

(*) На нихъ Арабская надпись.

Переступивъ за порогъ, шы въ пространнѣхъ сѣняхъ, на мраморномъ помостѣ, и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнїя палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмошримъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно лїющіе воду изъ сѣсны въ бѣлыя мраморныя чаши: одинъ насупрошивъ дверей; другой пошчасъ на лѣво. Надъ симъ послѣднимъ слѣдующая спранныя и любопытная надпись:

„Слава Всевышнему Богу! Возвеселился вновь лице Бахгисарая, благотворнымъ о немъ попегеніемъ Свѣтлѣйшаго Керимъ-Гирей-Хана. Онъ-то утолилъ жажду страны своєю щедрою рукою и тщится еще влщшее оказать благодѣланіе, когда будетъ на то помощь Божїя. Попегительнымъ стараніемъ своимъ онъ открылъ славный токъ воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтанъ, да предстанетъ онъ! Видѣли мы городъ Шамъ и Багдадъ, но такого прекраснаго фонтана нигдѣ не видывали. — Согниавшїй надпись сію писецъ, по имени Шейхїй. — Человѣкъ, томимый жаждою, сквозь воду, изъ тоненькой, какъ палець, его трубки, истекающую, прогтетъ нагертаніе сіе на фонтанъ. Но что же оно гласитъ? Прииди, пей сію прозрачную воду, изъ самаго гистаго источника текущую: она здравіе даетъ.“ (Сїя послѣдняя рѣчь, въ переводѣ буквъ на числа, значить: 1176-й годъ ошъ Эгирь.)

Надъ Фонтаномъ насупрошивъ дверей:

„Капланъ-Гирей-Ханъ, Гаджи-Селимъ-Гирей Хана сынъ. Господь Богъ да проститъ обоимъ прегрѣшенїе

лѣтъ, равнолѣтно отцу и матери! 1776 годъ отъ Эгирь.“

Дабы не оставишь ничего недосказаннымъ о семь нижнемъ помостѣ, замѣнимъ широкій корридоръ отъ лѣваго угла, противоположный входу стѣны, ведущій прямо въ домовую Ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей Ханъ, сынъ Гаджи-Селамъ Гирей Хана.

Другая дверь того же корридора налѣво, даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣны, до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жару окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, ш. е. въ комнату, гдѣ собирався Государственный Советъ; въ нее есть входъ и черезъ переднюю, снаружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, различующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ спроеія не по прямой чертѣ, а городками; по первое должно замѣнить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, ш. е. всѣ изъ фасады выступающія оныхъ стѣны всеюшъ окончашья. Другаго входу въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной между пиластрами Аравскаго

вкуса, между коими и шкафы, также непримѣтные, находясь по всей этой темной стѣнѣ. Надъ оными (въ лучшихъ залахъ) стекла внутри и снаружи по-
 коя, до потолка, между коими стоятъ украшенія
 льной работы, какъ-то чаши съ плодами, съ цвѣ-
 шами или дерева съ чучелами разныхъ птицъ.
 Потолки, также какъ и темная стѣна, столярной
 работы и весьма красивы: это тоненькая вызоло-
 ченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, гу-
 ссаго краснаго цвѣта. На полу я увидѣлъ знакомыя
 мнѣ въ Испаніи *Эстеры*, т. е. рогожки, весьма
 искусно сплетенныя изъ проспника, родъ *генста*
 и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кир-
 пичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости
 лучей въ комнатахъ, съ трехъ сторонъ освѣщенной,
 кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя
 стекла въ окнахъ; любимое рыцарскихъ замковъ укра-
 шеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ Во-
 сточныхъ народовъ, во время Крестовыхъ походовъ.
 Если въ заключеніе сего общаго описанія ты пред-
 ставишь себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ
 шелковыхъ тканей, на полу лежація, вокругъ всѣхъ
 стѣнъ, исключая темной, ты будешь имѣть поня-
 тіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или че-
 тырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екате-
 рины II въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими ди-
 ванами, съ креслами и столами. Сія послѣдняя
 утварь особливо драгоценна для насъ *крещеныхъ*;
 ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ,

правовѣрные вмѣсто споловъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на копорыхъ спавяшь подносы и ѣдять на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаешься можешь, что въ споронѣ отъ сего спроеія находился Гаремъ, неприступный для встхъ, кромѣ Хана и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ корридоръ съ дворцемъ. Эша часть болѣе всего въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жершвы любви, или лучше скажешь любоспрашя, помилися въ неволѣ, представляють шеперь печальную каршину разрушенія: обвалившіеся пошки, изломанные полы. Время сокрушило узилице; но что въ томъ пользы, когда то же время, рокомъ узицамъ опредѣленное, прошекло для нихъ безопрадно, въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому власшешину? — На краю сего Гарема стоишь, на большомъ дворѣ, высокая шешнугольная бесѣдка, съ рѣшешками вмѣсто оконъ, изъ копорой, какъ сказывають, Ханскія жены, невидимыя, смошрѣли на игры, възды Пословъ и другія позорища. Иные говоряшь, что будшо бы шущъ Ханъ любовался фазанами и показываль ихъ любимицамъ своимъ. Эшо послѣднее пошому шолько вѣрояшно, что пѣшухъ съ семейшвомъ своимъ ешь единшвенная каршина, кошорую супругъ-Музульманъ можешь представлять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженшва. Между сею полусогнившою бесѣдкою и комнашою, о

которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ съ мраморнымъ фоншаномъ, естъ прекрасный цвѣшничекъ, гдѣ миршы и розы могли нѣкогда вѣшать пѣсни Ташарскому Анакреону.

Но пора оставишь сіи грудь пѣснящія памяшники невольничества и вышши подышашь на чистомъ воздухѣ. Вошь, насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, перрасы въ чешыре ушупа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшешкахъ и прозрачныя испочники, съ ушупа на другой ліющіеся въ каменные бассейны. Можешъ бышь нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, сравнивали и перрасы ихъ съ висящими садами Семирамиды; но теперь Крымское чудо сіе представляешъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памяшники въ Тавридѣ. Больше всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія шрубы уже засорились, а нѣкоторыя испочники и совсѣмъ исчезли.

За мечешью, вѣ двора, кладбище Хановъ и Султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоишся подъ бѣлыми мраморными гробницами, ошненными высокими шополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тупъ лежишь *Менгли* и ошець его, основашель могущества Царства Крымскаго. Всѣ памяшники покрышы надписями; но онѣ, какъ говоришся, не при мнѣ были писаны; а мнѣ ошвадалося шолько пожалѣшь, что до сихъ поръ не нашелся любопытный, знающій Аравскій языкъ, ко-

шорый бы захопѣлъ пошрудиться, списашь надгробныя и перевести ихъ. Мраморы сіи хоша не Аронделевы, однако же были бы не безъ пользы для Исторіи Крыма, ешодь шѣсную связь имѣющей съ нашею, отъ XV вѣка до подданства полуострова Россіи. На всякій случай я совѣтовалъ бы поспѣшнѣе; ибо многіе столпы съ чалмами лежатъ уже на землѣ, обвитыя повилкою:

A Turban carved in mould'ring stone,
A pillar with rank weeds o'ergrown,
Whereon can now be scarcely read
The Koran verse, that mourns the dead.

Въ томъ же кладбищѣ, но на открытомъ мѣстѣ, за стѣною мечети, сооружены двѣ, подобныя другъ другу (1) ротонды, съ куполами. Въ нихъ безъ порядку разсыяны по полу деревянныя пусшыя гробы, означающіе мѣсна, гдѣ сокрыты прахъ Гиреевъ, *предпочтившихъ* (2) каменный сводъ небесному и ограду открытой нивѣ Божіей, гдѣ усоншій въ сладкихъ просонкахъ слышитъ надъ собою шумъ падающаго дождя. (**). Гробы эти нѣкогда были покрыты шканими; теперь одѣ голыя доски. На немногихъ шолько оспалися лоскутка (3) чернаго сукна; надъ

(1) Надлежало бы сказать: одна другой; ибо *ротонда* имя сущ. женскаго рода. В.

(2) Надобно бы сказать: *предпочетшихъ*. В.

(**) Und nicht lange, so geht in der Dämmerung eins nach der andern Müde zur Ruh, von dem Vater im kühlen Lager gesegnet, Hört süssträumend der Winde Geräusch und des tropfenden Regens. Voss, Luise, I v. 327.

(3) Многъ лоскуткъ, а не лоскутка. В.

иностранцами ерлыки на Рускомъ языкѣ, съ именами лежащихъ подъ ними; и эшимъ мы обязаны единственно старанію нынѣшняго Бахчисарайскаго Полиціймейстера, Г. *Ананьга*. Я щещно искалъ шупъ кошораго илбудь изъ владѣльцевъ-Хановъ; ошталися шолько немногіе имена Сулшановъ.

Прежде нежели ошавишь сію юдоль сна непробуднаго, я укажу шебъ опсюда на холмъ, въ лѣво ошъ верхней садовой террасы, на коемъ стоишь красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: эшо мавзоль прекрасной Грузинки, жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала шому, кому все здѣсь повиновалось, но не долго: увяль райскій цвѣпъ въ самое ушро жизни своей и безопрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ешедневно входилъ въ оный и ушѣшашься слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хопѣлъ поклонилъся гробу красавицы; но нѣпъ уже болѣе входа къ нему: дверь наглухо заложена.

Нощъ въ Бахчисаряѣ.

Весьма справедливо замѣчено, что лунный свѣпъ выгоднѣе солнечнаго для *Архитектурныхъ* видовъ. По цѣлымъ часамъ, въ мѣсячные вечера, случалось мнѣ просиживашъ въ Веронскомъ Театрѣ и въ Коллизеѣ Римскомъ, восхищаясь сими памятниками величія и вкуса древняго *Зодчества*; (4) но здѣсь пред-

(4) *Зодество*, а нѣсколько спрокъ выше — *Архитектура*. Если Руское слово хорошо выражаешъ идею; шо на что же употребляешъ иностранное? В.

спавилося мнѣ такое зрѣлище, котораго описать никакъ нельзя, а надобно видѣть самому, чѣшбы имѣть о немъ поняшіе. Дабы хотя немного объяснишь тебѣ эшу каршину, я долженъ прибѣгнуть къ сравненію Поэзіи классической съ романшическою. Въ Римѣ и Веронѣ — *Виргилій*: величіе, соразмѣрность, выпренность, вкусъ. Здѣсь *Аріосто* и *Шекспиръ*: необузданный полетъ воображенія; величественная Природа, но дикая; чудовища и подлѣ нихъ *Ангелика* и *Дездемона*. (5) Но гдѣ же, ты спросишь меня, всѣ эти предметы, съ которыми я сравниваю сѣи два разные роды Поэзіи? — Около меня, мой другъ: на вершинѣ горъ, со всѣхъ сторонъ *Бахчисарай* окружающихъ. Здѣсь я вижу башню, къ паденію склонившуюся, надъ пропастью висящую; далѣе обелискъ и подлѣ него раззоренный городъ; шущъ представляется взорамъ моимъ сѣина и я считаю зубцы на ней; тамъ пирамида огромная, можетъ быть, гробница какого-нибудь *Киммерійскаго* вожда, завоевателя страны сей. И все эшо произведение величайшаго Зодчаго — времени, коего орудіямъ, водѣ и воздуху, (6) нѣтъ во всей Природѣ вещества столь швердаго, которое бы не уступало! Любуясь сими предметами Природы, такъ сказать, Искусству подражающей, погруженный въ мечшаніе, я увидѣлъ

(5) Кажется, что противоположность была бы разительнѣе, еслибъ сказано: „Съ одной стороны — *Виргилій, Корнель, Расинъ*; съ другой — *Тассъ, Шекспиръ, Шиллеръ*.“ В.

(6) И огню? В.

быстро бѣгущее надъ собою облако и невольно вспо-
 мнилъ *Данте*: мнѣ казалось, что мчашся надо мною,
 вихремъ влекомые, неразлучные Франческа и Паоло.

Quali Columbi dal disio chiamati,

Con l'ale aperte e ferme al dolce nido

Volan per l'aer dal voler portati.

Нельзя здѣсь не вспомнить о *Дантѣ*! Это дно
 воронки, на которомъ спойшь Хань-Сарай; это
 cherchie, обручъ горь, съ чудовищными на нихъ при-
 зраками; шумный свѣтъ луны;

L'ora del tempo e la dolce stagione; —
 все представляешь воображенію картины безсмерт-
 наго Флорентинскаго изгнанника.

(Окончаніе впереди.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Глаголы неба.

Небеса повѣдаютъ славу Божію. (Пс. 19-й.)

Когда взойдетъ межъ звѣздъ луна

И молчаливо, въ храмъ Природы,

Низходишь ночи пиннина,

И въ ясно-зеркальнныя воды

Глядятъ прибрежныя лѣса, —

О чемъ глаголяшь небеса?

Онѣ Твою въцаютъ славу,

Премудрый Богъ, Твою любовь!

И вѣрны вѣчному успагу

Свѣтила выпренихъ круговъ.

День дню и ночь грядущей ночи
Свящую тайну предаюшь,
Что ошь въковъ незрими огн
Сю вселенную блюдушъ.

Глаголы неба прошекаюшь
Какъ духъ, какъ жизнь, во всё концы;

Но ихъ умомъ не постигаюшь

Слѣпые міра мудрецы.

Они для буйныхъ сокровенны

И тайны дивныя Опца

Однѣ, любовью возрожденны,

Постигли *дитскія сердца*

Кшо сей наперсникъ свѣшлый Бога,

Течешъ, какъ мощный исполинъ,

Въ безбрежность голубыхъ долинъ

И какъ изъ брачнаго чертога

Выходишь молодой супругъ?

О солнце! Древній неба житель!

Тебѣ предъидешь жизни духъ

И, слабый лишь изобразишь

Творца, и пы живишь, какъ Онъ!

Сколь благодашень швой законъ,

О Богъ, въ любви неизрѣченный!

Онъ выше всѣхъ земныхъ даровъ:

И камней радужныхъ безцѣнныхъ,

И багряницъ и жемчужовъ.

Какъ медъ ошь сома золошаго,

Какъ влага чистая небесъ,

Пошокъ таинственныхъ словесъ

Течешь ошь Господа Свяшаго
Онъ, пронзая вышину,
Тъсняшся въ грудь и въ ней свѣшлѣюшь,
И свяшосшь неба въ сердце вѣюшь,
И вводяшь душу въ шишину. —
Мои всѣ кости слышашъ радость,
Когда небесный сей елей
Течешь, какъ здравіе, какъ младосшь
Изъ элапорозовыхъ полей,
Гдѣ ухаенъ изшочникъ жизни
Ощецъ! Не дай мнѣ въ сей ноци
Забышь о радоспяхъ ошчизны,
Гдѣ свѣша вѣчнаго лучи,
Какъ мысли, изъ Тебя сіяюшь;
Гдѣ маниемъ Твоихъ очесъ
Ликуюшь небеса небесъ
И звѣзды свѣшлыя играюшь
И въ семъ изгнаніи земномъ
Ты будь мой вождь, моя ограда!
Когда не Ты сирощь ошрада,
То мнѣ искашь ошрады въ комъ?

О. Глинка.

Печашашъ позволяешся: Іюня 3-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXI.

П Р О З А.

*О нововышедшей книгѣ: Путешествіе по
Тавриду, соч. И. М. Муравьева-Апостола.*

(Окончаніе.)

Никитскій садъ.

Что шагъ впередъ, то дорога труднѣе, а виды живописнѣе. Когда я выѣхалъ изъ Гурзуфа, рано по утру, погода была пасмурная, иногда дождикъ накрапывалъ. Съдыя облака, какъ распянушая волна, препоясывали Яйлу. Мы иногда поднимались къ нимъ, находились въ области шучь и плащье обмокало на насъ, какъ опъ сильнаго дожда. Версшь десяль счишаешся до деревни Никишы; опъ нея до мыса шого же имени, дорога идешъ крупымъ спускомъ, версшы на двѣ и болѣе, сквозъ густой лѣсъ. Надобно имѣть перо Бернарденово, чшобы опшважись на описаніе величественной прелесни сего лѣса, коего вѣковыя деревья могушь дашь поняшье о мѣсшахъ, гдѣ цвѣла и завяла юность *Насла* и *Вир-*

emil. Шестое Октября — и ни одного желтого листочка!

Nunc ver adsiduus atque alienis mensibus aestas.

Здѣсь прозябеніе во всей силѣ своей и красотѣ. Деревья, въ при охвапа, шелковичныя, орѣховыя, гранатовыя, фиговыя и множество другихъ родовъ, произведенія роскошныхъ небосклоновъ. Дикой виноградъ вѣшся около нихъ и на вѣтвяхъ чужихъ кладетъ тяжелые грозды свои, которыхъ бы самъ не въ силахъ былъ сдержашъ. Я думалъ, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня въ дремучій лѣсъ, на берега Амазоны. Но дикость исчезла: передо мною Никитскій садъ, успроенный усшупами на мысъ. Уютный, просшенькой домикъ стоишь на верхнемъ изъ сихъ усшуповъ: онъ выспроенъ для управляющаго сими садами и въ немъ двѣ комнашы опредѣлены для посѣщителей сихъ мѣсть. Ушонченность въ угощеніи не довольствувешся здѣсь предложеніемъ путешественнику всего нужнаго къ ошдохновенію. Она желаетъ дасть и уму его пріятное занятіе: въ одной изъ комнашь стоишь шкафъ, наполненный книгами, разумѣется Бошаническими, между коими я видѣлъ прекрасное изданіе Палласовой *Flora Rossica*; и всѣ собранныя здѣсь сокровища служашъ къ удовольствію или къ удолешворенію любопытства гостей.

Прекрасныя, какъ въ Англійскомъ саду, дорожки, вѣдушь по усшупамъ ошь дома къ оранжереѣ и далѣ къ жилищу садовника. Онъ вьющся между рассад-

никами и школами деревъ, *которыя* (7) располагають или размножишь или вновь водворить въ Тавриде и въ иныхъ краяхъ Россіи. На сей конецъ ежегодно обнародованъ печатными листами (8) о всѣхъ родахъ расшій, здѣсь находящихся. Истинное благодѣяніе для умѣющихъ пользоваться онымъ; ибо всякой можешь прямо по Почтѣ отнестись въ *Садовое Никитское Правленіе* и получишь исправно, за самую умеренную цѣну, все, что изъ описи имѣшь пожелаешь. Я видѣлъ здѣсь миршъ, кипарисъ, какихъ лучше не видалъ въ Андалузїи и Тосканѣ; однимъ словомъ, здѣсь расшуть на открытомъ воздухѣ всѣ деревья и кусты, коими гордятся Южные края Европы. Одни только апельсиновые и лимонныя деревья стоятъ здѣсь въ кадкахъ, чему я удивляюсь; ибо никакого сомнѣнія въ томъ не имѣю, что и они бы росли въ землѣ, наблюдая только оспорожность, укрывашъ ихъ во время коронкой зимы, и то пока заматерѣютъ. На среднемъ садовомъ усшуть, между верхнимъ и шѣмъ, на космъ домъ садовниковъ, стоить оранжерея огромная и въ это время года пущая; пошому что въ Октябрѣ мѣсяцѣ весь мѣсяцъ можешь служишь вмѣсто оранжереи. Опъ жея мы вошли другими дорожками на гору

(7) Надлежало бы сказать: *которыя*. В.

(8) За чѣмъ бы не напечатать о такомъ общепольномъ предметѣ въ Петербургскихъ и Московскихъ Ведомостяхъ? Вошь это бы значило въ прямомъ смыслѣ *обнародовать*. Признаюсь, къ спмду моему, я не видалъ ни одного такого печатнаго листа. В.

и опть жару на силу добрались до вершины холма, на коемъ сооружень на шестии столпахъ круглый, ошкрышый храмъ. Тебѣ, можешъ бытъ, покажешся спранно, что сказавъ о пасмурной погодѣ, которою день начался, я жадаюсь шеперь на жарь; но оно было дѣйствительнѣе шакъ. Пока я еще лѣсомъ вѣхаль, погода разгулялась и къ полдню не оспалося ни облачка на небѣ; къ шому же вспомни, что я на Южномъ берегѣ Тавриды и подь 44° широты.

Я заговорилъ о храмѣ: это очень хорошаго вкуса Ромонда, посреди коей поставленъ на пьедесталѣ бронзовый, *больше Натуры, бюстъ Линнея*. (9) Упсальскій Философъ, кажешся, съ добродушною улыбкою смотришь на полуденный край, гдѣ солнце наиболее милуешъ прозябенія; предметы постоянныхъ занятій полезной, добродѣтельной жизни. Опдыхая шущь, я любовался великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнца за мысь Ай-Тодеро. Дневное свѣшло уже скрылось опть глазъ моихъ; но лучи его долго еще не погасали на верхахъ Яйлы. Сколь сильно дѣйствуешъ на душу соединеніе прелестей Природы и Искусства! Глядя на изваяніе, воображеніе мое одушевляло испуканъ и мнѣ мечталося видѣшь самаго *Линнея*, смотрящаго съ восхищеніемъ на мѣста, недавно еще единою дикою Природою украшенныя, а шеперь начинающія образоваться рукою просвѣщенія. Нельзя было избрать мѣста удобнѣйшаго

(9) Авторъ сбивчиво выразился. Еду хотѣлось сказать: *больше, нежели въ натуральной ростѣ, бюстъ Линнея.* В.

для храма, посвященнаго образователю Науки о Царствѣ прозябенія; и другой, подобный же сему холмъ ожидаетъ памятника *Палласу*, коего труды и ошатокъ жизни посвящены были на пользу здѣшней страны. Не шла ли самая рука воздвигнеть и сей памятникъ великому нашему Геологу, опъ которой Никишской садъ получилъ Линнеевъ бюстъ? Эшо даръ Графа Николая Петровича *Румянцова*; вездѣ, мой другъ, гдѣ только коснешся рѣчь о распространеніи полезныхъ знаній, объ улучшеніи или украшеніи жребія челоувѣчества, ты можешь бышь увѣренъ, что услышишь имя сего истиннаго, крошкаго благошворителя Наукъ и Художествъ.

Весь эшошъ день я въ восхищеніи провелъ въ Никишѣ. До поздной ночи сидѣлъ на крыльцѣ; не могъ рѣшишься оставишь окружающихъ меня очаровательныхъ каршинъ. Физиогномія лѣша во всей его силѣ и юности! Ничто здѣсь не напоминаетъ объ осени. Одни только сѣдые шуманы, вѣнчающіе главу неприступной Яйлы, указываютъ, что за нею Октябрь. А здѣсь какой шеплый, благорасшворенный воздухъ! Какое чистое, безоблачное небо! Луна взошла; засверкали лучи ея по зыблямъ морскимъ; освѣтились скалы, горы, роши и озарилса безпредѣльный эфиръ.

Ἐρασιῶθεν δάδ' ὑπερβῶντη ἀστειος αἰθέρη.

И не хоня здѣсь вспомнишь пѣвца Иліона! Какъ въ Нравшвенномъ, шакъ и въ ешшесшвенномъ мѣрѣ,

мысль о немъ невольно присоединяешь ко всему
шому, что велико и прекрасно.

Трогательное происшествіе.

Я былъ здѣсь свидѣтелемъ явленія во вкусѣ Ис-
панскихъ приключеній XV вѣка. Малаганецъ, прѣ-
хавшій шестнадцать лѣтъ тому назадъ съ мери-
носами въ Таврію, по нѣкоторымъ неудачнымъ опы-
тамъ, предпочелъ садоводство паспущеской жизни
и вступилъ въ службу къ здѣшнему хозяину въ
качествѣ садовника. Не знаю, какъ ли онъ иску-
сенъ въ ремеслѣ своемъ, какъ бывали Мавры въ
опечествѣ его; но весьма подозреваю, что по край-
ней мѣрѣ дѣдъ его былъ то, что называется въ
Испаніи Christiano nuevo, новый Христіанинъ, т. е.
недавно обращенный и что въ крови его осналося
еще много Аравскаго. Иначе бы нельзя было такъ
преобразоваться семейству его, въ которомъ, исклю-
чая большой дочери, родившейся въ Малагѣ, прочіе
всѣ дѣти до того *отатарились*, что и не говорятъ
другимъ языкомъ, кромѣ Ташарскаго. Старшій сынъ
подросъ, пришла пора жениться; но гдѣ взять
подругу? Ждешь ли, чтобы случай и невѣсту съ
мериносами привезъ на корабль изъ Малаги? Не
дождешься! А здѣсь впереди море; сзади горы; въ
селеніи одни Ташары, Ташарокъ и не видашь.
Положеніе довольно затруднительное; но любовь
все устроила къ лучшему, любовь, прошивъ кошорой
недоспашочны ни высокія стѣны Гаремовъ, ни по-
бывала, конии здѣшнія красавицы завершывающъ,

какъ муміямъ, себѣ лица. Корошко сказашь, Испанецъ нашъ увидѣлъ пригожую Ташарочку; какъ увидѣлъ ее, не знаю; но познакомился съ нею, полюбилъ ее, полюбился ей, увѣрилъ ее, что Магомешъ — не Пророкъ — и она охотно повѣривъ ему, выбѣжала изъ опцовскаго дому и кинулась въ объятія махери любезнаго. Ее — то я видѣлъ окруженную новымъ семействомъ своимъ, просящую покровительства и прощенія у Начальника Губерніи. Надобно было выслушашь обѣ стороны; узнашъ, не было ли принужденія, обмана. Для эшаго впущенъ былъ шарикъ, отецъ красавицы, съ нѣкопорыми при немъ изъ почешныхъ въ селеніи. О ужасъ! Онъ видѣлъ дочь свою, въ присушествіи мушинъ, съ лицомъ непокровеннымъ! Эшаго уже довольно, чтобы опгадашъ намѣреніе ея. Онъ подходитъ къ ней и говоришь съ жаромъ. Вся душа его была на лицѣ и въ глазахъ, изъ коихъ градомъ капились слезы. Не знавъ языка, я понималъ ясно, когда онъ говорилъ ей о Вѣрѣ; когда напоминалъ о нѣжности своей; когда укорялъ въ неблагодарности; когда умолялъ, не покидашъ отца и дома и Бога, копорый ему даровалъ ее. Все было щещно: неумолимая безмолвствую сполла съ поникшею головою, какъ будшо опасаясь, чтобы взоръ ея не встрѣтился съ родительскимъ и вмѣсто ошвѣта — *перекрестилась*. Горько зарыдалъ отецъ, увидѣвъ сей знакъ отрѣченія и кинулся въ руки шоварищамъ своимъ, копорые вывели его изъ комнашы.

Паденіе Каффы.

Магомешъ II, успѣшно окончившій походъ свой противъ Персовъ, помышлялъ тогда обратишь всѣ силы Опшоманскія на Ишалію, на Альбанію; а между тѣмъ готовился покорить себѣ острова Кандію и Родось. Разсудивъ однакожь, что бесполезно было предпріятіе шаковыхъ завоеваній, не имѣя морскаго ополченія, превосходнаго числомъ противъ тѣхъ, съ коими думалъ вести войну, онъ началъ съ того, что вооружить (10) 482 галеры, и флотъ сей споялъ уже готовымъ плыть къ Кандіи, когда Эминекъ, мщеніемъ пылающій, предсталъ предъ нимъ съ предложеніемъ завоеванія Тавриды. Сколь ни желалъ Магомешъ привести къ окончанію первое намѣреніе свое; но представляемая ему на Сѣверѣ новая, легчайшая добыча, не позволила колебаться въ выборѣ, тѣмъ паче, что и здравая Полипика внушала ему предпочтительнѣе избрать послѣднее. Овладевъ полуостровомъ Крымскимъ, заключивъ весь Понтъ въ предѣлахъ Имперіи своей, покоривъ Ташаръ, грабивъ богатыя Генуэзскія поселенія, особливо же неспробишь морскую силу ихъ, всегда ему опасную: эшаго уже достапочно было бы къ возбужденію алчности въ такомъ завоевателѣ, каковъ былъ Магомешъ. Но сверхъ сего самая безопасность Имперіи, особливо новой столицы его,

(10) Если это не опечатка, то Галлицизмъ.

представляла ему необходимость, прежде всего обезпечить себя со стороны Сѣвера; ибо онъ легко могъ догадываться, что естественные враги его, Россіяне, Поляки и Венгры, всегда найдутъ въ Генуэзцахъ сподвижниковъ, готовыхъ соединиться противъ него съ враждебными ему Хрістіанскими племенами. Въспомо похода на Кандію, Капуданъ-Паша *Ахметъ* поплылъ со вѣрнымъ ему Флотомъ къ берегамъ Тавриды.

Уже за два мѣсяца до того *Эмметъ* стоялъ подъ стѣнами Каффы съ войскомъ, состоящимъ изъ передавшихся на его сторону Ташаръ и старался, если не овладѣть, то по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе вредить городу. Безполезны были всѣ усилія его; Генуэзцы презирали ихъ и едва почиали войною слабыя его покушенія, какъ внезапно увидѣли они заливъ свой, покрытый Турецкимъ Флотомъ. 1-го Юня 1475-го года, Ахметъ приплылъ къ Каффѣ; выгрузилъ безъ всякаго сопротивленія Артиллерію свою и въ чепырехъ мѣсяцахъ успроилъ багарей. На пятыя сутки старыя стѣны были разбиты; Турки начинали уже спрѣлать по новымъ и дѣлать подкопы; тогда Каффскіе жители, поперявъ надежду защищаться противъ столь превосходной силы, рѣшились здаться и послали ключи города къ Пашѣ. Онъ долго колебался принять ихъ, предпочитая конечно войши въ Каффу съ оружіемъ въ рукахъ, дабы не имѣть нужды щадить ни людей, ни вещей; но Генуэзцы неосшупно умоляли его, принять ихъ

безусловную задачу — и Ахмешь наконецъ согласился. Сперва Чиновники были посланы въ городъ, чптобы заняты Консульскій дворець, ошобрашы у жишелей оружіе, описашы ихъ имѣнія и дѣшей, коихъ числомъ 1500 было послано въ Конштаншинополь, для образованія ихъ въ будущіе Янычары. На другой день самъ Паша вступилъ въ Каффу; наложилъ тяжкія подати на жишелей; половину имѣнія ихъ описалъ въ Казну; за шовары иноземцевъ взялъ выкупу 25,000 цекиновъ и собравъ безъ исключенія всѣхъ поселенцевъ, съ ошпанкомъ имущесшвъ ихъ, ошправилъ на судахъ въ Царь-градъ, гдѣ, въ предмѣстїи онаго Перъ, ошведенъ былъ имъ пущырь для ошстроенія себѣ жилищъ. (11).

Такимъ образомъ по двухсошлѣшнемъ существованїи, пала Каффа, и вмѣстѣ съ нею всѣ Генуэзскія владѣнія въ Крыму. Густой мракъ невѣжества покрылъ на шршеса лишь прекрасную Тавриду, весь Сѣверный берегъ Понша; и гордые владыки Европы, въ шеченіе шрехъ вѣковъ, покупали уничиженїями предъ варварами, позволеніе плавать по Черному морю. (12) Наконецъ, побѣдо-

(11) Всѣ подробности сїи о сдачѣ Каффы извлечены мною изъ Giustiniano, Annali da Genova.

Прим. Сог.

(12) Les actes (des Puissances Européennes avec la Porte) ne portent dans l'original, que le titre de *Diplome Impérial*, titre, que l'on a rendu en français par *Capitulation*; et ne sont autre chose, que *des lettres de privilège*, que la sublime Porte daigne accorder aux Souverains infidèles, qui l'en supplient et que dans son protocole elle qualifie de *sujets soumis*.

Paris, Considérations sur la crise actuelle de l'Empire Ottoman.

Прим. Сошнителя.

посное оружіе Россійское блеснуло на берегахъ онаго — и занялась новая заря просвѣщенія надъ всѣмъ Юговоспочнымъ краемъ Европы. Несмѣнныя выгоды, копорыхъ можешь ожидать родъ человѣчскій ошь сего завоеванія! Ошь него начинается славный Періодъ въ Испоріи, исчезаетъ шуманъ невѣжества и снова озарится свѣтомъ земля, Музамъ любезная. Тогда язва навѣкъ сокроется въ безводныхъ пущыняхъ Африки; тогда еще ужаснѣйшее язвы зло, рабство, въ оковахъ котораго тысячи Европейцевъ влачатъ спрадальческую жизнь въ Тунисъ, Алжиръ, Марокко и проч., убѣжишь въ вершеры Азіи; и тогда только, Европа, ты будешь имѣть право подышь чело свое, превозносясь надъ прочими частями свѣта. Пускай другіе народы гордятся успѣхами въ Наукахъ и Художествахъ! Ты, Россія, съ двѣнадцатаго года сего смольшія, вступила на великое поприще: тебѣ дано побѣждать и побѣжденнымъ даровать миръ и благоденствіе!

Объ учености нашего Автора; искусствѣ, сличаешь между собою древнихъ Писателей, подкрѣпляешь ихъ древними памятниками и извлекаешь изъ того настоящую степень *достоверности*, никто не сомнѣвается. Намъ хотѣлось показать любителямъ отечественнаго чтенія, что нашъ Крымскій путешественникъ пишетъ ясно, чисто, сильно и въ приличныхъ мѣстахъ умѣетъ быть краснорѣчивъ и живописенъ. Для этаго мы предложили имъ въ

выпискахъ пакіе опривки изъ его книги, которые требовали не грифеля для Машематическихъ повѣрокъ, а пера, въ радужныя краски омоченнаго — и, боясь, чтобъ не укорили насъ въ приспращіи, замѣнили въ сихъ опривкахъ самыя мѣлчныя погрѣшности.

Будучи увѣрены, что описанія Бахчисарайскаго дворца Хановъ, ночи въ Бахчисараѣ, Никитскаго сада, прогашельнаго происшествія и паденія Кафы, удовлетворительно разрѣшающъ задачу о достоинствѣ слога нашего Автора, мы смѣло ставимъ подъ нашу спашью слова: *это надлежало доказать.*

Всехъ

Царское Село,

24-го Маія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г о р д о с т ь .

(Подражаніе Царю Давиду.)

Что хвалишься умомъ, счастливый,
Какъ бришву изощря языкъ?
Почто свой помысль горделивый
На дерзосшь ополчаешь обикъ?

*

Почто главу подъявъ высоко,
Пятой всѣхъ попираешь гошовъ
И хипрое бросаешь око,
Смиренному копаешь ровъ?

*

Почто на ближняго презрънье, —
На брата усремляешь смѣхъ?
Ужель невинныхъ поношенье
Себѣ не ставишь ны за грѣхъ?

*

Иль въ духъ швой не ліеши радосшь,
Коль ближнимъ не шворишь вреда?
Иль въ сердцѣ ощущаешь сладосшь
Ошь ихъ улики и сшыда?

*

Иль мой позоръ, шебъ въ шрапезу
И въ алчну снѣдь спыдѣнье щекъ?
Иль въ пишіе уладшу слезу
Себъ неиспово обрекъ?

*

Вошще ширяешься киченѣмъ,
Безумный счастья временщикъ!
Падешь — и надъ швоимъ паденѣмъ
Раздаспса поруганья кликъ!

*

Падешь — и мѣспа не познаюшъ,
Гдѣ возраспалъ гордыни сынъ!
Надежды днесъ шебя лобзаюшъ;
Но въ сѣшь ихъ ляжешь, исполнишь!

*

Не тако вамъ, смиренья чада!
Вамъ гореспи — искусь земной;
Надежда ваша — вамъ опрада;
Веселье — совѣспи покой!

*

Какъ былію роса желанна,
Такъ вамъ преспьянье друзей;
Ихъ миръ — небесная вамъ манна;
Любовь ихъ, — какъ главъ елей!

*

Вась лѣпоша не гложешь браша :

Она вамъ въ благовонный цвѣшь !

Ни жишницы его, ни злаша

Языкъ вашъ въ злобѣ не клянешь !

*

Росля и ширяся, какъ кедры

И плодъ носящи до конца,

Вы сидите въ земныя пѣдры,

Хвалящи пѣснями Творца !

Анна Бунина.

С. П. бургъ, 1824.

Судитель.

(Прищача.)

„Ахши, землякъ! въ своемъ ли шы умъ?

Ты хочешь осушить Фоншанку?“ —

Сказаль Аншонъ Оомъ,

Прибавивъ не шуся побранку.

Оома качаль насосъ;

Но, выслушавъ споль смѣшанный вопросъ,

Оспановилсѧ

И шакъ съ Аншономъ расплашилсѧ:

„Аншонушка! шы хуже, чѣмъ осель!

Чшо въ голову пришло шебъ, уроду?

Не выкачашь хочу я воду,

А накачашь въ кошель.“

*

Досадно, какъ невѣжды

Начнушь дѣла цѣнить!

Умѣй хошь Кодексъ сочинишь,

А умнымъ слышь опъ нихъ — ни малой нѣтъ надежды!

— но —

Печашашь позволяешся: Юня 13-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXII.

П Р О З А.

Минная отравка.

Повѣсть Г. Клаурена.

Г. *Мербахъ*, бывшій некогда поставщикомъ съѣстныхъ припасовъ для Арміи, купилъ себѣ крестьянскій домикъ въ селеніи Визенфлисѣ, въ окрестностяхъ одного большаго города. Здѣсь-то хотѣлъ онъ провести остатокъ дней своихъ, въ спокойствіи и удовольствіи. Значительное его имѣніе доставляло къ сему всевозможные способы. Г. *Мербахъ* былъ вдовъ и бездѣтенъ; что ему однакожь не препятствовало, воспитывать у себя молодыхъ и пригожихъ дѣвицъ, коихъ называлъ онъ своими племянницами. Сдѣлавъ помянутую покупку, приказалъ онъ сломать крестьянскую хижину и на мѣстѣ оной построилъ большой домъ, который вкусомъ и богашою отделкою едва ли не превосходилъ все подобныя заведенія въ цѣломъ околоткѣ. Почти каждую недѣлю, множество пріятелей пріѣзжали къ нему изъ города, забавлялись

вмѣстѣ съ нимъ охотою, пили и шутили съ пригожими крещьянками. Все это, а болѣе всего последнее, не нравилось поселянамъ, особенно молодежи. Вся деревня не шерцѣла Г. Мербаха. Кшомужь никто не зналъ, какимъ образомъ нажилъ онъ свое богатство; хошя и говорили, что оно приобрѣшено имъ во время войны. Бѣдные жипсели Визенфлиса знали опытомъ, какъ въ войнѣ шеряюшъ имущество и осшаюшся съ сумою; но чшобы можно было опъ войны разбогатѣшъ, — это было свыше ихъ пониманія.

Кшо-шо распуешилъ слухъ, что Г. Мербахъ неправильнымъ образомъ нажилъ свои сокровища. Болшливые изъ поселянъ начали о шомъ судишъ и рядишъ и наконецъ соспавили цѣлую Историю, имянно, будшо бы Мербахъ опсправилъ на шомъ свѣшъ Офицера, споявшаго у него на кварширѣ; завладѣлъ деньгами, полученными имъ въ добычу и при-нужденъ былъ скрышся изъ прежняго своего жилища. Происшествіе сіе, истинное или выдуманное, было въ глазахъ ихъ доспашочнымъ объясненіемъ всего прочаго.

Мербахъ, говорили они, не ходилъ въ церковь опъ шого, что не смѣлъ предсташъ предъ олшаремъ Божіимъ. Онъ носилъ всегда шляпу, нахлобучивъ на глаза, опъ шого, что боялся прямо смопрѣшъ людямъ въ лицо. У него всегда шпры и веселье, — для шого, что онъ хочешъ заглушитъ угрызенія совѣшя. Словомъ, добрымъ поселянамъ казалосъ яенше дня,

что душа *Мербахова* обременена была шаякимъ пресуупленіемъ. Иные швердили: „Не даромъ говорится пословица: *подобный подобнаго ищетъ*. Каковъ хозяинъ, шаковы и госпи; когда прїѣдушь въ деревню, шо у нихъ пиръ горой! Да и смиренницамъ, его воспшанницамъ, не смопри въ глаза; мудрено ручашся и за ихъ поведеніе.“ Однимъ словомъ, крешьяне худо вѣрили чесшности *Мербаха* и всѣми спосоами спарались задирашь его и досаждашь ему. Спарики по ночамъ выгоняли спашо на его лугъ и нарочно раскопали новый ровъ, проведенный вокругъ его поля. Молодежь не довольствшова- лась шѣмъ, что шайно опустшшала садъ его, но съ злобною радосшью ломала сучья и самыя вер- хушки прекрасныхъ яблонъ и грушь. Однажды ночью вырвали даже изъ земли нѣсколько сошь молодыхъ деревьевъ, имъ посаженныхъ.

Мербахъ нашъ не могъ смопрѣшь на всѣ сіи про- казы равнодушно; но въ прїяшномъ кругу своихъ домашнихъ и въ общесшвѣ веселыхъ постшшителей онъ скоро забывалъ наглые поступки своихъ сосѣдей и, къ большой досадѣ сихъ послѣднихъ, отвѣчалъ имъ презрѣніемъ и даже не думалъ жаловашся на нихъ въ Приказной избѣ.

„Вошь что значишь имѣшь дурную совѣсшь“, говорили пронцашельные крешьяне: „когда бы со- вѣсшь у него была чисша; шо давно бы онъ уже подалъ на насъ челобшшную. Но ему Приказная изба спрашнше ада. Кшо знаешь, что можешь

вышши, если коснулся прежняго его поведенія? Тогда спросяишь его. откуда онъ собралъ богатство, которое нынѣ проживаетъ такимъ непохвальнымъ образомъ?“

Всякая молва, имѣеть, какъ говорятъ, нѣкоторое основаніе. Посмотришь, сколько сіе почти общее правило было справедливо въ наспоющемъ случаѣ, который впрочемъ не есть вымышленный.

Въ одинъ день крестьянинъ Маршинъ привезъ на городской рынокъ возъ дровъ, нарубленныхъ имъ въ прошлую ночь въ Паркѣ Г. *Мербаха*.

„Не изъ Визенфлиса ли ты?“ спросилъ его одинъ молодой челоуѣкъ и получивъ утвердительный отвѣтъ, отдалъ ему письмо къ Г. *Мербаху* и просилъ его доставить оно потчасъ по прїездѣ своемъ домой. „Письмо это“ прибавилъ онъ, „заключаетъ въ себѣ нѣчто важное.“ Маршинъ обѣщавъ исполнить сіе порученіе и положилъ письмо въ карманъ.

Возвращаясь домой, взялъ онъ съ собою сына одного школьнаго Учителья, мальчика лѣтъ 12-ми. Маршинъ повертывалъ письмо такъ и сякъ: ему не хотѣлось распечатать его; но онъ дорого бы заплащилъ, что бы узнать, что въ немъ написано. Молодой челоуѣкъ, вручившій ему это письмо, былъ изъ числа друзей Г. *Мербаха*; онъ часто видалъ его въ деревнѣ а потому и не мудрено было ему узнать Маршина. Онъ такъ убѣдительно просилъ его, какъ можно скорѣе доставить письмо: нельзя, чтобы оно не заклю-

чалю въ себѣ чего нибудь важнаго. Онъ разогнулъ лѣвннго конвертъ и увидѣлъ нѣсколько словъ; но не умѣлъ читать писаннаго. Къ счастью, на возу его сидѣлъ Гелій ученосши, сынъ школьнаго Мастера. Маршинъ далъ заглянуть мальчику въ отвѣстнѣ пакета и сей прочелъ слѣдующія слова: „Маіоръ“ — „ядъ“ — „шрупъ на повозку“ — „будеть весело.“ —

Маленькій Инквизиторъ не могъ болѣе разсмотрѣть. Но Маршину и не нужно бы знатъ болѣе; ибо ему казалось уже яснымъ, что кого-то хотѣли оправдѣть ядомъ, отвезши шѣло къ *Мербаху* и при семъ случаѣ повеселиться.

До сихъ поръ Маршинъ шелъ пѣшкомъ подѣвъ воза; шунъ вскочилъ онъ на шельгу и погналъ свою лошадь скорою рысью. Шлемо причинило ему ужасное безпокойство.

Онъ поспѣшилъ явиться съ нимъ къ Старостѣ; разсказалъ ему, что читалъ мальчикъ и съ шоржесвеннымъ видомъ положилъ передъ нимъ писмо. Староста, со всею поспѣшностью и безъ всякаго шума, собралъ кресьянъ, разсказалъ имъ случившеся и все собраніе единогласно положило, распечатать писмо, дабы наконецъ опкрытъ шайныя пресупленія Г. *Мербаха*.

Казалось, что деревенскіе умники на сей разъ не обманулись. Писмо содержало въ себѣ слѣдующее:

„Любезный другъ!“

„Сегодня ввечеру мы къ тебѣ не будемъ. Надоно, чтобы Маіоръ учинился сперва жертвою коварства. Воплощенный сашана, холодный *Вурмъ*, принадлежишь также къ числу заговорщиковъ. Въ половинѣ 8-го ядъ подѣйствуешь; въ девять часовъ мы положимъ шрупъ на повозку; а тебѣ доспанешся скрыть его. Надѣюсь, что намъ будетъ очень весело. Пригошовъ только Шампанскаго, чтобы старый *Миллеръ* не грустилъ объ убишомъ сынѣ. Мы привеземъ съ собою и *Кальба*; дай только ему отдохнуть отъ испуга, причиненнаго приспавленными къ груди писшолешами. Завтра поутру будемъ къ тебѣ, спрѣлять въ цѣль. Прощай!

Твой

вѣрный другъ.“

Нѣкоторыя слова показались слушателямъ непонятными; но всѣ они заключили, что это былъ особый языкъ, кошорой обыкновенно употребляютъ люди сего разбора. Между шѣмъ ясно обнаружилось, кто таковъ *Г. Мербахъ* и его пріатели; шущъ общество начало разсуждать о томъ, какія мѣры надлежало принять въ семъ случаѣ. Послѣ многихъ споровъ, Староста учинилъ слѣдующія распоряженія. Маршину, съ 12-ю дюжихъ крешьянъ, вооруженныхъ оглоблями, вилами и косами, ввечеру въ 9-ть часовъ, приказано засѣсть въ кустарникъ близъ дороги, по кошорой злодѣи должны проѣзжать изъ города въ Визенфлисъ. Всѣмъ имъ велѣно запасшися

веревками, чтобы связавъ шайку, прямо доставишь ее въ селеніе. Двадцать человекъ другихъ, подъ предводительствомъ сельскаго кузнеца, назначены для окруженія *Мербахова* дома. Они должны были схватить его самаго и также связавъ, доставишь въ домъ *Спаросшы*. Между тѣмъ часть сей дружины, въ видѣ наблюдательнаго отряда, должна была оставаться въ домѣ *Мербаха* и схватить племянницъ на случай, если Судъ найдетъ сіе нужнымъ для допроса и очной ставки съ шайкою. Самъ же *Спаросша* приказалъ осѣлать для себя рабочую лошадь, лучшую во всемъ селеніи и поскакалъ въ городъ, чтобы обо всемъ донести Суду и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Писмо взял онъ съ собою.

Онъ пустился проселочною дорогою, чтобы доѣхать скорѣе и не встрѣтиться съ везущими шрупъ разбойниками, которые должны были ѣхать по большой дорогѣ.

Но случилось, что неподалеку отъ города, подъ тѣнью акацій и у самой дороги, которую избралъ *Спаросша*, сидѣла Дама съ Кавалеромъ. Первая, со всею ловкостью городской щеголихи, играла своимъ блестящимъ опахаломъ, въ то время, когда нашъ всадникъ къ ней приблизился. Деревенскій его *Буцефалъ*, который конечно въ жизнь свою не видывалъ опахала, въ коемъ съ яркостью отражались солнечные лучи, отскочилъ въ сторону и началъ подниматься на дыбы; попомъ лягнулъ съ шагою

силою, что бѣдный Старосша ударился объ землю и ошлепѣлъ щага на при ошь акацій. Дама и Кавалерь убрались заблаговременно ошь пучи ругашельствъ и прокляпій, кошорая гогова была разразилсь на нихъ, со споронь выбишаго изъ сѣдла Старосшы. Между шѣмъ Буцефаль во весь опоръ пушилсь назадъ къ любезной родинѣ.

Паденіе Визенфлискаго Инквизитора было вершикальное и казалось ему шѣмъ чувешвишельнѣе, что не задолго предъ шѣмъ наполниль онъ себя желудокъ сышнымъ кушаньемъ. Онъ проклиналъ свою должность, сосѣда *Мербаха*, коварнаго *Вурма* и шрупъ Маіора; наконецъ, съ большимъ усиліемъ приподнялся изъ куста акацій. Клочки каламенковой его фуфайки, оставшись на шернахъ цвѣшущаго кушарника, означали слѣды сего паденія; а пуховой каршукъ, кошорому недоспавало шолько крыльевъ, чшобы уподобилсь Меркуриевой шляпѣ, пропалъ невозвратно. Съ разбитымъ шѣломъ, покрытымъ ранами и съ открышою головою, воображая Буцефала своего спокойно стоящимъ у мирныхъ яслей, — съ досадою пошелъ онъ въ городъ; подкрѣпилъ себя желудокъ въ первомъ шинкѣ *Курфиршескою* крепительною водкою (*) и во всей подробности донесъ пошомъ изумленному Судѣ объ умышляемомъ злодѣянїи.

Не смотря на жестокое свое паденіе, Старосша сберегъ однакожь писмо, какъ важнѣйшій докуменшъ въ

(*) Названіе одного ликѣра, весьма употребительнаго въ Германїи.

семь неслыханномъ уголовномъ дѣлѣ. Судья, съ неизвѣрною поспѣшностію, составилъ смѣшу судебныхъ издержкамъ, которыя при семъ благопріятномъ случаѣ должны бышь вознаграждены сполна; послалъ поспѣшася за уѣзнымъ Лѣкаремъ, для освидѣтельствованія Маіорова цѣла, а сверхъ того и за Хирургомъ. По прибытіи того и другаго, запасся онъ нужнымъ количествомъ перьевъ и взялъ полшоны бумаги и бушылку чернилъ, для составленія прокола. Послѣ сихъ предварительныхъ распоряженій, всѣ четверо вышли изъ города. Но мы оставимъ ихъ путешествовать и возвратимся къ нашему отряду, скрывающему въ засадѣ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Аріадна. (*)

Кантата.

Ужь берегъ Наксосо денницей озлашилсѣ,
Въ волнахъ зашрепешалъ его румяный скашъ;
Глухой невнятный гулъ въ ущельяхъ пробудилсѣ
Ошъ громкихъ пѣсень Ореадъ.
На влагъ голубой корабль вдали бѣлѣшъ;
Но чей съ ушеса взоръ, лешя за нимъ, хладѣшъ?
Кшо въ перси шрепешной рукой себя разишъ?
На сумрачномъ челѣ опчаянѣ блуждаешъ,
Погаснулъ свѣшъ очей, увянулъ цвѣшъ ланишъ;
Эвръ кудри черныя со свисшомъ развѣваешъ.
Чьи споль разишельны, споль жалобны слова? —
То дщеръ Миносова: она зовешъ Тезей!

Какъ въ бурю нѣжная лилея,
Ея въ шоскъ на грудь скашилася глава.

„Сокрылся счасшя лучъ опрадный —
Ужасный мракъ въ душѣ моей,
Посшой, безжалоспный Тезей!
Услышъ шпенанѣ Аріадны,
Взгляни хошъ разъ на берегъ сей!“

(*) „Не знаю,“ — пишешъ молодой Поэшь къ Издателямъ — „хорошо ли я сдѣлалъ, кончивъ свою Кантату пошопденіемъ Геронни; мо въ семь случѣ *Герстенбергъ*, какъ Вамъ извѣстно, былъ не жалоспавѣе меня и вошъ что *Гердеръ* сказаль о томъ: „Wo soll die Unglückliche hin, da die Oreade selbst sie auf ihrem Felsen nicht duldet? Keine Zuflucht ist ihr übrig, als in den Wellen. *Wintor allen Idillenscenen des Schreckens, der Liebe, des Jammers, dürfte eine Kantate zu enden.*“ (*Herders Schriften*, Band 23, St. 55.)

„Но ты не внемлешь мнѣ! Умолкну, другъ жестокой!
Вошце для брошенной сердечныя мольбы;
Вошце, призывъ любви, призывъ тоски глубокой!
Не раздѣлалась ты со мной моею судьбы; —
На одинокое осуждена спрдаване!
Знашь, умерло въ душѣ швоей воспоминаше
О радостяхъ любви, о счастья прошлыхъ дней!“

„Но ахъ! постой, постой Тезей!
Услышь моленье Ариадны!
На мигъ печаль души разей!
Еще единый взоръ очей,
Животворящій и оправданный!
Не зная неопытною душой,
Что въ свѣшѣ есть обманъ, я знала, что есть
радость;
Тебѣ я ввѣрила и счастье и младость —
И все оставила, чтобы лезть съ тобой:
Домъ Царскій, славу, край родной,
И нѣжнаго отца и мать чадолюбиву!
Твои слова, швой нѣжный взглядъ,
Любови въ сердце влили ядъ,
Сулили долю мнѣ счастливую. —
Ахъ! Я съ весельемъ за тобой
На край бы свѣша поленѣла;
Въ черпогахъ, въ хижинѣ простой
Рабой швоею быть хотѣла;
Ловила бь взоры, ласки я
И мысли угадашь свѣшила;

Въ палатцѣй полдень у ручья
Сама бѣ коней своихъ поила.
На брань я щипъ бы швой несла;
Стрѣлу убійственну средь боя,
Опъ груди милаго Героя,
Своей бы грудью опвела!“

Умолкла. Тихо все, — лишь волнь въ скалы
плесканье,

И эхо дикихъ горъ, и шипцъ морскихъ спешанье
Опвѣшомъ двѣ молодой!

И, между шѣмъ, корабль исчезъ въ дали съдой!

Вдругъ гласы Ореадъ въ ущельяхъ зазвучали

И слившись съ гуломъ скалъ, берега очаровали.

„Слѣши, кошылѣкъ

На пѣкный цѣшокъ!

Розы весенней

Дыханье лова.

Чино драгцѣннѣй

Розы весенней? —

То роза любви.

Осець насжтаненъ, —

Роза увянешъ,

Цѣшочикъ любви.

Пылкая младоснь!

Рѣзвую радоснь

Жадно лова!

Если жь, о младоснь!

Любови мечны,

И милую радость
Успрашила ты, —
Скорѣе, скорѣе
Нить жизни прерви!
Что сердца грустите
Безъ сладкой любви? —

Такъ пѣли Нимфы горь; печальные ихъ звуки
Младой спрадалицы всю душу потрясли:
Но черные волосы не рвали слабы руки
Но слезы изъ очей несчастной не текли.
Какъ мраморъ блѣдная, безмолвна, не рыдала
И взоромъ вышину утеса измѣряла.....
Рѣшилась — бросилась и ахъ!
Она уже въ волнахъ. —
И море на судьбу жестокою ропшало,
И эхо по брегамъ пропяжно простонало.

В. Тепляковъ.

К а м н и ъ.

Люблю въ негаснѣе у камня
Задумчиво, друзья, сидѣшь;
Люблю, когда въ душѣ кручина,
На бѣглый огонекъ смотришь
И съ Тибра береговъ кичливыхъ,
На крыльяхъ думъ нешерпѣливыхъ,
Летишь на родину порой,
Межъ шѣмъ, какъ искры умирая,
Въ дыму прозрачномъ исчезая,
Шлюшь въждамъ сонъ — душѣ покой.

*

Тогда, на время поселенецъ
Я между небомъ и землѣй,
Какъ въ люлькѣ тихій спишь младенецъ,
Вкушаю сладосный покой.
Легко по воздуху носимый,
Въ какой-то край необозримый,
Все въ даль лечу... Каминь попухъ...
Мишуша! — и каминь пылаешь,
Блеснишь и снова умираешь,
И снова взволновался духъ.

*

Уже надъ Римскими холмами
Не видно золотыхъ лучей,
Стояшь, какъ призраки, рядами
Осашки храмовъ, Колизей.

Небесъ недвижны законы:
Исчезли сильныхъ Легіоны
Въ туманѣ пылчей вѣковъ;
Цари, Герои воспавали
И до небесъ возвысаясь — пали!
Здѣсь ихъ развалины гробовъ!

*

Повсюду тишина нѣмая:
Тамъ Тибръ и рощестъ и бѣжитъ,
И слава Римлянъ, возсѣдая
На брегъ, пасмурно молчитъ.
Я слышу — опдаленны шѣни
Бѣгутъ шолпою въ мрачны сѣни
Ихъ тихій внемлю разговоръ:
„Все здѣсь проходишь, исчезаетъ;
За Царствомъ Царство погибаетъ.
Судьбы шо шайный приговоръ!“

*

Чшожь слава, что вѣнецъ въ семь мѣръ,
Коль съ ними гибнешъ человекъ?
Гдѣ польза въ томъ, что Бардъ на лиръ
Прославишь людямъ славный вѣкъ?
Съ начала міра жребій розданъ:
Въ немъ человекъ для смерти созданъ.
Ея незамедлимъ приходъ:
Царя достигнешъ на престолъ,
Раба освободишь въ неволь,
Вспревожишь рѣзвый хорободъ.

*

О, счастливъ пошъ, кому судьбою
Дана подруга въ жизни сей!
Кто съ ней бредеть рука съ рукою,
Тому вся жизнь — лишь ясныхъ дней!
Но жаль того, кто съ ней въ разлукъ,
Кто бредя у камина въ скукъ,
Ждетъ въспи препенной душой;
Кого ничто не развлекаетъ,
И все кому напоминаетъ
Чшо онъ не въ хижинъ родной!

Блаженъ... Но съ словомъ снмъ пылая
Каминъ мой уголь освѣшилъ:
Блеснула рамка золошя —
Родитель! — въ ней швой образъ былъ!..
Я съ нимъ Позна вспоминаю;
Вспаю, каминъ мой заливаю;
Встрепожень, мысля наконецъ.
„Небесъ неравны награжденья:
Тебъ — досуга наслажденья;
Ему — безмершья и вѣнецъ!

Кн. Дм. Долгорукий.

Римъ,
въ Ноябрь, 1823.

Печашать позволяется: Юня 23-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXIII.

П Р О З А.

Мнимая отравка.

(Окончаніе.)

Решивый конь старосшы, испуганный опахаломъ городской Дамы, пронесся съ каршюзомъ, запутавшимся въ поводахъ и безъ сѣдока, въ шемношѣ ночи; мудрено ли, чшо опрядь приняль его за злаго духа? Храбрые кресьяне гошovy были бѣжащъ. Одна полько не-успрашимость Маршинова могла остановить ихъ. Какъ достойный военачальникъ, сильною рѣчью возбудиль онъ спыдъ въ бѣгущихъ и засавиль ихъ снова занящъ свой посщъ. Въ шу же минушу показалась шайка злодѣевъ; но наши Герои, напуганные Буцефаломъ, потеряли уже бодрость. Маршинъ командоваль къ нападенію: четверо должны были схватищъ лошадей подь уздцы, двое напасщъ на извощика, а прочіе шесщеро управлящъ съ повозкою. Но никшо не шрогался съ мѣста; ни одинъ не смѣль дохнущъ; повозка шрофхала мимо и шогда-то Маршину удалось наконецъ вывести изъ засады

свою дивизию. Тушь откуда взялась храбрость; все кинулись за повозкою в погоню; все кричали, как бешеные. Лошади, запряженные в повозку, испугались; сидящие в ней воображали видеть перед собою шайку разбойников; один из съдоков выступил по ним из ружья. Все 12 человек своими ушами слышали, как пуля мимо их просвистала и видела, как она сбила шляпу с Маршина, который был тринадцатым и последним. Рязкий свист оной служил знаком к бегству: не дожидаясь команды, весь отряд и с предводителем своим, скорым маршем оперировался в кушарникъ.

Тушь слышали они вдали стук другой повозки. Староста, как обыкновенно думая все великие Полководцы, не открыл никому своего плана; итакъ они не знали, что он везет с собою Юспицию. Безъ сомненья, думали они, сия последняя повозка принадлежитъ къ первой — и Маршинъ употребилъ все свое красноречие, дабы убедить своихъ воиновъ, что споймъ только соединенными силами напасть на лошадей, кучера и повозку и тогда уже ничего опасаться со стороны съдоковъ. Слова сии поддѣлывали: дружина обѣщалась выполнить приказаніе своего Командира и — сдержала слово. Съ дикимъ крикомъ выскочили крестьяне изъ за кушова и пользуясь темнотою ночи, такъ оппошчивали почтеннаго своего старосту, Судью, уезднаго Лѣкаря и Хирурга, что они чувъ не испустили духа

на мѣстѣ. Но едва распознали они голоса городскихъ Чиновниковъ и Староспы, какъ поспѣшно скрылись, одинъ за другимъ, въ кустарникъ. Между шѣмъ извощикъ, кошорому шакже доспалось нѣскольکو ударовъ, почувствовавъ себя на свободѣ, погналъ лошадей своихъ къ селенію и припомъ съ шакою скоростію, что нельзя было узнать виновныхъ.

Староспа безъ сомнѣнія узналъ ихъ; но какъ Судья болѣе всѣхъ доспалось, шо и умолчалъ, что онъ поспавилъ сей опрядъ, а выдавалъ оный за часть шайки *Мербаховой*.

Маршинъ, сколько ни былъ напуганъ своею неудачею, однакожь не могъ не смѣяться сему происшествію; ибо по его мнѣнію, Судья и Староспа давно эшаго заслужили. За шо кресльяне искренно сожалѣли о Лѣкарѣ и Хирургѣ, кошорые, какъ на бѣду, шущъ же случились. Но какъ дѣло было уже сдѣлано; шо они взаимно поклялись, молчать о семъ приключеніи и малыми опрядами пробрались въ селеніе, желая посмошрѣшь, что сдѣлалъ кузнецъ съ Г-мъ *Мербахомъ* и его друзьями и съ оправленнымъ Маіоромъ. Кузнецъ лучше управился съ своимъ опрядомъ. Онъ схватилъ *Мербаха*, приказалъ связать его сообщниковъ и запереть въ особую комнашу племянницъ; но мершваго шѣла нигдѣ не могли найши.

Какъ скоро Судья отдохнулъ опъ перваго спраха и примочилъ раны свои водкою; шо шощасъ раз-

пворилась дверь Приказной избы и онъ приснулъ къ допросу. Все селеніе собралось и ожидало онаго съ неперпѣливымъ любопытствомъ.

Допросъ начался съ *Мербаха*.

Онъ хотѣлъ было жаловаться на причиненныя ему обиды; но Судья заставилъ его молчать, сказавъ, что онъ въ свою очередь будетъ выслушанъ, но прежде всего долженъ дать отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы. Главные пункты доноса касались способа, какимъ нажилъ онъ имѣніе; Исторіи мнимо убитаго Офицера; обращенія его съ живущими у него въ домѣ женщинами, связи съ шайкою разбойниковъ и очевидныхъ признаковъ угрызающей его совѣсти. *Мербахъ* отвѣчалъ коротко и спокойно:

„Имѣніе свое нажилъ я посредствомъ удачныхъ поспавокъ для Арміи; сказанный Офицеръ почно умеръ въ моемъ домѣ, но въ такой бѣдности, что я на свой счетъ принужденъ былъ похоронить его; четыре бѣдня, но благовоспитанныя дѣвицы, живущія въ моемъ домѣ, — суть дочери покойной сестры моей изъ Регенсбурга, которыхъ я взялъ къ себѣ по смерти ихъ матери; шайки, съ копорю будшо бы я въ связи, я вовсе незнаю; въ церковь здѣшней деревни не хожу пошому, что Проповѣдникъ мнѣ не нравился и что въ ближнемъ городѣ есть другой, умѣе и краснорѣчивѣе; а шляпу надвигаю на глаза, проходя по селенію, для того только, чшобы не видѣть дурныхъ людей, которые безъ всякой причины и съ намѣреніемъ дѣлають мнѣ

зло. Не любя ссоры, я до сихъ поръ не жаловался; но когда къ шому вызванъ, то требую законнаго удовлетворенія.“

Судья, кошорой былъ очень радъ, что завязывается новая шажба у *Мербиха* съ крещьянами Визенфлисскими, объявилъ, что о шомъ надлежитъ подать особую жалобу и приказаль удалиться *Мербиху*, чтобы допросить шайку.

Прїѣзжіе были предшавлены и освобождены отъ веревочныхъ оковъ.

Въ какое же пришелъ изумленіе Судья, когда въ сей шайкѣ нашель онъ Совѣтника Палаты *Ф...*, Ассессора *Л...*, Главнаго Смопришеля надъ строеніями *Г...* и чешырехъ *Акшеровъ*, которые всѣ были ему корошко знакомы и извѣсны по своей честности!

При неожиданной встрѣчѣ съ сельскимъ кузнецомъ и его *Легіонами*, всѣ они защищались, какъ львы; всѣ покрыли себя славою и ранами и хоши послѣднія причиняли имъ жестокую боль, однакожь они не пошеряли присущствія духа. Случай сей казался имъ шоль забавнымъ, что они смѣялись въ глаза шаринному своему знакомцу, *Г. Судьѣ*.

Но сей послѣдній не расположенъ былъ шушить. Онъ принявъ важный видъ, прочель въ слухъ роковое письмо и шребоваль объясненія:

„Кшо изъ арешаншовъ писалъ его? — Кшо шаковъ *Маіоръ*, бывшій жерливой коварсшва? — Кшо холодный *Вурль*? Кого отправили ядомъ? — Изъ

какой Апшеки брали ядъ? Гдѣ теперь находишься шрупъ, который назначено здѣсь упряшать? “

„Нѣшь ли между нами спараго *Миллера*, котораго хотѣли ушѣшить въ потерѣ убиваго сына его? — Кѣмъ, когда и гдѣ онъ убитъ? — И какое обстоятельство кроется въ разсужденіи *Кальба* и приставленныхъ къ груди его пистолешовъ? “

„Сіе письмо,“ прибавилъ онъ, „было причиною взятія вашего подѣ спражу. Послѣ эшаго надобно ошложитъ всякое покушеніе къ запирашельству; ибо эшошь докуменшь явно васъ изобличаетъ; а находящіяся при васъ ружья и упорное сопротивленіе, назначеннымъ ошъ Суда для взятія вашего лицамъ, служатъ новымъ доказательствомъ сего прешупленія.“

Послѣ сей важной и поржешественной рѣчи, всѣ обвиняемые подняли громкой смѣхъ. Совѣшникъ началъ говорить: „Г. Судья! Ружья взяли мы съ собою, какъ изъ писма видно, для того, что на другой день приглашены были общимъ пріятелемъ нашимъ, спрѣлать въ цѣль. Ошъ нападенія сельскаго Вулкана и его Циклоповъ, защищались мы, какъ ни въ чемъ невиновные люди, ни мало не ожидая подобной встрѣчи; еще менѣе воображали мы видѣть блюстителей Правосудія, но думали, что дѣло имѣемъ съ пьяными крешьянами. Впрочемъ случившеюся у меня теперь аффишкою могу доказать, что сегодня играли на Театрѣ *Коварство и любовь*. Эшошь Господинъ предшавляль *Маіора*; подлѣ него видншевы Секретаря *Вурма*; эшо музыканшь *Миллеръ*, а

сей— Г. фонъ Камбъ. Болѣе не нужно, кажется, къ объясненію Вамъ ужасной Исторіи объ оправленіи ядомъ и другихъ мнимыхъ пресупленіяхъ.“

Изумленный Судья не зналъ, что ошлѣчалъ. Наконецъ онъ объяснилъ крестьянамъ спранные ихъ недоразумѣніе и пошчасъ приказалъ освободить племянницъ *Мербахъ*, которыхъ заперли безъ всякой причины. Самъ *Мербахъ*, которому приключеніе сіе казалось чрезвычайно забавнымъ, вызвался заплашить Судью издержки, на напрасное упошребленіе коихъ онъ началъ было жаловаться, а сверхъ того пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Крестьянамъ приказалъ онъ выдать бочку пива и водки; примирился со всеми судебнымъ порядкомъ и понынѣ живеть съ ними въ дружбѣ и добромъ согласіи.

Съ Нѣмецк. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Краснорѣчіе.

(Ошривовъ изъ III-й пѣсни Поэмы: *Искусства и Науки.*)

(Согинитель, сказавъ о Ваяніи, Зодчества, Музыкѣ,
Жизниси, Гравированіи и Поэзій, продолжаетъ:)

И Краснорѣчіе, плѣнишель мощный чувшвъ,
Рука съ рукой споишь въ ряду другихъ Искусствъ,
Изящныхъ, какъ оно: съ перунами, съ цѣпями,
Съ кадиломъ иль мечемъ, съ державой иль вѣсами.
Но мало взоры, слухъ, сердца обворожить:
Оно желаешь умъ, расширивъ, убѣдишь.
Во имя ли Христа, во имя ли закона,
Во имя ли Царя, съ кафедры или прона,
Къ гражданамъ ли, Судьямъ иль войску говоришь,
И укоряешь ли, иль хвалишь иль грозишь,
Вишя сладостный, огня и силы полный,
Колышешь словомъ ушь народа бурны волны.
Велишь — и граждане Аѳинъ взываютъ: брань!
И ищешь копія пренещущая длань.
Велишь — и грозный громъ на Капилину грянуль,
Лучь бездну облеснуль, смященный Римъ воспря-
нуль
И страшный врагъ бѣжишь унижень, посрамлень,
И Римъ воинственный Вишію спасень!
Велишь — и мудрецы, вожди, Владыки міра,
Съ кошорыхъ смернью снятъ ихъ лавръ, вѣнецъ,
порфира,

Къ Гиббону, къ Моншескѣ, къ Карамзину идучи,
Внимаешь своимъ дѣламъ ихъ неумышленный судъ
И челоѵчества бышь славой или позоромъ.

Къ вамъ обращаюсь я съ грозой и съ укоромъ,
О сильныя земли, коихъ гордый взглядъ
Кичливо падаетъ съ высотъ на Феба чадъ!

Ужасныя враги изящнаго и славы!
Увишый лавромъ мечъ, сіяніе державы

Васъ ошь проклятія попомощва не спасешъ!

Подъ шлемомъ, подъ вѣщомъ, подъ мишрою найдешъ
И грянешъ мщеніе надъ вами Аполлона (*),

Божественной стрѣлой сразившаго Пнеона!

Раскройте Лѣпопись; основите взоръ

На кровавыхъ листахъ; прочтите свой позоръ!

Кто просвѣщенія былъ въ древности гонитель?

Глушець Калгула, Домиціанъ губитель,

Неисповѣдъ Омаръ, чудовище Неронъ!

На просвѣщеніи (**), пославленъ крѣпко прокъ,

Свобода, правда, честь, законы, Вѣра, правы.

Любили Науку всегда любимцы славы;

Плушархъ и Ливій ихъ дѣла опишутъ намъ —

И будутъ въ образецъ народамъ и Царямъ,

(*) Само собою разумѣется, что здесь имя Аполлона употреблено Аллегорически, вѣсто — Поэзіи, Красноречія, Истории и всѣхъ Наукъ и Изящныхъ Искусствъ. *Примѣч. Сочинителя.*

(**) Т. е. истинное просвѣщеніе, а не то, домы Герона была наводяема въ продолженіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Въспомни съ *Боссуетами, Фенелонами, Моншескѣ, Лабрюйерами*, входивши къ намъ вредныя сочиненія Философовъ-самозванцевъ, коихъ сами Французы не снѣвали рядомъ съ мудрецами, просвѣщеніями рода челоѵческаго. Они именуютъ Философами только *Декарта, Гассенди, Маллебранша, Паскаля*. — *Примѣч. Сочинителя.*

Свѣшилами вѣковъ — Перикль, Кольберъ, Хриспина,
Левъ, Августъ, Людовикъ, нашъ Петръ, Екашерина
И Ты, о Александръ, о лучшей изъ Царей!
Великъ, освободя Европу изъ цѣпей,
Великъ Ты, новаго Ашилы побѣдитель;
Но меньшеть — Рускаго Тиршея покровитель
И Тиша-Ливія призвавъ и одаря
Съ великолѣпьемъ Россійскаго Царя?

Восейковъ.

Дерпшъ,

1818.

Берега Волхова.

Посвящено Алексѣю Романовичу Толмозу. ()*

День упадалъ во глубь лѣсовъ;
Въ долину вечеръ воцарялся
И межъ высокихъ береговъ
Спокойно Волховъ разливался.
Надъ нимъ, нависнувши спѣной,
Твердыни праздныа (**) дремали,
Вблизи синѣль курганъ крушой
И шѣни на водахъ лежали.

(*) Сіе Стихотвореніе было уже напечатано въ одномъ Журналѣ, но съ невѣрнаго списка и съ пропусками.

(**) Рюрикова крѣпость.

Воспомянѣя прошлыхъ дней
На сихъ мѣстахъ въ моеи душѣ пѣснились:

Такъ, здѣсь толпы богатырей

Съ пришельцами за кровь родимыхъ бились.

Правдивымъ мщеніемъ кипѣла Рускихъ грудь,

Свободу жизни ограждая

И часно Волхова багровѣль свѣшлый пушъ,

Враждебныхъ прупы увлекая.

Бышь можешъ, богатырь на камнѣ семь осприлъ

Свой мечъ, пришупленный щитами;

Иль обезсиленный, склоняся надъ нимъ, просилъ

Онъ у Небесъ побѣды надъ врагами.

Теперь все смолкло здѣсь! Лишь въ бурю врагъ

кричишь,

Гнѣздяся въ башнѣ позабышой;

На ржавыхъ веряхъ дверь дряхлая скрыпишь

И свищешъ въспрь въ спѣиъ разбишой.

Иль время иногда рушишьельной рукой

Съ вершины камни обрываешъ

И Волховъ съ шумомъ поглощаешъ

Попомковъ древности свяшой. —

Такъ сшарець, ослабѣвъ ошъ бѣдъ,

Теряешъ вѣшхія сѣдны

И алчной вѣчноспи пучины

Уносяшъ ихъ минушный слѣдъ!...

О Волховъ! береговъ швоихъ

Не оглашаешъ днесъ ни голось грозной бишвы,

Ни шяжкій спонъ послѣднія молишвы,

Ни вопли дѣвъ съ полей родныхъ.

Къ тебѣ Певецъ идешь съ довольною душой:
Оль любимъ съ башни зрѣшь, задумчивости полный,
Какъ ты волнуешься сребристою спруей,
Колеля рыбарей разбросанные чѣлны;
И передъ нимъ цвѣтущее село
Склоняется надъ тихими водами,
Любуясь въ ихъ свѣтлое стекло
Здѣсь берегъ обнялся зелеными лугами;
Тамъ онъ снѣжной песчаной обвисъ
И ели древнія надъ нимъ шапромъ сплелся!

Мнѣ не забудь стѣхъ шумныхъ впечатлѣній,
Пишавшихъ мысль мою при Волховскихъ спруяхъ:
Каршинные брега, я помню васъ въ мечтахъ,
Какъ подышь призраки веселыхъ сновидѣній!..

В. Григорьевъ.

Къ спокойствію.

Элегія.

Mais ma prière est faible et n'est pas entendue.

Millevoye.

Обишель пихая опшельниковъ эмпренныхъ,
Привѣтствую тебя! Я слабою споной
Брожу, задумавшись, въ твоихъ стѣнахъ священныхъ,
Оспаткахъ древности съдой.

Спихія грозная кипящими волнами
Кругомъ оградъ твоихъ высокихъ облегла
И разлучила міръ, блестящій суешами

И добрыхъ иноковъ дѣла.

Здѣсь не услышимъ мы веселыхъ восклицаній,
Ни арфы, дышущей подъ хипрою рукой;
Ни смѣха посреди роскошныхъ пированій

Толпы, и рѣзвой и живой.

Но здѣсь спокойствіе душевно обитаешь,
И тихнешь пагубныхъ волненіе спрасшей,
И время медленный полетъ свой проспираешь,

И разумъ дѣйствуешь быспрѣй.

И въ ожиданіи безмолвствуешь обитаешь;
И въ ушренныхъ лучахъ ея блиспаешь Крестъ
И эхо пробудя, небесъ благовѣспишель

Смуцаешь пишину окрестъ!

И храмъ исполнился усерднаго моленья,
И Гнины Божешву подъ сводами гремятъ;
И сердце плаваешь въ воспоргахъ умленья.

И слезы на очахъ блестятъ.....

Привѣствую тебя, о сердца гощь неожиданный,
Спокойствіе души, безмолвіе спрасшей!

Гощь, легкомысленно мной нѣкогда изгнанный

При плескахъ вѣпреныхъ друзей!

Челомъ раскаяннымъ склоняюсь предъ шобою

И равнодушія, какъ благоспи, молю:

Съ душою огненной скучаль я шишиною —

И чашу золь испиль! Люблю; —

Но шернія въ любви рука моя срывала,

И вянулъ жизни цвѣтъ среди печальныхъ думъ

И сердце для надеждъ, для счастья умирало,

И пресмыкался смѣлый умъ

Спокойствіе души! О примиришь со мною,

И счастье прежнее мнѣ возвраши собой;

Опдай мечпы мои, разбросанны Судьбою

И огнь Поэзіи свяшой!

Распоргни шяжкія оковы заблуждений,

Усталое ошь бѣдь мнѣ сердце обнови

И сномъ убійственнымъ почиющей мой Геній,

На пушь изящнаго зови!

Увы, отвергнуто призывное моленье .

Не внемля поздняго раскаянья слезамъ,

Ты скрылося оняшь, какъ легкое видѣнье

Въ ночи представилось глазамъ!

Добыча вѣчная мученій неизбѣжныхъ,

Я снова оспаюсь игралищемъ Судьбы,

И сердца своего и помысловъ мяшежныхъ,

И чувствій шягоспной борьбы.

Вошце бы къ вамъ пришелъ, гостепрѣимны спѣны,
Убъжища себѣ спокойнаго искашь:

Нѣтъ, сердце спрасшное и разумъ возмущенный

Не могушь Неба созерцашь!

Когда Анахорешъ въ безмолвіи Природы,

Подъ кровомъ сумрака вкушалъ бы мирный сонъ;

Тогда бы именовемъ любезнымъ мрачны своды

Наполнилъ мой унылый спонъ!

Карніолія-Пинскій.

С т и х и

на случай Высочайшаго посѣщенія ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ

Инспиниша Корпуса Инженеровъ Пушей Сообщенія.

О день, исполненный опрадь!

О Александръ Благословенный!

Тебя ль срѣшаешь верхоградъ,

Твоей десницей насажденный?

Какъ солнце съ горней вышины,

Равно ко всемъ Ты взоръ склоняешь,

Равно для всѣхъ досупенъ Ты,

Благошворишь и оживляешь.

Ты здѣсь открылъ Наукамъ пушь

И юные сыны Россіи

Спеклись съ воспоргомъ почерпнушь

Искусство, побѣждашь стихіи.

О Внуку Великаго Петра!
Ты совершил завѣщанья Дѣда
И покровишело добра
Сплела вѣнокъ спихій побѣда.

Черезъ дебри нивы проложилъ,
Черезъ ешпи — рѣки быспропечны
И памятникъ соорудилъ
Близъ водъ Онеги вѣковѣчный.

Твой громъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Смиришель гордаго Эрева
И возвратишь споричный плодъ
Тобой посѣянное древо!

Павелъ Терлева.

31-го Маія, 1824.

а.) Въ 31-й день мнукваго Маія, въ 12-ть часовъ утра, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО удостоишь изволилъ Высочайшимъ посѣщеніемъ своимъ Инспиритуть Корпуса Инженеровъ Пушей Сообщенія и осматривалъ, вѣстѣ съ онимъ, помещенное въ томъ же домъ Дежурство сего Корпуса, съ разными мастерскими заведеніями Главнаго Управленія и наконецъ Военностроительное Училище Пушей Сообщенія. *Сог.*

б.) Здѣсь разумѣется Онежскій каналъ, котораго устройство начато и кончено въ благоденственное Царствование ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. — Сей каналъ служишь къ безопасному слѣдованію судовъ изъ Волги, чрезъ Мариинскій каналъ, въ Санктпешербургъ. *Сог.*

Печашать позволяешся: Юля 1-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бпруковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXIV.

П Р О З А.

Ньѣто объ Испаніи,

въ отношеніи къ языку, Литтературѣ, Искусствамъ и общежитію.

Испанія, съ богатыми и разнообразными прелестями Южной Природы, съ драгоценными памятниками Древности, съ неизгладимыми оспашками прародительскихъ нравовъ и обычаевъ, съ Историческими воспоминаніями разныхъ эпохъ, часпію славными, часпію горестными, но всегда любопытными, — Испанія представляетъ взору наблюдателя картину единственную, великолѣпную. Справа сія естъ нѣкошорый цвѣшущій верхоградъ, невольно переселяющій воображеніе въ древніе сады Гесперидскіе. Мы хошѣли бы руководствовашь Чиншателя при обзорѣніи сего очаровательнаго края и всѣхъ его сокровищъ; хошѣли бы сопутешествовать ему въ благоухающіе лѣса Андалузій, въ цвѣшущія долины и живописныя горы Касшилій; хошѣли бы подслушашь любимыя пѣсни народа, отъ Природы Пиншическаго; хошѣли бы проникнуть въ богатый рудникъ

Испанской Липшерашуры, не довольно еще известной въ другихъ странахъ Европы. Но шѣсныя предѣлы, въ коихъ мы должны заключить себя, не позволяющъ намъ входить въ сіе подробное обозрѣніе: мы удовольствуемся только нѣкоторыми, главными чертами и обратимъ вниманіе Чипашеля на знаменитыхъ путешественниковъ и Липшерашуровъ, коихъ сочиненіями пользовались мы при составленіи сей статьи. Имена *Бургуана, Лаборда, Тоунзенда, Фишера, Рефюса* и *Бутервека* известны въ ученомъ свѣтѣ и довольно уже ручаются за достоверность и занимательность известій, кои заимствованы изъ столь превосходныхъ источниковъ.

Испанія, еще во времена Римлянъ, пользовалась славою земли, благословенной Природою. Любителямъ древней Словесности безъ сомнѣнія известны стихъ *Клавдіана*, коимъ изображаетъ онъ сію страну:

Dives equis, frugum facilis, pretiosa metallis.

ш. е.

Конями обильна, землей плодоносна и златомъ богата.

Пиринейскій полуостровъ, огражденный съ одной стороны неприступными, исполинскими горами, а съ прочихъ омываемый прохладными водами Океана, образуетъ какъ бы нѣкоторый отдѣльный край Европы, не менѣе отличный отъ сосѣдей своихъ нравами и обычаями обитателей. Между первыми поколѣніями народа, поселившагося посреди столь роскошной Природы, прохлаждаемаго шѣнію благо-

ухающих померанцовъ и золотыми ихъ плодами, воспламеняемого сокомъ живицельнаго винограда, образовался уже и характеръ оного: важный, постоянный и гордый, истинно-національный и истинно-Питиическій. Усердіе къ Вървѣ и любовь къ изящному, Патриотизмъ и народная гордость были, и тогда уже, отличительными его чертами. Къ сему присоединились въ послѣдствіи — странное смѣшеніе Испанцовъ съ Маврами, взаимное вліяніе національнаго духа и доспославныя войны, продолжавшіяся болѣе 7-ми столѣтій и наконецъ увѣнчанныя блистательнымъ шоржеспвомъ Креспанады Магомешанскою луною. Какъ сближеніе, такъ и самыя раздоры сихъ двухъ націй, оставили неизгладимое впечатлѣніе въ характеръ Испанцовъ. Мавры сообщили имъ свой воинственный духъ и любовь къ Рыцарскимъ упражненіямъ, свое уваженіе къ благородству крови и сей живой колоритъ Восточной Поэзіи, коимъ донынѣ пльняемся мы въ Стихотворцахъ Южной Европы. Съ другой стороны, продолжительныя войны противъ иновѣрцовъ, — войны, коихъ побужденія казались столь праведны, а послѣдствія должныствовали быть столь рѣшительны, — возбудили въ душѣ Испанцовъ пошъ благочестивый Энгузіазмъ, коимъ нація сія отличаетса еще и донынѣ. — Можно сказать, что жинель Пиринейскаго полуострова заимспвовала опъ Римлянъ гордость, опъ Мавровъ — живость и быспрошу, опъ Западныхъ Гошеовъ — важность

и глубокомысліе. Столь же далекій опъ въпрености и наружнаго блеска Француза, какъ и опъ пронцашельной хитрости Ишаліянца, является намъ Испанецъ, какъ испинный Спихопворецъ между націями, съ нѣкоторою дѣпскою просшою и съ душевною, Пипшическою гордосшію. Онъ храбръ на полъ брани, но ожешпоченіе его нерѣдко переходить къ суровости; гнѣвъ его ужасенъ и мщеніе неукрошимо. Ошкрышіе и завоеваніе Америки, гдѣ всѣ спрасши, попеременно и совокупно, возжигали губишельные свои пламеники, предшавляющъ шому живья, неоспоримья доказательшва. — Въ одной шолько Испаніи духъ Рыцаршва могъ преуспѣшь и образовашься до шоль высокой шпени; всѣ права, всѣ обязанности онаго наблюдались въ сей спранѣ съ безусловною покорностшію. Благородный Испанецъ, любящій свободу и гордый въ душѣ своей, всегда съ шрогашельнымъ, можно сказать съ дѣпскимъ повиновеніемъ, преклонялъ главу свою предъ Королемъ, предъ служишелями Церкви и предъ прекраснымъ поломъ (*). — Онъ спрасшенъ въ любви, но не способенъ къ скорымъ и шоль же бышпро преходящимъ впечатлѣніямъ; ревнивъ до безумія и ужасенъ въ своемъ мщеніи за нарушеніе вѣрности. — Жаркій климашъ; щедрая Природа, ошкрывающая

(*) Не нужно, кажется, напоминать, что сіе касается до Испанцовъ среднихъ вѣковъ. Въ новѣйшія времена видѣли мы, къ сожалѣнію, примѣры противнаго. — Прочія характеристическія черты сего народа ошались неизмѣнными и доньшъ.

легкіе способы къ жизненнымъ наслажденіямъ; нѣкошорая безпечность, неразлучная спущница всѣхъ націй, одаренныхъ живымъ, пылкимъ воображеніемъ, а можешъ бышь и другія, виѣшнія причины дѣлають Испанца не споль дѣяшельнымъ, не споль промышленнымъ, какъ бы надлежало шого ожидать при споль обильныхъ пособіяхъ. Ошъ сего-шо происходишь, что въ сей благословенной землѣ, шысячи семействъ шомаясь въ бѣдности; что Государственное богатство, не взирая на споль разнообразныя и неизсякаемыя источники, весьма посредственно и что земля не имѣеть и половины шого населенія, кошорое могла бы она вмѣщать. — Въ дополненіе характеристикшики Испанца скажемъ, что онъ никогда не подражаешъ обычаямъ чужихъ народовъ и рѣдко показываешъ желаніе, всшупишь съ ними въ ближайшія связи. Качество сіе, во многихъ отношеніяхъ, можешъ назваться похвальнымъ; но оное конечно содѣйствовало къ шому, что Испанская нація далеко еще ошспала отъ другихъ, на счешъ ушонченносшей общешія.

Ошъ правовъ перейдемъ мы къ языку, кошорый ешъ непосредственный оппечатокъ національнаго характера. Оппечатокъ сей наиболѣ замѣненъ въ шакоемъ народѣ, коего опличительныя чершы еще не изгладилсь чрезъ смѣшеніе съ чужеземцами. Первоначальный языкъ Испаніи былъ языкъ древнихъ Кантабровъ, коего слѣды оспались еще въ нарѣчій обиташелей Пиринейскихъ горъ, извѣшномъ подѣ

именемъ Баскскаго. За симъ языкомъ, вѣроятно обогащеннымъ Феникійскими и Картагенскими словами и оборотами, послѣдовалъ, во время Римскаго владычества, языкъ Латинскій. Любители древней Словесности вѣспомнятъ при семъ случаѣ, что Испанія дала Риму *Квинтиліана*, одного изъ знаменитѣйшихъ наславниковъ Краснорѣчія. Во время Визиготовъ образовался и въ Испаніи языкъ Романическій (*Romanzo*), который однакожь, до самаго нападенія Мавровъ, не могъ вытѣснить Латинскаго. Когда Арабы покорили большую часть Испаніи и великодушно послушали съ оставшимися жителями; то и языкъ ихъ вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе. Сей послѣдній былъ тогда весьма образованъ, а Поэзія Арабская находилась въ самомъ цвѣтущемъ сословіи. Но Испанцы были только побѣждены, но не поработены новыми своими властителями. Нѣкоторые изъ нихъ удалились къ берегамъ Атлантическаго моря, въ горы нынѣшней Ассурии, Галиціи и Бискайн; другіе взяли свое направленіе къ Северовостоку и поселились у подошвы горъ Пиринейскихъ, въ Аррагоніи и Наваррѣ. Въ сіе-то время сославилось множество небольшихъ Королевствъ и Княжествъ, кои нерѣдко были между собою въ раздорѣ, но всегда соединялись, когда надлежало подвизаться противъ общихъ непріятелей, Мавровъ. Въ сіе-то время образовалось мощное Королевство Леонское, заключавшее въ себѣ всю нынѣшнюю Португаллію; съ другой стороны возстала

Аррагонія, бывшая какъ бы средопочіемъ благородныхъ усилій Испанцевъ прошивъ Мавришанскаго владычества. Вмѣстѣ съ нею возникла Кастилія, кошера въ послѣдствіи помрачила блескомъ своимъ самую Аррагонію и наконецъ, уже по изгнаніи Мавровъ, соединилась съ оною. — Такое раздѣленіе на многія обласни имѣло необходимое вліяніе на языкъ Испанскій: во время продолжительной брани съ Маврами образовалось столько же нарѣчій, сколько возникало новыхъ Королевствъ. Но измѣненія сіи поспешенно изглаждались, когда два или нѣсколько владѣній соединялись въ одно. — Такъ называемый *Романигескій языкъ* получилъ первое свое образованіе въ прибрежныхъ обласняхъ и — что довольно замѣчательно — въ одно и то же время и въ томъ же самомъ духѣ, образовался въ Мурціи, Валенціи и Каталоніи, какъ и на берегахъ Португалліи до самой Галиціи. Тамъ принялъ онъ характеръ сосѣдняго Провансальскаго или Лимозенскаго, а здѣсь Кастильскаго нарѣчія. Но главныя черты того и другаго были шѣ же самыя, ш е. нѣкошорая мягкость и нѣжность, ошличающія языки всѣхъ прибрежныхъ обшпателей. Нарѣчіе *Галиційское*, въ самой провинціи сего имени, донинѣ сохранилось между народомъ; но перейдя въ Португаллію, образовало особенный языкъ, кошорой въ послѣдствіи состязался съ Кастильскимъ. — *Каталонское* нарѣчіе, распространившееся и въ Аррагонію, процвѣтало во время Трубадуровъ и вообще до шѣхъ цоръ, пока Про-

вансальская Поэзія существовала еще въ Испаніи. Но по соединеніи двухъ главныхъ Королевствъ, чрезъ бракъ *Фердинанда* и *Изабеллы*, помянутое нарѣчіе принуждено было уступити Каспильскому. Сіе послѣднее вскорѣ здѣлалось господствующимъ и, можешь быть, не безъ причины заслуживало сіе первенство. Положеніе Королевства Каспильскаго, въ самомъ средоточіи Пиринейскаго полуострова, немало къ сему способствовало. Ошдалена будучи отъ береговъ и непричастна вліянію сосѣдей, Каспилья сохранила наибольшую оригинальность, какъ въ характерѣ обитателей, такъ и въ языкѣ и Поэзіи. Сей-шо языкъ и сія Поэзія, кои мы смѣло можемъ назвать драгоцннѣйшими украшеніями благословенной своей отчизны, вскорѣ распространились и въ сосѣдную обласъ Капалонію, кошорая въ шо же время и навсегда присоединилась къ Каспильи. Португаллія напрошивъ, сосзавлявшая уже съ 12-го вѣка особливое Королевство, не только сохранила свое нарѣчіе и Поэзію; но и находилась, въ отношеніи къ онымъ, во всегдашнемъ сосызаніи и соперничествѣ съ Каспильею. Легко можешь спашься, что сіе соперничество немало содѣйствовало къ успѣхамъ изящной Словесности, какъ въ шой, такъ и въ другой землѣ.

Нарѣчіе Каспильское вскорѣ здѣлалось господствующимъ въ Испаніи и сохранило сіе первенство даже донынѣ. Слѣдовашельно, крашка характеристика онаго будетъ вмѣстѣ характеристикскою языка

Испанскаго. Важность, глубина, полноша въ идеяхъ, богатство словъ и неизчерпаемое обиліе оборотовъ — вошь опличительныя его свойства! На счетъ плавности и благозвучія имѣешь оный споль же важныя преимуществва: изобиліе гласныхъ буквъ и чистый и полный ихъ выговоръ придаетъ нѣчто Пипическое и самой простой рѣчи. Посему-то, на счетъ стихосложенія и богатства и звучности речемъ, языкъ сей едва ли не превосходитъ всѣ новѣйшіе. Древній и постоянно сохранившійся обычай, сопровождать всѣ пѣсни гитарою, много шакже содѣйствовавалъ къ плавности Испанскихъ стиховъ. — Простота есть всегдашняя сущности важности; а посему и не мудрено, что Грамматическія правила и формы сего языка, склоненія и прочія измѣненія онаго вообще просты и немногосложны. Сія важность не препящивуешь однакожь Испанцамъ, находишь удовольствіе въ *игрѣ словъ*, къ которой языкъ ихъ не менѣ способенъ, какъ и Французской, съ шѣмъ только различіемъ, что оная скорѣе можешь назваться *игрою воображенія* и ознаменовала болѣею смѣлостію и благородствомъ. — Другія націи, какъ-то Французы и отчасни Италіяницы, соединяють нерѣдко множество словъ, дабы подчинить ихъ извѣстнымъ неизмѣняемымъ формамъ и вывести пошомъ главное заключеніе или изразить главную мысль. Испанецъ и въ семъ случаѣ поступаетъ гораздо простѣе: употребленіе пустыхъ, бесполезныхъ словъ для него неспосно и онъ шопчасъ при-

спунаешъ къ дѣлу, предославляя соединеніе идей самому Чашашелю или слушашелю. Онъ впадаетъ скорѣе въ другую крайность, ш. е. въ избытокъ мыслей и картинъ, особливо говоря о такихъ предметахъ, кои прогають его чувствительность и воспаляютъ воображеніе.

Мы уже выше назвали Испанцевъ націею истинно Писшическою. Мудрено ли, что главное богатство ихъ Липшерашуры состоишь въ Поэзіи? Сокровища оной споль же драгоценны, какъ и разнообразны. Тѣмъ болѣе должно пожалѣшь, что оныя споль мало еще извѣсны въ прочихъ земляхъ Европы. Германцы, сія нація, коей неупомимая дѣяшельность приобрѣла нѣкошорый родъ монополіи въ Липшерашурь и учености, были и здѣсь предшешвенниками сосѣдей своихъ: они умѣли уже присвоишь себѣ лучшія произведенія Испанской Словесности. Почтенное имя А. В. *Шлегеля* блисшашъ и здѣсь въ полномъ сіяніи: онъ успѣшно пересадишь на землю опечешвенную самыя прелешшныя, самыя благоухающія цвѣшы сей Липшерашуры. *Грисъ* и *Мальмбургъ* съ чесшію шешшвуютъ по слѣдамъ его, въ преложеніи опшроумнаго и нешшощимаго *Кальдерона*. Профессоръ *Бутервекъ* посвяшилъ Испаніи обширное опдѣленіе въ своей *Исторіи излщной Словесности* новѣйшихъ временъ. Между Французскими Писашелями, *Женгене* и *Сисмонди* знакомили своихъ соопечешвенниковъ съ сокровищами Испанской Поэзіи. Самое крашкое обзорніе оныхъ вывело бы насъ изъ

предѣловъ сей спашьи, кошорая и безъ того, по крайней мѣрѣ ишкопорымъ изъ Чипашелей, покажется слишкомъ длинною. Мы предославляемъ себѣ удовольствіе, сообщимъ имъ сіе обозрѣніе при другомъ случаѣ, въ спашьѣ, кошорая исключительно посвящена будетъ Испанской Поэзіи.

Доспойно примѣчанія, что въ сей спранѣ, по вѣсьмъ отношеніямъ Спихошворной, прочія Искусства, кошакже содѣйствуюшъ къ удовольствіямъ воображенія, никогда не были въ весьма цвѣтущемъ состояніи. Казалось, что Поэзія, сія старшая сеспра прочихъ Художествъ, присвоила себѣ надъ ними безусловное первенство и не хошѣла шерпѣшь и самой шьни сосязанія. Никакая Словесность такъ не бѣдна произведеніями изящнаго Краснорѣчія, какъ Испанская. Недоспашокъ сей шѣмъ непоняшиѣ, что не можешъ происходишь ошъ языка, кошорый, по своему богатству, звучности и по вѣсьмъ отношеніямъ, кажешся весьма способнымъ для Краснорѣчія. — *Музыка и Танцованье* суть Искусства общежительныя и пошому свойственны вѣсьмъ народамъ. Но Музыка въ Испаніи была всегда неразлучною спунницею и какъ бы служительницею Поэзіи; симъшо объясняется всеобщая любовь къ сему Искусству и распространеніе онаго между вѣсьми Сословіями. За то Музыка Испанская, ошдѣльно ошъ Поэзіи, не произвела почти ни одного шворенія, кошорое заслужило бы Европейскую славу. — Въ шанцахъ ешъ много національнаго: ишкопорые изъ оныхъ весьма

пріятны и выразишельны. — Внутреннія произведенія *Живописи* и *Скульптуры* украшаютъ храмы и чертоги Испаніи; но вообще мало извѣсны внѣ оной. Между Живописцами находились однакожь Художники отличныхъ талантовъ; число ихъ довольно значительное и произведенія пикторныхъ, вывезенныя изъ отечества, оцѣнены по достоинству и охотно покупаются любителями. (*) Впрочемъ собственно *Испанской* школы никогда не существовало: она есть отрасль *Италіанской*.

Единственное Искусство, дѣлающее исключеніе изъ вышеприведеннаго общаго правила, есть *Архитектура*: Испанія сохраняетъ драгоценнѣйшіе памятники онаго. Эпоха Мавританскаго владычества была вмѣстѣ благопріятнѣйшею эпохою для сего Художества. Здѣсь-то Архитектура Готическая соединилась съ Арабскою, а сія послѣдняя смягчила и украсила первую и придала оной большую роскошь и разнообразіе. Повсюду въ Испаніи, а особливо въ Королевствѣ Гранадскомъ, находящяся великолѣпныя останки сего Ново-Готическаго Зодчества. Мавританскій дворець *Алгамбра*, съ безчисленными своими башнями и прелестнымъ *Генералифомъ*, есть драгоценнѣйшій памятникъ Арабскаго искусства и великолѣпія. Между зданіями

(*) Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится нынѣ прекрасное собраніе картинъ Испанскихъ Художниковъ. По единогласному увѣренію путешественниковъ, ни одна Европейская столица, (разумеется, исключая Мадрида), не имѣетъ подобнаго.

позднѣйшихъ временъ, монастырь и дворецъ Эску-
риальскій безъ сомнѣнiя занимаешь первое мѣсто;
но сіе первенство принадлежитъ ему болѣе по
огромности, нежели по правильности и красотѣ
Архитектуры. — Во многихъ городахъ находяшся
также старинныя церкви, построенныя въ Готти-
ческомъ вкусѣ и принадлежащія къ числу прекрас-
нѣйшихъ зданій въ семь родѣ. Впрочемъ, ни одна
изъ оныхъ не можеть стоять на ряду ни съ вели-
чественнымъ Мюнстеромъ въ Спрасбургѣ, ни съ
церквію Св. Стефана въ Вѣнѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Е в п а т і й.

(Посвящено А. Н. Т — у.)

„Ты знаешь ли, вишь, ужасную вѣшь?

Въ Рязанскія стѣны вломилась Ташары.

Тамъ сильныя долго сшибались удары,

Тамъ яростно билась съ насиліемъ честь;

Но все побѣдили Башыевы рани:

Нашъ градъ — пепелище и Князь нашъ убитъ!“

Евмашію блѣдный гонецъ говоришь

И, страшно блѣднѣя, внимаешь Евмашій.

„О Вишязь! Я видѣлъ сей день роковой.

Багровое пламя весь градъ обхватило,

Какъ башня спрямилось и бурей завыло;

На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой

И крики послѣднихъ молишвъ и проклятій

Въ дыму заглушали звенящій буланъ;

Все пало — и небо сперхло сей адъ!“

Ужасно блѣднѣя внимаешь Евпашій.

*

Гдѣ-гдѣ на широкой долинѣ, огонь

Сверкаетъ во мракѣ ночнаго шумана:

То грозная рать побѣдителя-Хана

Покоишся — шихи воишель и конь;

Лишь изрѣдка, черной перевозимый грезой,

Ташаринъ въ просонкахъ съ собой говоришь,

Иль вздрогнувъ, безмолвно подвинешь свой щипъ,

Иль схватишь свое боевое желъзо!

*

Вдругъ . . . что шамъ за поношь въ ночной
пишишь?

„На бишву, на бишву!“ зываютъ Ташары.

Откудажь свершишель опчальной кары?

Не все ли погубло въ крови и въ огнѣ?

О родина, родина! Подъ лапами чеспи

Есть сильное чувштво, живое, одно; —

Полмертваго руку подѣмлешь оно

Съ послѣднимъ ударомъ рѣшишельной месши!

*

Какъ море вздымаешся, какъ море шумишь,
Почуя незаный набѣгъ Урагана, —
Шумящъ и волнуется рашники Хана;
Подъ попомомъ конскимъ долина дрожишь;
Толпы за толпами, какъ шучи, густыя
Дружину опважныхъ сѣсьсияющъ кругомъ;
Сто копій сражающъ сѣ Рускимъ копьёмъ —
И пало Геройство предъ силой Башыя!

*

Рѣдѣешь почнаго шумана покровъ;
Успихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежишь, окруженный шѣлами враговъ?
Уста ужъ не кличущъ непрешныхъ братій;
Ужъ кровь запекася въ опверстіяхъ лапъ;
А длань еще держишь кровавый булашь!
Сей падшій воишель свободы — Елпашій.

Н. Языковъ.

Дерпшь,
12-го Апрелья, 1824.

Невыгоды льта.

(Съ Французскаго.)

Какъ сельскій мой пріюшь зимой мѣть жиль бываешь!
Нѣшь принужденья въ немъ, нѣшь спленней, еуемы;
Товарищи мои — заняшь и мечты;
Но льпомъ мой сосѣдь къ себѣ перѣзжаешь.
Когда другіе ждуть, чтобъ краснымъ днямъ во слѣдь,
Лѣсь пышной зеленью, а лугъ одѣся цвѣшомъ,
Дрожу я, думая, что возвращаясь съ льпомъ
И комары и мой сосѣдь!

Кн. Вяземскій.

Эпиграмма.

Крезъ богашеть каждый годъ
И скуность каждый годъ его сильнѣе мучишь.
Бѣда, какъ новое наследство Крезъ получишь:
Онъ съ голоду умрѣшь!

К. Вяземскій.

Конецъ 8-й книжки.

Печаташь позволяется: Іюля 16-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.